

Вещь

2(22)/2020

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Поэзия

Андрей Коровин

Татьяна Инструкция

Переводы

Питер Джицци

Драматургия

Владимир Бекমেетьев

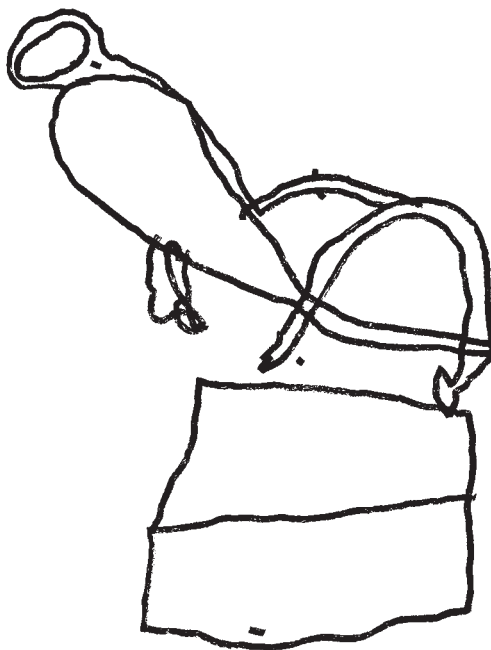

Вещь

2(22)/2020

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

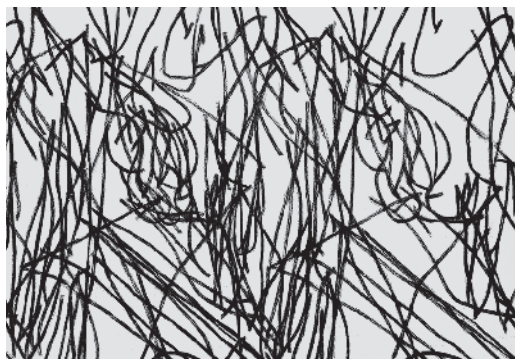
18+

3	Анна Панина <i>Бестиарий и другие стихи (поэзия)</i>
6	Виталий Аширов <i>Знак (рассказ)</i>
23	Андрей Коровин <i>Пропавшие (стихи)</i>
26	Константин Духонин <i>Заповедник мертвецов (окончание романа)</i>
63	Татьяна Инструкция <i>Письмо, телесность, урбанизм (стихи)</i>
67	Сергей Крюков <i>Прямой (повесть)</i>
76	Алексей Лукьянов <i>Бабочка нервно вздрагивает (стихи)</i>
81	Яна Полевич, Дебора Гринберг, Мария Гринкевич <i>Или топай, или верь (стихи)</i>
85	Владимир Бекমেетьев <i>Рандат (пьеса)</i>
105	Питер Джицци <i>Речь — молчи! (перевод Александра Уланова)</i>
110	Сергей Сигерсон <i>Всёки, ничевоки, ничевсёки (эссе)</i>
121	Борис Эренбург <i>Два писателя</i>
126	Авторы номера

Анна Панина

Бестиарий и другие стихи

Жаба

Изумруд с оплывшими краями,
твои грани движутся, как эскалатор, по кругу.
Огнетушитель радости. Сторож водяных
капель.
Где твои ключи? Прячешь их в подкладке
старого пальто,
Все думают, что ты в отчаянии от своего тела.
Но ты с ледяным восхищением
вглядываешься в зеркало,
ты видишь полупрозрачный огуречный
мармелад
в солнечных бликах.

Шмель

Крошечный полосатый взрыв,
остановившийся во времени,
окунулся в ледяную прорубь цветка —
ты вынырнешь из глубины,
как водолаз из теплого нектара,
снимешь свои механизмы,
размотаешь трубки, выбросишь маску —
как я тебя теперь узнаю?
каким ты стал теперь?
нащупаю в воздухе что-то хрупкое,
спрячу тебя в карман вместе с мелочью
и отдам кондукторше,
чтобы автобус, металлическая тварь
с пустым нутром,
полетел вперед.

Олень

Олень знает несколько букв, но самых
красивых.
Остальные не нужны.
Он идет по траве осторожно, как по битому
стеклу.
Мухи не садятся на его белые пятна.
Черви не смеют подползать к его скрипучим
копытам.
Пыльные капли дождя висят в воздухе.
Ветер, как прозрачные ножницы, разрезает
воздух между ним и волками.
Тот, кто точно сосчитает все пятна на его
шкуре,
Сможет позвонить ему после обеда
и добиться аудиенции.

Крокодил

В его глазах — вращающиеся грампластинки,
пластинки,
в мозгу крутится старинная песенка,
глаза засасывают в себя свет,
а внутри темнота.
Если ты заглянешь туда и нажмешь
на выключатель,
лампочка загорится, станет видно далеко-
далеко.
Станет видно, как над пузырящимся болотом
летает маленькая птица, ни вкуса, ни запаха,
одна только грустная песенка —
нежное крокодилье сердце.

Тень щегла падает на груды костей на заднем
дворе лабиринта.
Минотавр, равнодушно сутулясь, пьет чай
И лишь по привычке втягивает голосистый
комочек
в свой зрачок: обжигающий глоток — смятые
перья —

будешь ты петь или нет? — Но в темноте
голос затихает, она впитывает в себя все
звуки,
Как сахар — капли нашатыря.
Птица откроет глаза в мокром кустарнике,
на подтаявшем снегу,
В клюве — истертый обол.
Автобусы, как цветные тени, подманивают
людей.

Он ползает по заброшенному райскому саду.
Все ушли отсюда, кроме него —
Лошади, горностаи и собаки.
Уплыли медузы, инфузории и киты.
Убежали посмотреть, что будет с людьми,
Чтобы вдоволь посмеяться над ними.
Ветер, который поднялся от их движения,
Захлопнул невидимую тяжелую дверь,
И ленивец остался совсем один.
А ему некуда торопиться, ведь он в самом
лучшем месте
Среди всех возможных миров.

Я еду в поезде и вижу шесть собак.
Они мелькают мимо, как осколки
сервиза бабушки, когда с высокой полки
он падает и вниз летит во мрак.
И брызгами фонтана, резкий звон
распространив по комнатам холодным,
ложится на паркете. Что угодно,
но только бы не это! Никого
теперь неделю мне не видеть, одному
на зеркале в прихожей нюхать флоксы,
себе показывать язык... Но я увлекся,
в глубины прошлого ныряя, как Муму.
Жаль, станция мелькнула, разрывая мглу,
без остановки, как гирлянда, с воем.
О вечер грязными боками трется поезд,
летит мое лицо, прижатое к стеклу.

Толпа народу на перроне
шевелится, как старый кит.
То деньги из окна уронят,
то потеряют аппетит
проезжие. У них там душно,
как в батискафе под водой,
и смяты серые подушки
неунывающей судьбой.
Не видно, что там. Только если
лицо придвинется к стеклу —
квадратом темный фон обрезан,
холодный чай стоит в углу.
Но отражение мешает
в глаза поглубже заглянуть —
я вижу лишь себя. Три шага —
мое лицо спешит скользнуть
и вновь закрыть твое, как маской,
как будто я в вагоне том
сама готовлюсь в свистопляске
на полке спать под потолком.

вверху над городом бесшумно
блестит и кружится река,
в ней соловьи под черной шубой
в полупрозрачных париках,
бесплотным мухам в ней спокойно,
мечтая, плыть вдоль берегов
и целовать мизинцы мойрам

и жалить остальных богов
все отраженья, все движенья
здесь собраны и сведены
в пустую точку на мишени,
откуда возникают сны.
влекут застывшие фигуры
сухие волны, лед скрипит
на лицах облачных, и хмурый
порой откроется им вид
внизу, но мне — ни слова,
что видели, куда летят,
и то, что спрашиваю снова,
они совсем не говорят

За дверью цвел папоротник и горох,
зеленое пламя плясало везде,
и воздух кипел от летающих крох,
вертявых, как масло на сковороде.
Не зная добра и не ведая зла,
Гадюки с птенцами лежали в гнезде,
Обнявшись. И благоухая, росла
Огромная яблоня — в темной воде
с ее отражением играли мальки,
сквозь обручи прыгая, как циркачи.
Ключ не подходил, и дверные замки
мне не поддавались — стучи не стучи.
Что делать? Потерян приветливый дом,
где горя не знали, забот и нужды.
Тогда я сказала Адаму: Пойдем,
наверно, там будут другие сады.

Виталий Аширов

Знак

За публикацию муторной, странной, никем не прочитанной повести я получил гонорар из пермского издательства. 18 000 рублей. Деньги для меня большие. И сразу заглянул в ДНС. Боялся, что домашние заставят платить за квартиру. Решил: нужно купить компьютер. Точнее, не сам компьютер, а платформу — материнку, озу, процессор. Консультант посоветовал интел, хотя изначально я приценивался к райzenам. Ну интел так интел, подумал я. На интелях давно не сидел. Со времен пентиума. И вот, значит, купил эту платформу и, предвкушая радость сборки, помчался домой. Там был Сережа, друг сестры. Я похвастался процессором. Убежал в комнату, распечатал коробку и удивился,

что у процессора нет ножек. Вообще. Никаких. Мой старенький fx ошетиненный, как еж. А тут гладкая поверхность. Оказалось, ножки на новых интелях расположены в сокетах материнских плат.

Потратив примерно полчаса, установил все как надо. Отсоединил старый fx, достал материнку, открепил блок питания. Легко впихнул новое железо в древний корпус. И запустил. Думал — что-нибудь пойдет не так. Не включится или начнет лагать, но все прошло идеально. Компьютер зашелестел, на экране высветилось название производителя мамки — Асрок. Первым делом залез в биос. Он был непривычным, отсутствовали разные плюшки, которые имелись в прежней

msi, типа встроенной операционки на базе линукса, зато бут меню было простое и приятное. Я думал, система, установленная на старом ssd, не подхватит новую комплектуху, однако все прошло отлично. Винда запустилась с первого раза, даже синий экран не выдала, как прежде бывало при замене проца. Вот она, сила интела, подумал я.

Разобранный старый комп лежал на кровати. Нужно было с ним что-то делать. Аккуратно переместил мамку с кулером и вставленными плашками памяти на стол. И забыл про нее примерно на неделю.

Все это время я наслаждался новым компом. Прежде всего проверил тесты быстродействия в винраре в однопотоке и в многопотоке и был приятно удивлен. Интел 9400f показывал в три раза больше попугаев, чем старый fx. И по системе это очень ощущалось. Более отзывчивая, плавная. В играх выдавала раза в полтора больше фпс. Раньше я считал, что рулит видеокарточка. Оказывается, процессор тоже имеет немаловажное значение. В общем, чувствовал удовольствие.

Старая система лежала на столе и покрывалась пылью. Одно время держал ее на полу. Потом решил, что девочки могут наступить, и перенес на стол. Ее надо было просто продать, вот и все. Чтобы не мозолила глаза. Но следовало докупить блок питания и корпус. Хард выделяю из своих.

Мама дала полторы тысячи. Я поехал в Комком, купил дешевый корпус и простенький бп. Потом заставил племянника помогать в сборке, пообещав отдать ему на время новый комп. Предвкушая, как система запустится и поразит племянника огромным фпс, я нажал кнопку. И ничего не произошло. Комп не реагировал на включение. Начали разбираться. Колдовали над ним весь день. Сбрасывали биос, запускали без биоса. Доставали комплектующие. Пробовали другой блок питания. Другую оперативку. Компьютеру было все равно. Он не слушался. Я всю ночь сидел в интернете, искал похожие проблемы. Создал тему на дваче. Но ничего толкового не услышал и, выпросив у мамы триста рублей, отправился в сервис, где проверили материнку посткартой и выдали вердикт: сгорели

оба моста — южный и северный. Я удивился и сказал, что компьютер отлично работал, с чего бы они должны сгореть. Я просто достал материнку из корпуса. И она вдруг умерла. Это странно.

Как бы там ни было, я пришел домой грустный. И написал маме про вердикт мастера. Б/ушная материнская плата стоила две с половиной тысячи. Родительница поняла, на что я намекаю, и пообещала дать через месяц деньги. Я ждал. Когда прошел месяц, снова поехал в Комком, уже с fx-ом и оперативой. Мы проверили msi. Она стартовала, и проц даже не грелся, что было хорошим знаком. Я приехал домой, установил новую плату. И комп запустился! Он был готов к продаже.

Я долго прикидывал, сколько за него взять. Цены в интернете разнились, но в среднем этот сетап стоил 10к, за столько я и решил выставить. Однако, тестируя напоследок игры, понял, что меня ждет еще один облом. Игры вылетали. Особенно написанные на юнити. Три минуты и — вылет. Unexpected error. Переустановка винды ничего не дала. Вылеты продолжались. Я перепробовал все — драйвера, чистка ddu, пересборку. Поставил карточку со своего нового компа — и там все равно были вылеты. Это все выглядело странно. Где проблема? В новой материнке? В видеочипе? Никто не купит компьютер, на котором нельзя играть. Офисные машинки стоят по 1000 рублей. А я собирался за 10000 продавать. Не просить же у мамы на новую видеокарточку.

В отчаянии я вычел стоимость видюхи из конечной суммы. Получилось 7500. За эту сумму выставил на Авито и на Юле. В объявлении указал: компьютер предназначен только для офиса и не подойдет для игр. В принципе, за такую цену сетап был богатый — 8 гигаов оперы, жесткий на 500, шестиядерный fx, но покупателей я не ждал, ведь игры не пойдут. Сестра убеждала — все будет хорошо, обязательно найдется покупатель. Я не верил. Максимум через пару месяцев купят (дело шло к новому году).

Племянник отказался от нового компа, видимо, посчитал его издевательской подачкой. Все равно ведь на продажу.

Я убрал системник в свою комнату. И стал ждать, периодически заглядывая на Авито. Писали жадные неадекваты, просили продать за пять тысяч, за три тысячи. Через неделю позвонили с Юлы. Я спал, сестра дала трубку. Вяло пробормотал: ну. Мужчина накинулся на меня с матом, выговаривая за нуканье. Осовелый от сна, я тяжело дышал и вообще плохо понимал, что происходит. Наконец он признался, что покупает компьютер для сына. Играть. Я честно ответил, играть не получится. Незнакомец озадаченно извинился и положил трубку.

Через неделю появился нормальный покупатель. Судя по голосу, парень лет двадцати. Сказал, что покупает компьютер парализованному родственнику. Для игры в танки. Дескать, одна радость у человека. Танки. Я объяснил, что компьютер не предназначен для игр. Только встроенная карточка. Но ведь танки потянет? — парировал он. Не знаю, задумался. Я действительно ее не тестировал, потому что странно проверять встройку в играх. Да еще такую старую. Но на всякий случай сказал, что протестирую еще одну карточку (у меня — вспомнил — завалилась на полке 210-я нвидия) — ведь чем черт не шутит. Запустил, проверил и отослал человеку видео с процессом гейминга. Договорились с продажей на следующий день.

А потом решил еще раз поиграть, чтобы наверняка. И она вылетела. Опять. И вылетала снова и снова, какие бы настройки ни ставил. Мучился всю ночь, и лишь под утро заметил странный факт: если убрать одну планку памяти, игра вылетать перестает. На радостях я лег спать. Утром позвонил парню, объяснил, что произошло, и сказал: вычту тысячу из конечной цены. Бракованная оперативка. Так бывает. Он был несколько озадачен, в его голосе слышалось сомнение, но все-таки согласился приехать посмотреть.

Я протер комп тряпочкой, сдул с него пыль, установил еще пару игр, фурмарк и дискинфо. Включил танки. Вяло поиграл в эту тягомотину. И все в нетерпении бегал по дому, периодически выглядывая в окно, хотя покупатель сказал, что предварительно позвонит.

Поздно вечером, часов в десять, он все-таки позвонил. Я вышел его встречать. Это был молодой парень, значительно моложе меня. В черной болоньевой куртке, в джинсах. Улыбчивый, плечистый. Я показал компьютер, запустил фурмарк и дискинфо, но ему все это было неинтересно, он просил танки. Я нажал на ярлык, показалось окно с игрой. Можно играть. Ничего не лагает. Фпс нормальный. Ну да, неопределенно сказал он. А потом как-то скривился и попросил выставить графику на средние. Потому что на минималках сейчас играет инвалид, у него дешевый ноутбук. Смысл покупать в таком случае? Я вздохнул и переставил. Уже при запуске начало тормозить, а потом игра вылетела с ошибкой. Только не могу понять — вылетела из-за того, что графику подняли или потому что действовал прежний глюк. Я быстро переставил графику на минималки. И тут он сказал: запустим со счетчиком статистики. Если процессор не загружен — беру. Процессор оказался занят всего на тридцать процентов. Парень обрадовался, дескать, после того как поставит свою видеокарту, игра будет плавной. И выложил деньги. У меня упало настроение. Я нервничал, ерзал. И деньги брал неохотно. Что он, конечно, заметил. Я пообещал отдать свою старую видеокарту, которая раньше стояла. А потом почему-то игры стали вылетать. Но протестирую снова — может быть, все будет хорошо. И так мы разошлись. Я проводил парня. Договорились созвониться насчет видеокарты.

На улице было темно. Он сел в такси, унес мою черную коробку. Домой идти не хотелось. Опустился на лавку, уставился на беззвездное небо. Дома еще раз пересчитал сумму. И стала душить какая-то неясная тоска. А ведь у него будут вылетать игры на любой видеокарте. Возможно, процессор поломался или слот оперативки. Или еще что-то непонятное. Мне казалось, если он добавит оперативную память (вместо бракованной — я сказал, что стояла бракованная, но сам теперь был не уверен, там испортился слот или прием двухканала в самом процессоре) — начнутся вылеты. И видюха не спасет. В общем, я продал абсолютно негодную вещь. Сломан-

ный компьютер. Да еще и выдал за рабочий и, получается, за игровой. И деньги большие взял. Как за полноценную вещь. И теперь этот инвалид не сможет нормально играть. Будет хуже, чем на его ноутбуке. Покупатель был, я уже заметил, довольно плечистый. И я представил: он приходит домой, подключает мой компьютер со своей оперативкой и видеокартой, и у него по необъяснимым причинам начинаются вылеты. Он возвращается и бьет морду. Не хотелось, чтобы разбили морду. Но может быть, он просто попросит вернуть деньги. Я решил пока их не тратить. Отложить на месяц.

И все-таки заснуть не мог. Залез в интернет. Дрожащими пальцами набрал ему сообщение в ВК — дескать, видеокарта оказалась глючная, встреча отменяется. Он проигнорировал эту записку и ответил, что материнка купленного компьютера не видит его видеокарту. Я запаниковал. Ну началось, подумал. И за пару секунд нашел спасительное решение. Сбросьте биос, написал я. Старые мамки иногда «запоминают» предыдущую видюху и с новой не могут запуститься. Он ответил, что переустанавливает виндоус, потом попробует. Больше на связь не выходил. Это напугало еще сильнее. Раз Сергей не выходит на связь — наверно, злится на меня. Ведь после установки системы он, вероятно, понял, что ничего не изменилось, игры продолжают вылетать, а видеокарта не обнаруживается. Утром я сразу проверил сообщения, новых не было. Я попросил у сестры, чтобы немедленно дала трубку, если будет звонить вчерашний покупатель (Авито регистрировали на ее номер, у меня нет своего телефона).

Весь день я ждал, что Сергей вернется с системником, обругает меня, изобьет и потребует деньги обратно. Ведь у него бракованный компьютер. Сестра сказала: вы не заключали договоров, можешь смело посылать его к черту. Да он, по ее мнению, и не вернется. Все у него хорошо. Но я так не считал. Я знал, с компьютером что-то не так. Игры вылетают. Инвалид наверняка уже в ярости. И я представлял этого несчастного парализованного человека, у которого одна радость в жизни — игра в танки. И вот он в предвку-

шении удовольствия запускает новый компьютер. А танки вылетают. Раз за разом. Инвалид плачет. Его утешает Сережа. И обещает отомстить наглому барыге, продавшему хлам, то есть мне.

За целый день никто не позвонил и не написал. Я ждал. Был наготове. Придумывал разные оправдательные речи. Откидывал занавеску и тоскливо глядел в серую муть. Сестра надо мной смеялась. Называла идиотом. Говорила, что никому я не нужен. Что компьютер работает. Что Сергей права не имеет требовать возврата денег. И все-таки я волновался. Вечером я зашел к нему на страничку. Статус: оффлайн. Раз оффлайн, значит, возможно, едет ко мне. Я опять заходил по комнате. Прошу прощения, говорил я мысленно, может быть, у тебя оперативка не такая, fx работает только с определенной частотой. Или нет. Во время перевозки ты его зацепил, я тут ни при чем. Или сказать правду — я продал тебе компьютер, зная, что он нерабочий. Полурабочий. Я виноват. Готов вернуть деньги и даже накинуть сверху (попрошу у мамы тысячу). Сергей, сочинял я на черновике сообщение в ВК, все ли в порядке с компьютером? Если хотите вернуть — я всегда за. Но мне никто не писал. Он по-прежнему был оффлайн. Определенно замышляет. Мне было не по себе.

Оделся, вышел в подъезд, посмотрел во двор. Ветер свистел, стояла пустая серая «Волга». Придет со стороны мусорки, подумалось. Я сел на лавку и уставился на мусорку. Там копошился бомж. Рылся в грязи, складывал в пакет найденное. Через полчаса я вернулся и лег спать. Мне приснился этот бомж. Только теперь его лицо, походка, движения были знакомыми. Он доставал из мусорки системный блок, элтешный монитор, а потом тут же играл на нем, и заметив, что у кибератлета отсутствуют ноги, я проснулся в страхе. Первым делом бросился к сестре. Она готовила на кухне. Ну, спросил я, звонил? Юля покосилась на меня неодобрительно. Я повторил вопрос. Она ничего не ответила. Я опять повторил. Нет, хмуро произнесла она, отстань. Я проверил ВК. Сергей заходил утром. Но сообщений от него не было. Нужно было

ему написать — поинтересоваться, как новый системник, не возникло ли проблем. Но мне было неловко. Да и зачем я должен первый писать? У него проблемы — пускай сам ко мне обращается.

В том, что у него определенно есть проблемы, я уверился уже потому, что сестра хмурилась и на вопросы о звонке отвечала неохотно. Значит, звонил, похолодел я. Звонил и нагрубил. И она не хочет брата расстраивать. Или не звонил, а собирается позвонить. Я снова зашел к нему на страничку. Онлайн. Что он делает сейчас? Может быть, пишет заявление в милицию. Милиции я боялся особенно сильно. Там могли навесить на меня что угодно. Все нераскрытые кражи месяца.

Я кликнул на его фотографии. 574 снимка. Половина — скриншоты из разных игр, видимо, сделанных автоматически. На остальных изображен Сергей. В машине, машет рукой. На лыжах, в слепящих очках. На диване, в шлепанцах и шортах, улыбается. На подоконнике в обнимку с котом. На улице незнакомого города солнечным летом с двумя красивыми девушками. На парах в институте. Иногда рядом были подписи: там-то и там-то. Но чаще приходилось догадываться самому. Иногда имелись комментарии. Клевый. Напиши мне в личку. Это с кем? И бесконечные сердечки. Я нашел ряд фотографий с ним дома, и на одной был даже указан адрес. Может быть, автотеги проставились или Сергей сам отметил. Механически, не зная еще зачем, я переписал адрес. Мотовилихинский район. Далековато от нас. Неудивительно, что он долго добирался.

Я прилег. Кружилась голова. Зима стояла мягкая, почти бесснежная. Начал засыпать, и тут раздался звонок. Я бросился бежать, неловко толкнув сестру. Со второй попытки вставил ключ. Это были племянницы. Отлегло от души. Сестра уставилась на меня мрачно. Ты думал — Сергей? Я виновато пожал плечами. И спросил: никто не звонил? Она покачала головой. Ночью я уснул с трудом. Мне уже не хотелось возвращать деньги. Они лежали на полке и были предназначены для покупки новой видеокарты. А в том, что возвращать придется, я не сомневался. Я боялся сканда-

лов, криков, милиции. Вряд ли Сергей оставит это дело. Он мне показался человеком уверенным, деловым. И сильным. А может, без всякой милиции — морду набьет.

Промелькнули два быстрых дня. Периодически я интересовался: звонил или нет. И получал отрицательный ответ. Сестра уже на меня не злилась. Просто называла идиотом. Но идиотом я не был. Я продал заведомо неисправную вещь. Я не барыга, не мошенник по натуре. Совесть у меня все-таки есть. Так получилось, стечение обстоятельств. Сергей иногда заходил в ВК. Но ничего не писал. Не звонил. Наверно, злился. Или заявление накалал. Я опять возвращался мыслями к милиции. Невыносимая тоска. Я брал деньги, разглаживал, пересчитывал, аккуратно складывал на полку. Сестра, видя мое состояние, начала меня стебать. Дескать, если уж так помешался на нем, съезди, передай Сереже привет. И это была — в совершенно ином смысле — хорошая идея. Я мог действовать превентивно. Не ждать, чтобы утром ко мне постучались менты, а самому все разведать, находясь между тем на некоторой дистанции (звонить или писать я боялся, стыдился). Если он что-то задумал, я все выясню, просто подслушав у двери.

И только в автобусе понял, что не знаю номер квартиры. Важная деталь вылетела напрочь из ума. Возвращаться было поздно. Я решил доехать, посмотреть его дом. Он жил в старых постройках (вокруг разворачивались двадцатизэтажные гиганты), в длинном двухэтажном строении. С поблекшей штукатуркой, кое-где отставшей от стен. Напротив дома стояло голое дерево с обрезанными ветвями. На стене была надпись: ... крыса! (первое слово тщательно замазано). Подъезд не имел домофона, поэтому я легко попал внутрь, распахнув хлипкую скрипучую дверь. Пахнуло вонью, в которой смешались запахи съестного, подвала и мочи. Я не знал, в каком подъезде он живет, поэтому просто прислушался, надеясь по голосу определить Сергея.

Голоса постепенно проявились. И они были глуховатые, неразборчивые. Люди говорили плавно, на высоких тонах, будто жаловались на что-то. Я приложил ухо к одной

двери. И ничего не услышал, вся та же плавающая жалоба. Это ветер гудит, осенило меня. А люди молчат. Или говорят так тихо, что не слышно. Время было позднее, я думал, что он наверняка дома. Где-то здесь, близко. Поднялся на второй этаж и по дверям, по стенам попытался понять, в какой квартире — Сергей. Кое-где были наклейки от жвачек, местами накарябана нецензурщина. Только все это ничего мне не дало. Я услышал детский крик. Потом стук. Я будто находился на корабле и началась качка. Зажмурился, пытаюсь понять, из какой квартиры кричали. Повисла тишина. А потом с улицы отчетливо прозвучал голос Сергея: здравствуйте, баба Нина! Дверь распахнулась.

Я стоял на втором этаже, у меня дрожали колени. Если он сейчас поднимется — мне конец. Вряд ли найду что ответить на вопрос: почему здесь оказался. Вот, приехал поинтересоваться, как с компьютером дела. Глупо, смешно. Но Сергей открыл дверь на первом этаже (успел подсмотреть — первую от выхода). Бабушка поднялась, прошла мимо меня, смерила недовольным взглядом. Исчезла в квартире рядом с наклейками. Я осторожно спустился.

Дверь квартиры Сергея была обита темно-красным дерматином, снизу из-под него вылезала грязно-серая вата. Я коснулся пальцами этого грубого материала, затем осторожно приблизил ухо. Шла беседа. Он разговаривал с девушкой. Суть я не улавливал, потому что говорящие находились далеко — на кухне или в дальней комнате. Однако отдельные слова заставили насторожиться: смерть, случайность, заявление, без всякой жалости, тонкости, не простить, по плану, собрание, не вынести. Я понял, он отказался писать заявление, его не устраивает, что такие дела обычно рассматриваются медленно, а Сергей хочет наказать меня как можно быстрее, поэтому сделал заказ нужным людям и меня попросту убьют, подстроят несчастный случай. Я не был уверен, что все обстояло именно так, что я верно уловил значение слов. Вероятно, не смерть, а смета, не случайность, а чайник, — но это все было неважно. Он совершенно точно что-то затеял. И пусть

я еще не понял, что именно, но обязательно скоро пойму. И тогда смогу себя обезопасить.

Я сфотографировал дверь на всякий случай и уехал домой, решив завтра вернуться и что-нибудь выпытать новое. Сестре не стал ничего сообщать, она может посчитать меня полным идиотом. Долго рассматривал фото двери на мониторе. Вроде, ничего особенного, и в то же время в ней крылась загадка. В нарочитой потрепанности, цвете, простом узоре. Я проводил эксперименты. Увеличил трехкратно в фотошопе, осветил, наложил хай пасс, продолжал играть с фильтрами, пока картинка не перестала быть похожей на дверь.

Тогда я лег спать. В комнате было темно. Сквозь занавески лился приглушенный фоновый свет. По какому-то внутреннему наитию я отдернул занавески и увидел — прямо на меня смотрит человек. Я жил на первом этаже. Он стоял на газоне, близко к дому. И смотрел. Потом зашагал по дороге, за ним затрусила мелкая собачонка. Я натянул одеяло до лба и задрожал. Это мог быть сам Сергей (в темноте не разглядел) или его посланец. Они способны изучать меня в своих целях. Найти уязвимости и унижить. Нет у меня уязвимостей, бормотал я. Скорее всего, это был обычный прохожий, выгуливал собаку и на меня не смотрел, а витал в мыслях. Но уснуть удалось не раньше, чем через час.

С утра открыл фото двери и долго рассматривал его. В комнату неожиданно зашла сестра. Я загородил монитор спиной. Она передала телефон. Звонят. Я вздрогнул. С опаской взял сенсор. Незнакомый мужской голос. Звонил провайдер, навязать бесполезные дополнительные услуги. Я пообещал подумать и закончил разговор. Сестра усмехнулась, заметив мое замешательство. Все еще о нем думаешь? — спросила она. Нет, что ты, поспешил ответить я. Я же не сумасшедший, да и неделя почти прошла. Теперь я точно ему никаких денег не должен. Она кивнула и ретировалась.

А я собрался и поехал к Сергею. Хотелось провести возле его дома времени больше, чем вчера. Как следует все разузнать и понять, представляет он опасность для меня

или нет (хотя внутренне я чувствовал, представляет — и еще какую! требовалось лишь удостовериться в этом).

Еще на подступах к дому увидел: на лавочке та самая пенсионерка, полноватая, в черном платке, с черным пакетом на коленях. На голом балконе второго этажа стоял костлявый дед, в белой майке и трусах. Пенсионерка выговаривала ему что-то про овощи, но я не стал прислушиваться, боком прошмыгнул мимо и ухом прильнул к знакомой двери. Не знаю, был ли Сергей дома, но за перегородкой ощущалась напряженная жизнь, хлопало, посвистывало, гулко пульсировало, по всей квартире проходили странные низкочастотные волны. Немного погодя я понял — играет музыка, вероятно, у соседей. Я сделал еще несколько фотографий двери. Соседние тоже снял на всякий случай. И включив айфон в режим диктофона, приложил к замочной скважине. Дома послушаю, постараюсь вычленить из напластований звуков что-нибудь осмысленное. И тут за спиной раздался голос: что вы делаете, молодой человек?

Медленно развернувшись, я увидел деда, того, который стоял на балконе. Теперь на нем были треники, белая майка осталась та же самая. В руках он держал ружье. Я сильно испугался. Может быть, он сумасшедший и сейчас застрелит меня. Дрожащим голосом объяснил, что жду товарища. Нет у тебя здесь товарищей, грубо оборвал меня дед и жестами приказал следовать вперед. Я механически повиновался.

Мы поднялись на второй этаж, и старик заставил войти в его квартиру. Дуло упиралось в лопатки. Это было неприятное ощущение. Квартира — однокомнатная, маленькая, неприбранная. Сверху лампа на голом проводе. Продавленный диван с грудой разноцветных одеял. Стопка газет на полу. Зеленые обои с витиеватым барочным узором. На столе радио с разобранной крышкой. На нем жужжала и копошилась крупная муха. Указал на диван. Я сел. Дед по-прежнему не убирал палец со спускового крючка. И буровил меня влажными подслеповатыми глазами. Сколько ему? 80?

Он сказал, что не в первый раз меня видит. Что я домушник. Присматриваюсь к квартирам, выбирая, какую ограбить. Сейчас придет милиция. Деду дадут премию за бдительность, а меня упекут за решетку. И если я совершу резкое движение, будет стрелять. Я сидел вялый. Передо мной — полоумный дед. Внизу — квартира Сергея. Слово разворачивался страшный сон, чью логику я пока не мог понять. Я, конечно, начал объяснять, что здесь совершенно случайно, жду товарища, но это звучало неубедительно. И дед меня не слушал, наблюдал за мухой. За окном завывали сирены. Тогда я струхнул окончательно и произнес правду: его зовут Сергей. Я его обманул. Он живет внизу и замышляет против меня что-то.

— Сергей? — восторженно воскликнул старик.

— Сергей мой враг, — произнес я.

Машина с мигалкой промчалась мимо. Звук затух. Подобие улыбки проявилось на лице хозяина.

— Гляди-ка, — он покачал головой, — надо же.

Он подошел ко мне близко и, дыша перегаром, прошептал:

— Сергей — странный молодой человек!

Он бросил ружье на стол. И задумчиво заходил по комнате.

— Я слежу за ним. С того дня, как он тут поселился. И это, признаться, чертовски забавно. И странно. И страшно. Да, и страшно. Он... — старик напрягся, подбирая слово, — мне кажется, он связан с международным шпионажем и тайными делишками нашего правительства. Вот тут у меня есть фотография.

Он бросил мне на колени старый снимок. На нем был Сергей. А рядом кто-то смутно знакомый. Да это же президент, осенило меня. Президент пожимал Сергею руку. Сергея пристально смотрел куда-то вбок, словно видел там что-то гораздо более важное, чем глава государства. Они стояли в пустой комнате. Ни стола, ни стульев, даже двери я не заметил. Может быть, слилась со стеной — фото было давним, с трещинками. И президент намного моложе, а Сергей совершенно не изменившийся.

— Как такое может быть? — пролепетал я.
Дед пожал плечами. Грубо вырвал карточку и спрятал в карман.

— Допытываюсь. Полжизни допытываюсь. И где-то упускаю. Но я о нем многое знаю. Он у меня вот здесь! — старик сжал кулак. — Еще чуть-чуть, и всю его подноготную пойму. А главное, — Он поманил меня пальцем, — я проделал дыру.

Старик отогнул палас, лежащий на полу. Там было продолблено небольшое отверстие, ведущее в нижнюю квартиру.

— Лупу подставляю и смотрю. Хорошо видно.

Он протянул тяжелую лупу. Я неуверенно взял.

— Смотри, смотри!

И когда я взглянул сквозь лупу, то увидел свою сестру. Она была сверху обнаженной, а низ ее пропадал, расплывался мириадами тонких цветных полосок, завивающихся, плывущих. Наверно, они занимались сексом — но никакой конкретики я рассмотреть не мог, как ни вертел лупу. Полоски, и ее лицо, запрокинутое вверх, сияющее от восторга. Я понял, все дело в негодной старой лупе, она дает искаженное изображение. Нужно посмотреть без нее — и тут в квартиру забарабанили с такой силой, что я испуганно застыл на месте.

— Милиция, — пробормотал старик.

— Дайте мне убежать? — прошептал я, — через окно, по балкону.

— А вдруг ты домушник? — недоверчиво произнес он.

И добавил:

— Ты точно домушник. Это факт.

Я ожидал, что в квартиру ворвется отряд, и меня скрутят, положат лицом вниз. Но вошел один участковый. У него был утомленный вид. Толстые щеки и длинный нос. Он посмотрел на нас брезгливо и защелкнул на мне наручники.

— Третий за месяц, — произнес он, — хорошо работаешь, Митрич.

Старик раскланялся. Миновали подъезд. В квартире Сергея мужчина и женщина говорили на повышенных тонах. Участковый вывел меня из дома. Откуда-то за шиворот

сыпанул снег. Старик (опять в трусах) стоял на балконе. Пенсионеры не было.

Я думал, мы сядем в машину с мигалкой и быстро доедем. Там разберутся и отпустят. Но участковый долго водил меня по дворам. То возвращаясь, то заходя в какие-то тупички. Мне стало казаться, что он и сам не знает, куда идет. Я всегда боялся милиционеров. Неизвестно, что у них на уме. Но сейчас испытывал раздражение, усталость, равнодушие. Все должно закончиться. Я хотел просто уснуть. Мы остановились возле трехэтажного желтого дома, и он разговорился с бабкой, выгуливающей таксу. Они обсуждали пустяки, на меня никто внимания не обращал.

Убежать я не мог и не планировал — бессмысленно. Я колупал мерзлую землю носком ботинка. И думал о том, что Сергей, должно быть, как-то все это устроил, и теперь в отделении мне сразу предъявят обвинение в мошенничестве. И еще с недоумением я вспоминал сцену под лупой. Может быть, от переутомления почудилось. А если они и в самом деле любовники — то это ни в какие рамки не помещается. Когда Сергей приезжал к нам, сестра не выходила из комнаты. Познакомиться они могли до того, как он позвонил по компьютеру. И тут меня осенило страшное подозрение: а что, если познакомились после? Он стал названивать, требовал вернуть испорченный товар, наседали, она как могла сопротивлялась, легкомысленно решив, что сумеет самостоятельно закрыть вопрос, и постепенно в него влюбилась, и теперь он вертит ей как хочет. Сестра в любое время приезжает к нему. И выполняет его желания. Открытие захватило меня целиком. Я попытался найти слова, чтобы дома ее укорить и уязвить, но не нашел. Она взрослая женщина, запретить я ничего ей не могу. Надо просто перестать с ней общаться. Тем более я арестован, так что такая возможность предоставлена мне сполна.

Участковый снова повел меня куда-то, и мы наконец зашли в старое бетонное двухэтажное здание. Ни с кем не здороваясь, не показывая пропуск — хотя на входе гыгикали мордатые контролеры — он провел меня в обшарпанный кабинет без таблич-

ки. И битых два часа писал протокол, пока я от скуки наблюдал за мухой, ползущей по стеклу. Иногда задавал короткие вопросы: прописка? Цель визита в подъезд? И опять принимался писать. Меня пробивала дрожь — вдруг он приписывает мне несовершеннолетние преступления. Но потом я осознавал, что протокол-то все равно придется читать, и успокаивался.

Однако прочитать он не дал, взял за руку и повел длинными коридорами, по лестнице, ведущий вниз. Там был ряд тяжелых, обитых железом дверей. Он закрыл меня в камере. На вопросы не ответил. Наоборот, скривился от недовольства, едва я стал их задавать, как будто делает мне величайшее одолжение, а я почему-то возмущаюсь. Камера была одноместная. Решетка на крошечном окне. Железная койка, приваренная к стене. Я сразу лег на нее. И заплакал от бессилия и отчаяния. Старался ни о чем не думать и заснуть, но сон не приходил. Обступали смутные страхи и подозрения. Я снова и снова возвращался мыслями к увиденному у старика. Фотография Сергея с президентом. Конечно, бред. Монтаж какой-нибудь. И дыра. Старик из ума выжил, пол расколотил. К нему нужно психушку вызвать. А его почему-то мент уважает. Возможно, знакомый или родственник. Эти соображения меня немного расслабили. Но ведь я видел сестру и какие-то пестрые полосы, как в изображении с испорченной видеокарты. Лупа с дефектом. Усталость. Бред. Выплюсь, и все как-нибудь само собой разрешится — логично и правильно. И ничего не разрешилось. Утром (проспал всю ночь) участковый привел меня в кабинет и сказал:

— С тобой хочет поговорить очень серьезный человек. Веди себя достойно.

Через минуту в кабинет вошел высокий незнакомец в военной форме. Он встал передо мной и минуту сверлил меня глазами. Потом положил на стол две перевернутые фотографии.

— Внимательно рассмотрите. Вам известны эти люди?

Я выхватил снимок наугад. На нем был Сергей. Он сидел в лесу на поваленном дереве. За пояс был заткнут пистолет. На втором

фото я увидел свою сестру. Я едва узнал ее, потому что она была в нетипичном облике. В армейской форме на параде. Верно, фотограф шевельнул рукой, получилось немного смазано. Ее лицо как бы раздвоилось, и оттого, что рот Юля приоткрыла, он наложился на себя же и казался огромным.

— Большой рот, — произнес я зачем-то.

— Знакомы? — опять поинтересовался мужчина.

— Это моя сестра. И парень, которому я продал компьютер.

— Имя сестры, где она работает, учится, с кем встречается.

Я принялся рассказывать, и вдруг осекся, поняв, что он не слушает. Сумбурно передал историю моих взаимоотношений с Сергеем, умолчав про сломанный компьютер. Я утверждал, что системник был рабочий, и яростно настаивал на этом. Военный усмехнулся. Он словно что-то знал. И тут меня прорвало, я закричал, что действовал по закону и ничего неисправного не продавал. Не мог обмануть инвалида, у меня все-таки есть совесть. Там все работало отлично. А если и сломалось — то виноваты кривые руки покупателя. Он сурово посмотрел на меня, потом прервал мою истеричную тираду, заявив, что его это не интересует.

— Проблема в другом, — заявил он. — Внимательно поглядите на фотографии. Что вы видите?

Я пожал плечами.

— Еще раз. Изучите фотографии. Внимательно.

Я уставился на них, теперь уже пристальнее. И что-то странное стал замечать. Одинаковые брови. Тот же нос.

— У них очень похожее лицо, — произнес я.

— Не просто похожее, — кивнул военный, — это один и тот же человек.

— Это моя сестра, — возмущенно заявил я, — она не может быть Сергеем.

Но военный настаивал. Тыкал в снимки, повышал голос. Он был очень убедительным, и я почти поверил, что Юля — Сергей. Хотя это было странно и даже граничило с бредом. Я знал ее с детства. Видел голой. Никаких мужских органов у нее нет. Впрочем,

сестру могли в какой-то момент подменить (на что неоднократно намекал собеседник). Но почему именно она понадобилась влиятельным злоумышленникам? И где она теперь, если со мной живет другой человек? Вопросы я задавал скороговоркой. Военный их игнорировал. Он будто ждал чего-то. А потом приблизился ко мне. И я вплотную увидел его узкие и красные (после бессонной ночи?) глаза. Он заговорил шепотом. Сказал, что президент страны убит. Прошло две недели после убийства. Президента заменили на двойника — нежелательно поднимать панику среди населения. Двойник прекрасно справляется со своей задачей. Остается одна проблема: поймать и наказать убийцу. Личность преступника уже известна (пробили по камерам) — это мой знакомый Сергей, или, что то же самое, Юля. Человек крайне опасный и осторожный. У него связи в международных организациях. Он ускользал неоднократно из рук властей различных государств, где обстрепывал свои нечистые делишки. И моя задача в сложившейся ситуации, говорил военный спокойно и уверенно, помочь органам поймать и обезвредить Сергея. У него необыкновенный нюх на засады, облавы и прочие подставы, но тебя он ни в чем не подозревает, ты чист и поможешь нам заставить его врасплох. Согласие на проведение операции будет тебе полезно во многих отношениях — избежишь наказания за воровство (ты же домушник), отдашь гражданский долг стране, получишь хорошую премию и в случае везения отыщешь настоящую сестру. Соглашайся.

Я знал, если откажусь, меня просто расстреляют и объявят без вести пропавшим, поэтому не понимал, зачем он развел дурацкий цирк. Видимо, им прежде всего нужна была моя внутренняя мотивация, чтобы не возникли ошибки и осечки. Я подписал бумагу, получил скупые инструкции: наблюдать, фотографировать, передавать сведения связному (подаст знак), ждать дальнейших поручений. От всей этой информации у меня пухла голова.

На улице меня затрясло, заколотилось сердце. Я побежал. И долго не мог отдышаться,

остановившись в незнакомом переулке. Президент убит. Вместо него двойник. Юля не сестра, а переодетый мужчина. Я домушник. И тайный агент правительства. Какое-то безумие. Как очиститься от него, отряхнуться?

Дома все было по-прежнему. На вопрос — где был, я ответил, что ночевал у Юры. Сестра вела себя как ни в чем не бывало. Я боялся, Юля поймет что-то, но, видимо, меня она (или он?) действительно не могла подозревать и общалась со мной с абсолютно таким же напускным равнодушием, как прежде. Я вернулся и проскользнул к себе, оставив щель в двери, чтобы наблюдать за тем, что происходит на кухне. Юля возилась со стиральной машиной, запихивая в ее чрево лифчики, носки, детские панталоны. Пальцы двигались проворно, спина была полусогнута. У нее отчетливо выделялась грудь. Накладная или после операции? Поверить, что в кухне орудует чужой человек, я не мог. Для проверки встал, зашел налить кружку воды (чай не пью — вредно моему желудку), искося смотрел, как она моет посуду — быстрыми, точными движениями. Спросила, почему я грустный. Пожал плечами. Из-за компьютера все еще переживаешь? Ты что, поспешил ответить я, и думать забыл. Уже столько времени прошло. А деньги еще не потратил? Спросила она. Не потратил, ответил я, завтра поеду в город, куплю в уценке ДНС видеокарту.

Я и в самом деле собирался купить видеокарту, но прежде всего планировал проследить за сестрой, когда она поедет на работу. Точных инструкций у меня не было, поэтому я импровизировал. Хотел заметить странности, своеобразности, дернуть за ниточку и распутать весь клубок. Сказать, что я не боялся, будет чушью. Меня трясло. Но после ночи в участке, после беседы с представителем власти мои личные сложности отошли на второй план. Восприятие жизни притупилось под наплывом новых впечатлений. Я видел не кошмар рядом со мной, а конкретного врага, которого нужно сдать, едва товарищи подадут сигнал.

Она почему-то не поехала утром на работу. Я караулил у двери. Слышал шаги, дыха-

ние, голос. И когда якобы случайно заглянул в ее комнату, обнаружил, что сестра лежит на диване, уткнувшись в телефон, и что-то печатает. Я почувствовал, внимание мое начинает настораживать Юлю, и поспешил уйти. Но почему она не пошла на работу? Спросить стеснялся — могут возникнуть подозрения. И просто ходил по комнате, не в силах ни на чем сосредоточиться. Открыл ВКонтакте, страницу Сергея, и обнаружил неприятный факт: удалена. Тревога усилилась. Хотя в свете недавних событий — могло произойти все что угодно.

Я лег на пол и в щель под дверь стал следить за ступнями сестры. Они перемещались по кухне. Шлепали, сближались, расходились. Ничего подозрительного в этом не было. Внезапно они направились в мою сторону, и я подскочил. Вид у меня был глупый. Спросила, почему я не поехал за видеокартой. Сказал, что собираюсь. Пришлось, действительно, съездить в ДНС, купить ценненную видеокарту 970gtx. Неплохая модель от вендора EVGA, мощная, тянет любые игры. Денег не осталось. Видеокарточка работала отлично, но сильно грелась в играх. Это я списал на то, что термопасту давно не меняли. По совету двачеров я сделал даунвольт, и греться перестала, выдавая на старом мониторе приемлемое количество фпс.

Прошло несколько дней. На работу Юля не ходила. Я беспорядочно качал игры с торрентов и играл не более десяти минут, проверяя фпс. Удалял и ставил другие. Фпс радовал. Параллельно я искал знаки, сигналы и символы от людей из штаба, но со мной никто не связывался. Я понял, пока они всецело полагаются на мою инициативу.

Однажды под утро я услышал, сестра ходит по кухне и шепотом матерится. Потом она застучала ключами и осторожно открыла входную дверь. Ночью я всегда бодрствую. Хватило минуты, чтобы одеться и выскользнуть за ней.

Было часов шесть, по улице стлался легкий туман, небо начинало синеть. Она шагала далеко впереди и не замечала меня. Я двигался следом, стараясь не сокращать расстояние примерно в сто метров. Если Юля совсем

пропадала из вида, я ускорялся. Мне нравилась роль согладателя. Хотелось хохотать от почему-то переполнявшего меня восторга, и я глупо улыбался. Она двигалась к остановке, тая в тумане, в котором все таяло, казалось нечетким и блеклым. Подошел первый автобус №53. К счастью, народа набилось много, сестра меня не заметила. Я успел заскочить и спрятаться на заднем сиденье.

Спустя час она вышла на Компросе и нырнула в толпу. К тому времени небо окрасилось розовым, и зеркальный дом правительства вдалеке засиял. Как будто сияние было знаком, она заторопилась и вскоре совсем побежала. Но я не терял ее из вида и тоже ускорил шаги. Юля приблизилась к дому правительства и беспрепятственно вошла через боковую дверь.

Я был очень удивлен. Даже ошеломлен. Что она забыла там и как сумела пройти — туда никого не пускают, кроме уполномоченных лиц, депутатов и спецработников. Меня, как ожидалось, близко не подпустили. Когда я остановился возле плотного кордона и стал интересоваться про девушку, омоновцы развернули меня, пригрозив посадить на пятнадцать суток за нарушение общественного порядка. И я поплелся обратно.

Вернулась она около 6 вечера. Я невзначай поинтересовался — что показывали сегодня в театре и насколько удачным был день. Она сказала, что играли какую-то модернистскую ерунду. Зато продала десяток биноклей. По дороге зашла в магазин и купила сушек. У меня выпали почти все зубы, и она об этом знала. Сушки я есть не мог. Проворчал что-то и все-таки вытащил сушку из кулька, начал сосать. С жалобой на боли в ногах Юля ушла в комнату и закрылась. Меня так и подмывало подглядеть, что она (он) там делает. Я на цыпочках подкрался к двери, лег и уставился в щель. И сразу увидел тот старый невероятный кошмар, вихрь из цветных полосок, роение, мельтешение. Почти тотчас сильно заболела голова. Я отполз, рухнул на кровать и попытался забыться.

Сон не пришел, я впал в тупое оцепенение без мысли и чувства и в таком состоянии пролежал до трех ночи. Потом осовелый сел

за компьютер и зачем-то зашел на ее страницу. Несмотря на поздний час, Юля была онлайн. Вот бы взломать ее аккаунт. Наверняка там переписка с сообщниками. И разные иные тайны. Я смотрел на аватар — картинку с черепом — и качал головой. Взломать не смогу. Туповат в этих делах. Остается уличить момент и зайти с ее телефона. Однако он всегда при ней. Тем более — запаролен. Товарищи из штаба ждут от меня активных действий. Что ж, я кое-что узнал. И узнаю еще больше — завтра или послезавтра, когда она снова уйдет якобы на работу, попробую проникнуть следом, нужно лишь как-нибудь обмануть омововцев. Но тут же упал духом — что я могу им противопоставить? Ровным счетом ничего. Меня развернут, да еще людей навешают. Нужно какое-нибудь оригинальное, красивое решение. И оно нашлось.

С давних пор у меня валялась миниатюрная видеокамера в зажигалке, купленной за копейки на алиэкспрессе. Когда-то я пытался следить за детьми в туалетах и проч., чтобы мастурбировать, и мне понадобился укромный девайс. Но качество совершенно не зашло, разрешение маленькое, картинка мыльная. Я забросил ее на полку, к мелочи и проводам.

Подзарядил от юсб — как новенькая. Тихой сапой прошелестел по коридору и вставил в карман-пистон Юлиной куртки. Конечно, казалось, что сделал все криво, и она (он) тотчас раскусит мою жалкую уловку, однако все прошло гладко. Я притворялся, что сплю. Она одевалась. Лязгнул замок. Затихли шаги. Я выглянул в окно — спина сестры удалялась, пока не исчезла среди многоэтажек.

Залаяли бродячие псы. Они всегда под утро начинают перелаиваться. Скулеж, вой, недовольное бурчание. Будто жалуются друг другу на что-то. Открыл окно, крикнул: вон пшли! Собаки, сидевшие на земляной круче, отпрянули, отбежали на пару метров и снова затаили тоскливое. Я схватил с кухни плесневелую корку черного хлеба, швырнул в самого лохматого пса. Стая бросилась враспынную.

Я понимал, что не усну до полудня, поэтому запустил компьютерную игру и отвлекся.

На камеру запишутся первые три часа. Если запишется. Если не спалит. Шансов мало, и все-таки они есть. Вряд ли «сестра» ожидает от меня подвоха. А если спалит? Провал операции? Не слишком ли я нагловат с этой затеей? Так я себя накручивал, а потом уснул.

То, что я увидел вечером, многократно превзошло предвкушения. Я был настолько шокирован, что даже задернул шторы и выключил свет. Почудилось, меня могут увидеть и наказать. На мониторе продолжало проигрываться видео из камеры, вмонтированной в зажигалку. И это не было монтажом, или сновидением, или чем-то не из нашей вселенной.

Сперва происходили банальные вещи. Вот сестра садится в маршрутку — сонные рожи, лужи в окне, тархтенье. Блеск рассвета, голуби, автомобили. Вот она входит в здание, в огромный дворец. Полно людей, слышна иностранная речь. На лифте поднимается вверх. Идет по бесконечному коридору, устланному красным ковром. Заходит в кабинет. Вешает куртку на вешалку (все вижу из угла). Садится перед зеркалом. Гримируется, облачается в официальный белый костюм. И теперь она больше не Юля, а двойник президента! Это игра? Что происходит?

На моменте с преображением я поставил на паузу и долго не мог понять, что, собственно, случилось. Пазл не складывался. Если президент убит (и убит Юлей), то каким образом сестра играет роль его двойника? И зачем? И кто ее выбрал? Знают ли об этом мои наблюдатели из штаба? Голова шла кругом. Дело принимало неожиданный оборот. Как бы там ни было, Юля становилась все более странной. Нужно срочно передать данный факт товарищам, иначе будет поздно. Кто знает, с какой целью она исполняет роль двойника, какие каверзы замышляет. И, главное, удивительно похожа. Всего-то наклеить усы, налепить фальшивый подбородок. Я обязан вывести ее на чистую воду.

Но напрямую поговорить с ней не мог. Боюсь. Я человек мягкий по натуре и ужасно боюсь скандала, а в том, что он непременно разразится, если начну что-то такое предпринимать, не было сомнений. В лучшем случае

она меня высмеет и выставит дураком. В худшем — убьет. После всего, что я видел, уверен, у нее обязательно есть оружие. И вообще, пора переходить к решительным действиям. Обшарить ее комнату. Телефон. Сумочку. Карманы. Если что-то найду — отнести в штаб. Коли ничего не обнаружу, все равно съездить. Доложить о двойнике. Вряд ли им это понравится. Они предупреждали, никаких активных действий предпринимать не надо — сами свяжутся, когда придет время. Но после череды новых событий я не мог оставаться простым наблюдателем. И был обязан сообщить.

Напрасно я вглядывался в ночную улицу, ожидая, что какой-нибудь нищий махнет мне рукой, давая знак. Или человек в одежде рабочего остановится и произнесет слово-шифр. Или подбежит мальчишка с запиской, и там — явка и дальнейшие указания. Не было ничего. Я смотрел в пустоту. И видел звезды. Розоватый край луны. Слышал, как шелестят шины и перелаиваются собаки. Юля спала. И хотя меня так и подмывало начать сейчас же обшаривать ее куртку — решил оставить на завтра.

С утра она ушла в магазин. Немедленно пробрался в большую комнату и тщательно прошелся по шкафам, по книжным полкам, заглянул под ее матрас, под стол, пошерудил по подоконнику. Ничего интересного. Да я и сам не знал, что хочу найти. Оружие. Секретные коды. Графики. Списки имен. Однако передо мной были лаки для ногтей, прокладки, детские трусы. Изучение куртки (сестра спала после обеда) ничего не дало. Залез и в сумочку. Пара автобусных билетов, карандаш, пустой кошелек. Никаких тайн. Итак, я был в тупике. Это только укрепило мою решимость отправиться в штаб.

На автобусе добрался до Мотовилихи и двинулся по улицам в надежде отыскать нужный пункт милиции. Блуждал около часа, пытаюсь напрячь память, вспомнить дворики, тупички, площадки, по которым мы проходили с участковым. Безрезультатно. Все вокруг было незнакомым или смутно знакомым, и если я чувствовал, что вот оно, где-то здесь поблизости, то тут же наитие пропадало, и я

опять впустую бродил по чужой местности. Прошел еще час, я начал понимать, что зря не сделал пару фотографий, едва меня выпустили из заключения. Но я находился тогда в крайне взвинченном состоянии. Надежда найти это место рухнула. Подумалось: должно быть, полицейский нарочно долго водил меня туда и сюда, старался запутать. Везде были старые многоэтажки, изредка я проходил голые аллеи, пахло собачьими экскрементами. И все время попадались ржавые гаражи. Словно одни и те же. Красный, серый. Красный, серый.

С неба закапало. Кончалась зима, и, по сути, должен лететь снег. Я открыл рот и, как ребенок, проглотил каплю. Она вошла в меня, и я ничего не ощутил. Ни вкуса, ни влаги.

Домой уезжать с пустыми руками не хотелось. Боялся подвести штаб. Еще немного, и будет поздно. Проще всего спросить у прохожих — тогда бы мне подсказали. А я почему-то не думал об этом. Вернее, думал, конечно, но спрашивать постеснялся. Боюсь общения с незнакомыми людьми. От них можно ожидать чего угодно.

Пришла спасительная идея — старик из дома Сергея наверняка должен знать расположение участка. Я сел на ближайший автобус. Уехал в самые задворки. Нашел двухэтажный продолговатый дом, шагнул в подъезд. Сердце колотилось. Не хотелось снова беспокоить взбалмошного старика. Он и выстрелить может. Но я был в каком-то смысле аффилирован государством и должен действовать решительно. Поднялся наверх, стараясь не смотреть на дверь Сергея (была приоткрыта, гудели мужские голоса) и надавил кнопку звонка. Никто не ответил. Прижался ухом к двери и услышал, как внутри кто-то слабо завывает, потом по невидимым внутренностям проходят вибрации, что-то щелкает и поскрипывает. Внутренняя жизнь дома. А человека не слышно. Я еще раз безуспешно позвонил. И заметил записку в щели косяка. Печатными буквами: «Ключ под ковром. Ушел збербанк». Прыгнул на подоконник, покрытый толстым слоем пыли, убедился, что поблизости никого нет. Нашу-пал ключ.

В квартиру вошел тихо и быстро, словно домушник. И обмяк от сладкого ужаса. Осознал, что отсутствует смысл моего пребывания здесь, старика все равно нет. Я становлюсь преступником. По идиотской смехотворной причине. Попробуй потом докажи, что не хотел воровать. Комната была одна и захлавленная. После моего последнего появления здесь ничего не изменилось. Зачем я проник сюда? Что я ищу? Я оглядывался, шарил глазами по убогому барахлишку и вдруг вспомнил про дыру в полу. Захотелось снова подсмотреть за Сергеем. В той квартире определенно что-то происходит. Пусть там нет сейчас Сергея, но какие-то голоса все же раздаются.

Я отогнул палас и не обнаружил дыры. Это было странно. Наверно, он зацементировал ее, чего-нибудь опасаясь. Или не там смотрю? Внимательно исследуя поверхность пола, я нашел подозрительное место, краска была вроде бы свежая. Поскреб ногтем, понюхал. Отвратительный запах.

И тут в мои уши ворвалась мелодия радио. Она звучала откуда-то сверху, будто с потолка. Советское радио стояло на шифоньере и пело пронзительным детским голосом о будущем и мечте. Музыка закончилась, раздался знакомый голос ведущего новостных программ для пенсионеров, застрявших в прошлом. На этот раз он был, кажется, искренне взволнован. Суть речи сводилась к тому, что сегодня в доме правительства пройдет прямой эфир международного саммита с участием нашего президента и глав азиатских государств. Встреча будет чрезвычайно важной и даже решающей — ведь отношения между ними накалены до предела.

И я понял: разразится война. Вот в чем смысл двойничества. Сергей, будучи агентом иностранной державы, хочет подтолкнуть, спровоцировать соседей на серьезные меры. Бывший президент, настоящий президент, блестящий оратор и дипломат, спокойно уладил бы любые проблемы, но Сергей в образе Юли, переодетой в президента (идиотская клоунада), — на что он способен? Рассорить, разозлить, надавить, вызвать гнев. И я был единственным человеком, который знал

правду. Знал, что может произойти. И чувствовал бессилие. Надо каким-то образом помешать случиться непоправимому. Коли добраться до штаба нельзя — отыщи иной способ, сказал я себе. И тут же, забывшись, выбежал из квартиры.

У меня в запасе оставалось часа три. В маршрутке я разрабатывал далеко идущие планы. И все они были бессмысленными, смутными. Я впал в отчаяние. Грыз ногти. В зеркале заднего вида отражалась моя недовольная физиономия. Я пристально глядел на себя, постепенно созревал грандиозный план. Сестра оказалась дома. План упрочился. Решимость увеличилась. Я не должен никуда пускать Юлю. Запру в комнате (благо, решетки на окнах). А сам воспользуюсь тем, что многие говорили о сходстве наших внешностей (одно лицо! восклицал Ярослав) и сам себя заграмирую в президента — и там раскрою все карты, все махинации. Да, саммит сорвется. Но это лучше, чем распри и войны. Сперва, конечно, приведу свою внешность в соответствие с Юлиной. Накрашу глаза, накину ее одежду. Волосы у меня и так довольно длинные.

Я полчаса провел перед зеркалом. Накрасился. И результат меня не удовлетворил. На Юлю я походил, мягко скажем, не идеально. Но незнакомых людей — ежели двигаться быстро, говорить односложно — мой новый облик мог обмануть. Из комнаты сестры (я прислушался) раздавались какие-то шуршащие звуки, будто там ползало что-то большое. Она не пыталась выбраться, не стучала, не кричала. А шуршала. Что там происходит? — озадаченно думал я.

Однако времени не было. Я выскочил на улицу, в слякоть и морось, проехал час в маршрутке и вот уже с некоторой опаской приближался к дому правительства. Омонцев было невиданное количество. Звучала торжественная музыка. Рядком стояли люксовые машины представителей других стран. Я сразу направился к боковому входу, стараясь покачивать бедрами и глупо улыбаться. Меня никто не прогнал. Напротив, усатый охранник кивнул мне, как старой знакомой, и даже придержал дверь.

Я сейчас смотрел вокруг как бы глазами камеры — только камерой был я — поэтому все узнавал: и ковер, и колонны, и красивый лифт. Приехал на самый верх и торопливо зашагал в нужное помещение. Там все как в фильме. Осталось на своих местах. Зеркало, грим, маски, накладные волосы.

Без опыта сложно себя трансформировать. Я перепробовал все. Но на президента не походил, разве что в фантазиях художника-кубиста. Все потому, что подбородок куда-то затерялся, и когда я его наконец нашел в дальнем углу ящика под столом, прошло минут двадцать, и в комнату стали стучать. Господин президент, говорили они. Вас ждет народ. Я угукал и суетился, наклеивая подбородок, то неправильно, то криво. Наконец у меня получилось.

Итак, я был вылитый президент. Приосанился, улыбнулся. Как же начать? Дать время на обсуждение темы и в финале огорошить? Или прыгнуть, так сказать, с места в карьер. И в начале заявить, что не являюсь президентом. Наверно, все-таки подожду, послушаю стороны. Как-то страшно. Мне стало действительно страшно. А может, улизнуть, сослаться на что-нибудь и сбежать. Но у меня дома запертая сестра (Сергей), на вешалке ее шмотки. Я сияю, как манекен. И весь этот кошмар затеян единственно для того, чтобы открыть народу правду. Отступать нельзя.

Ноги тряслись. Я распахнул дверь и вышел навстречу многочисленной свите. Передо мной буквально стлались. Первое лицо государства все-таки. От волнения я почти ничего не видел и механически шел туда, куда двигались люди. Охранники, клоуны в пестрых пиджаках, девушки в деловых костюмах. Мы шли по бесконечному коридору. Ботинки утопали в пышном ковре. Уже из темной мути проступила далекая дверь, ведущая в зал заседаний.

Внезапно из-за поворота (мы проходили мимо множества развилок) выскочили люди в черных масках и в пятнистой форме. Подхватили меня за плечи и поволокли за собой в глубину коридоров. Раздались крики, охранники подняли оружие, но не выстрелили, потому что похитители показали специаль-

ный ордер или произнесли кодовое слово. И вот меня волокли, приподняв за подмышки, как безвольную куклу. И когда мы очутились в одной из комнат, я не сразу узнал человека, стоявшего передо мной. А как только узнал, задрожал от радости. Это был тот важный военный, который назначил мне задание в штабе. Но он не дал сказать ни слова. Заговорил первым.

— Вот мы и вышли на тебя, Сергей, — сказал он. — Для этого понадобилось тридцать семь лет охоты. Тридцать семь проклятых лет. Какой же ты, сволочь, изворотливый. Вот ты какой.

Он оглядел меня почти с любовью.

— Облики меняешь. Президентом заделался. Ну-ну. Женские шмотки тебе больше идут, чем галстук. В какой одежде желаешь быть расстрелянным? Напялить на тебя юбку? Или все же галстук?

— Я не Сергей. Это я. Виталий, — пробормотал я.

Но как-то неуверенно. Понятно было, оправдание звучит смехотворно. Никто не поверит.

Не слушая меня, военный продолжал речь. Видимо, долго к ней готовился.

— И вот справедливость восторжествовала. Сволочь поймана и будет наказана. Нет, высшей меры тебе не избежать. Не надейся. И перед этим ты должен кое-что для нас сделать. Для искупления вины за старые грешки.

Как будто расстрела недостаточно, подумал я.

— Маленькое поручение. Совершенно неважное. Незначительное. Но уж очень эффективно оно ложится в картину твоих недавних деяний. Дополняет ее. Ставит завершающий штрих. А кроме того, избавит тебя от пыток перед казнью. Не знаю, догадался ты или нет, а скорее всего, догадался... За тобой была установлена слежка. В ней принимал участие очень близкий (не внутренне, а по роду работы) тебе человек. Некий Виталий, твой якобы родной брат. Мы завербовали его. Это вышло почти случайно. Он оказался блестящим, образцовым шпионом. Конечно, многого он не предусмотрел, и его опыта не хватило, чтобы проследить некоторые скрытые механизмы

и понять, что ты имеешь прямое отношение к двойнику президента и лелеешь далеко идущие планы на сей счет. Мы за ним внимательно наблюдали, он нам здорово помог. После твоего задержания Виталий продолжает свою тяжелую кропотливую работу. Ему нужно дать знак, дать как-нибудь понять, что game is over, больше его услуги не требуются. Он свободен и со спокойной совестью может делать все, что ему заблагорассудится. Дать понять, соблюдая секретность. На расстоянии. Придумать какой-то знак. Как-нибудь махнуть или что-то начертить на асфальте. Или направить на него особенный, пронизывающий взгляд. Ну да нечего объяснять. В этих делах ты мастер почище меня. Поэтому мы немного усложним задание. И загримирuem тебя в Виталия. Чтобы он как бы сам подавал себе знак. Это очень остроумно, не так ли?

Военный расхохотался.

— Ты справился с ролью сестры. Сумеешь и Виталия изобразить.

— Но я и есть... — глухо пробормотал я и глотнул слюну.

Ничему не поверит. Оставалось молчать, слушать, ждать отсрочки казни и надеяться сбежать.

— Пусть тебе будет нелегко. Выкручивайся. Включай мозг. Дашь хороший знак — умрешь быстро. Не сможешь — у нас есть миллион способов продления твоей агонии.

Мужчина посмотрел на меня искоса.

— А президент из тебя убогий. Липовый.

И хорошенько вмазал мне по фальшивому подбородку, который тут же отвалился и с глухим стуком ударился об стену.

По сути, меня и не нужно было гримировать, но они провозились со мной битый час. И военный постоянно восклицал:

— Еще, еще грим. Не похоже.

И вот я стоял перед зеркалом и глядел на расплывчатую физиономию. В ней с трудом угадывались мои черты. Агенты предупредили, что каждый мой шаг у них под контролем. Посоветовали не делать резких движений. Мы наблюдаем. И выперли на улицу.

От свежего ветра закружилась голова. Я покачулся, сел на бетонный бордюр. Мимо

проезжали машины. Сзади высился сверкающий дом правительства. Безумие или шутка. Убьют в любом случае. Мысли плыли и гасли. Надо бы развеять их уверенность, что я — Сергей. Я совсем другой человек. Как это сделать, если поймали в облике президента? Неизвестно. Ничего не изменить. Я поплелся к остановке. В конце концов задача невыполнима, как я могу подать знак Виталию, когда я Виталий и есть. Накрапывал дождь, едва я сел в автобус, он бешено застучал по стеклам. И я провалился в дремоту.

Темнело. Густая серая муть окутала небо. Свою остановку я узнал по светящейся вывеске шавермы и буквально заставил себя стряхнуть сонный морок и выйти в холод. До моего дома двадцать минут. Я преодолел этот путь за час. Подгибались колени. Давило внутри. И мучил страх. И ощущение, что за мной наблюдают. Они точно наблюдали. Но я не мог определить, каким образом. Через дрон? Через бинокли? Засели на крышах? Кто агенты? Старушка возле аптеки? Девочка в белом пальто? Рабочий на углу? Я часто останавливался и что-то думал. Бесвязное, бесполезное. В моей ситуации проще всего покончить с собой. Но ведь они следят. И не дадут легкой смерти.

И я снова останавливался и глубоко дышал. А когда дошел до дома, в окнах горели огни. Наступил поздний вечер. Я присел на лавочку возле подъезда, думая о знаке, о знаках. Пытался изобрести жест. Издавал странные звуки, пучил глаза. Глупо и смешно. Зачем я здесь? Кто я? Что я должен сделать? Захотелось обойти дом и посмотреть в свое окно на первом этаже. Кто там теперь? Запертая Юлия? Этот ушлый тип, наверное, давно освободился и сбежал куда подальше. Но окно было ярко освещено. Я залез на железный забор из сваренных труб, чтобы лучше разглядеть. Неужели забыл выключить свет?

Шторы неожиданно распахнулись. Комната была заполнена цветной муťou, линиями, точками, будто отвалился чип на видеокarte. Из мути на меня смотрел Виталик. Вернее, я сразу понял, что это Юлия (то есть Сергей) замаскировалась под меня.

Зачем?

Не знаю, кто из нас был замаскирован лучше. Но мы — два Виталика — несколько минут смотрели друг на друга. Я — с удивлением и страхом. Он с какой-то странной тоской, ничего подобного я никогда прежде не видел в глазах сестры. И как-то подспудно я ощутил, что он все понял. Знак (пронзитель-

ный взгляд?) сделан. И они, те, кто следил за мной, тоже, видимо, поняли, потому что сзади раздался резкий хлопок. В голове зазвенело. Я повалился в грязную голую траву, в другую ночь, более черную. И услышал тоненький нехороший смех. Так может смеяться только инвалид, почему-то подумал я и окончательно отключился.

Андрей Коровин

Пропавшие

РЫ-БОГ

1

эй ты там рыбачок-чурбачок что ты ловишь в этой мутной воде
по колено или по что повыше стоя в её молодой слюде
уперев свой стеклянный взгляд в трепещущий поплавок
что там ходит под кожей реки разве что суши вок

что стоишь ты по стойке смирно и взгляд твой стоит как столб
уперевшись мыслью о рыбе в реку уперев в мокрый воздух лоб
хочешь знать что рыба думает о тебе стоя прямо перед тобой
правда хочешь не дрогнешь милый ну готовься тогда ковбой

рыба думает я живу здесь тысячу лет вижу разных людей и царей и трупы павших плывут
надо мной по воде
рыба думает я так давно живу что лучше них самих знаю этих странных людей
а они всё приходят приходят со своими удочками и стоят в немом воздухе бессловесны
как образа
я смотрю на них снизу вверх сверху вниз а иногда прямо смотрю в их голубые глаза

но они не видят меня не слышат меня словно зомби стоят доднесь
сотни лет стоят как утопленники перекошены отморожены нарисованы там и здесь
это просто рыбаками словно гвоздями к земле приколочены берега
это из-за них течёт по одному и тому же руслу приколоченная река

когда подгнивает такой рыбачок и уходит на слом его заменяет другой
там есть у них на земле один человек который управляет моей рекой
но когда он уходит в загул от тоски от того что столетие тошно и грустно
тогда река сносит его рыбачков-чурбачков и меняет русло

2

я очень сильно устаю от рыб
от их ночного клёкота немного
от их упругих ненасытных губ
от их в сердцах оброненного слова

они стоят во сне и наяву
смотрители путей моих небесных
и жизнь мою как книжную главу
листают день за днём без интереса

пернатые расправив плавники
они стоят надменно полагая
что люди это просто рыбаки
судьбу мою из кубиков слагая

3

этот воздух сырой словно рыба пасть
словно мы как наживка в нём можем пропасть
в оголенном желудке бездонном
может небо и есть чей-то скользкий живот
а что в нём кто-то мудрый и грозный живет
просто сказки во тьме заоконной

в этом воздухе я словно рыба в воде
волоски выдираю в седой бороде
дыр бул щыл повторяю навеки
нас тут много как в озере солнечных брызг
а что мы уничтожили озеро вдрызг
так на то мы вам и человеки

но оскалены зубы сырого дождя
бьют по лысине скользкой бывшего вождя
проплывают русалки на джипах
рыба нас проглотила мы в чреве её
вот поэтому нудно орёт воронья
как в готических клипах

луна упала в облако ночное
расплескивая звёзды свысока
ночное небо мягкое мучное
оно — река

над головой деревьев и народов
течёт в недостижимой глубине
и древний ящер из-под темных сводов
одним белком подмигивает мне

курчавых туч небесные светила
как стаи рыб несутся надо мной
и если б им терпения хватило
они бы раскрутили шар земной

старость проступает обязательно*
крупной солью из морской воды
на лицо ложится по касательной
тенью от полуночной звезды

тянется от глаз морщинок сеточкой
дом паучий строит на лице
падает в стакан воды таблеточкой
с горьким послевкусием в конце

спрашивает у ручного зеркала
но молчит осколок серебра
держится за грудь где всё померкло и
шепчется с Луною до утра

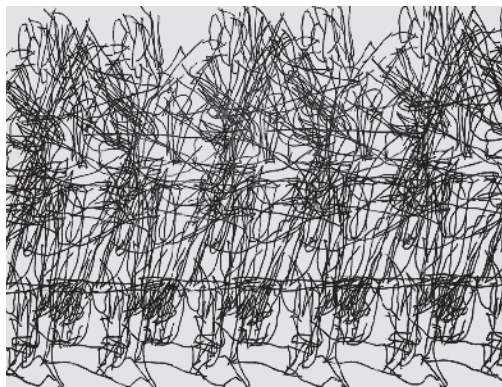
** написано в соавторстве с Александром Кабановым*

а куда пропадают люди
которые пропадают
есть наверное остров
куда они попадают
или другая локация
как теперь говорят
жизнь ведь она не кончается
у крайних врат
жизнь она вездесущая
она пробьётся сквозь смерть
ей безразличны правила
она может всё посметь
вот и они пропащие
пропавшие в никуда
слышу переговариваются
как в ночи провода
один говорит другому
вот наконец и дома
а этот ему в ответ
ну Иваныч привет

Константин Духонин

Заповедник мертвецов

(окончание, начало читайте в 21 номере)

КОШАЧИЙ СЫН

Своими расспросами Антон Палыч разбередил в Надежде что-то давно забытое. Как будто через салфетку, которую положили на мокрое, стал проступать знакомый узор с неприятной, к несчастью, сноской к прошлому. Рассказывая о своей жизни, она стала вспоминать то, что казалось давно стерто из памяти. Странно было то, что и после ухада Антон Палыча ее память, как будто проснувшись, по инерции продолжала снабжать ее впечатлениями из детства, юности, городского периода. Вспомнилось, например, что в детстве она была девочкой крупной, и мать,

хрупкая, но энергичная женщина, по этому поводу над ней регулярно подшучивала.

Потрескивал камин. Антон Палыч, потягивая через трубочку бурбон, продолжил чтение и обнаружил в написанном почти художественно отчете мертвяка о жизни Надежды себя. Приятное тепло разливалось по всему телу. От бурбона, камина и осознания того, что он занимает какую-то часть в жизни Надежды.

Как-то к магазину прибилась довольно крупная пятнадцатикилограммовая кошка. Удивительны были не только ее размеры, но и то, что в поселке ни кошек, ни собак (даже охотничьих) не держали, поскольку те агрес-

сивно до бешенства реагировали на мертвяков. «Экая здоровая хрюшка, — удивилась мать Надежды, — совсем как ты!» И, посмеявшись своей шутке, разрешила дочке, чтобы кошка осталась жить в магазине. Тем более что животное почему-то удивительно хладнокровно реагировало на мертвяков.

Надя в тот год окончила школу, ее жених Толик ушел в армию. Было скучно. Как-то мать отправилась окучивать картошку, дочь оставила вместо себя в магазине. Она так часто делала — днем все равно почти никто не приходил. И вдруг кошка начала мяргать и бегать по магазину, как будто что-то искала. Надежда взяла ее на руки, положила руку на живот, а там что-то шевельнулось. Беременная! Надя проворно достала пустую коробку, накидала старых тряпок и положила туда кошку. Там место приняла, но продолжила беспокойно мяукать и мучиться. Вставала, меняла место в коробке, снова ложилась. Надя около часа наглаживала ей живот, наговаривала хорошие слова. Даже спела зачем-то колыбельную.

Затем кошку пришлось оставить — пришли покупатели. Мужики собрались на неделю в тайгу, а потому накупили много и впрок. Что-то забывали, снова доставали список, сверялись с тем, что уже засунули в рюкзак. Спорили. Наконец закончили. Надя побежала было обратно к рожающей, но ее снова окликнули. Мужики забыли спички и, кажется, еще что-то. Заново начали сверяться со списком, деловито переругиваться, кто и по сколько скинул. Наконец шумно удалились, громяхая сапогами, но почти сразу зашли еще две женщины за мылом: «...нет, нет, дайте вон то понюхать. Какое-то я покупала в прошлом году, никак не могу встретить, не заведите больше? Какое? Да забыла название — помнила бы, так неужто не сказала бы. А вы что ж сами не знаете, что продаете? Ты ж, Надь, молодая, должна помнить, что я покупала! Импортное, да. Ах, как жалко, что не заведите». Наконец все разошлись.

Вернувшись к кошке в подсобку, Надя чуть не упала в обморок. В коробке рядом с кошкой лежал голый и мокрый, в сгустках крови человеческий детеныш. Кошка слизывала с него послед и, видимо, уже перегрыз-

ла пуповину. Надя склонилась над коробкой, не веря глазам. Действительно — человеческий младенец. Мальчик. Глазки закрывала плацента, которую обессиленная кошка пыталась слизнуть языком. Надя кинулась в магазин. Закрывает его изнутри. Схватила с полки постельное белье в упаковке, разорвала полиэтилен и кинулась обратно. Простыней оттерла младенца от плаценты и крови, затем осторожно взяла на руки и укутала в пододержальник. Кошка не возражала. Даже не смотрела в их сторону.

Что делать дальше, Надя не знала. Мальчик вел себя спокойно, шевелил ручками и ножками, но не плакал. Он был еще грязненький, и надо бы его отмыть водой что ли? Шлепнуть по попе? Накормить? А чем? Она положила младенца на прилавок и тут только заметила, что вся измазалась в последе, крови, а между ног струились обильные месячные (как не вовремя!), видимо, от стресса наступившие раньше. В это время в дверь магазина застучали: «Надька! А ты чего раньше магазин закрывала?! Совсем что ли?!» Это пришла мать — слава богу!

Увидев измазанную в послеродовых выделениях Надежду, с кровью, струящейся по коленкам, и младенцем в руках, мать охнула: «Нагуляла-таки со своим Толькой!» Убедить мать, что родила не она, а кошка, которая почему-то куда-то бесследно пропала, не было никакой возможности. Мать, увидев, что ребенка родили в картонной коробке (куда бы Надя точно не влезла, но мать эта нестыковка не смущала), взбесилась еще больше и чуть не побила Надю мокрой тряпкой. Однако быстро опомнилась.

Деловито перенесла младенца в дом, обмыла, приказала Наде дать мальчонке титьку. Из титьки, разумеется, ничего не поступало. Тогда дала свою: «Рассосет — и появится». Пока мать все это делала, она не переставала выговаривать Наде за то, что та раньше во всем не созналась и не родила в нормальных условиях: «Что сейчас людям-то скажем? Черт с ним, что без мужа, но в человеческих же условиях надо!» Надя спорить давно перестала и лишь пыталась убедить себя, что все, что происходит сейчас, — это сон, сон, сон.

Потом, вспомнив про Толика, начала высчитывать, мог ли бы теоретически отцом стать он? По срокам выходило, что нет. Толик стал ее первым мужчиной, и переспали они в первый раз за два месяца до ухода в армию, то есть четыре месяца назад.

Неожиданно мальчик заревел. И тут у матери бешенство сменилось умилением — опять дала ему титьку и начала приговаривать: «Ой, какие мы голосистые. Ой, какой мы богатырь. Ой, как мы кушать хотим. Надь, подойди, глянь, какой красавец. Ути-путичка какая!» Материнские чувства у Нади не проснулись (да и с чего?), а у матери они, казалось, присутствовали еще с ее появления. Надя подошла, улыбнулась малышу, но никаких особо теплых чувств не испытала. Она понимала, что с Толиком все закончено — парень горячий, ревнивый, он не поймет.

Жизнь закончена. Надя отошла, села на кровать, уткнулась в подушку и разрыдалась так, как не ревела никогда. Даже когда ей рассказали, что Толик, когда ездил в город, ходил в стрип-клуб и тискал там голых баб. Мать уже совсем отошла, присела к ней с младенцем на руках и стала поглаживать ее по спине, успокаивать. Наде легче не становилось. Зареванная, она вдруг резко вскочила, пораженная возникшей мыслью, и горячо, со всей страстью, на которую была способна, предложила: «А может, утопим его? Котят же топят! Никто не узнает!» В ответ же получила такую пощечину, что заложило уши, а ее качнуло так, что она чуть не свалилась с кровати. Мать с младенцем вышла из ее комнаты. Весь вечер с ней никто не разговаривал.

Утром во время завтрака Наде озвучили решение: «Не готова ты еще матерью стать. Даже молока нет. Давай, чтоб не травила душу ни себе, ни мне, езжай-ка в город — поступай в институт. На филфак. Там вечный недобор, я слышала, а ты вроде без ошибок всегда писала. Ребенок со мной пока останется. Как созреешь — забереешь. Смена обстановки опять же».

Мать Нади в тот же день обежала весь поселок и рассказала о небывалом событии — кошка родила человеческого ребенка. Даже для жителей Нежвы это событие было неза-

урядным. Некоторые, разумеется, поначалу усомнились, вспомнили, что Надька крутила шашни с Толиком, но мать Надьки обладала таким напором и даром убеждения, что постепенно все приняли ее объяснение как неоспоримый факт. И даже приходили в магазин посмотреть на коробку, в которой ребенок родился. К тому же и Толик через какое-то время в письме знакомым авторитетно заявил, что Надька родить не могла по срокам — и тоже, похоже, в версию кошачьего происхождения ребенка поверил, поскольку Надьке ничего затем не предъявил. Надя знала, что мать не верит в то, что рассказывает, но поразились, как та смогла всех убедить в, казалось бы, невозможном.

Люди охотно верят в непривычные образы, которыми можно подменить заурядную правду. Чуть позже в институте Наде запомнилось препарирование фигуры Раскольникова. Прототип убийцы старухи-процентщицы (с которой Надя почему-то ассоциировала свою мать) ей оказался ближе и понятней, чем герой романа. Прибалтийский студент, учившийся в Санкт-Петербурге, подрабатывал в фирме, был материально ответственным лицом, доверился земляку, поручив тому сопроводить товар, а тот его подвел — исчез с вырученными деньгами. Чувство долга толкнуло студента на преступление. Никаких высоких идей он при этом не испытывал, вопросами «тварь я или право имею?» не задавался. Есть проблема — ее надо решить: вернуть деньги фирме. Убил старушку, чтоб в фирме его не сочли за вора. Эффективный менеджер. Прагматичной Надежде эта мотивация была гораздо понятней, чем терзания и мотивы Раскольникова. «Какой же из Достоевского реалист? — думалось ей тогда, — по-моему, фантазер». Однако этот фантазер внушил миллионам, что Раскольников абсолютно реален.

Мать не была фантазеркой. Она рассказывала правду, не веря в нее, но со страстью Достоевского, его напором, истеричностью. Не только и не столько необычность трактовки и образа рождает иную реальность, но и экспрессия, с которой эти штуки подаются. Это затем разжевывал Надежде в мятой постели подвыпивший сокурсник, который

устроил ее после окончания учебы в фирму отца, когда она ему высказала сомнения в реалистичности описываемого Достоевским героя. Надежда, разумеется, мало что поняла из сказанного, потому что во время импровизированной лекции ритмично держала рукой член однокурсника, провоцируя того на хеппи-энд хотя бы в общаге, если уж в целомудренной русской литературе он почти не встречается.

Антон Палыч пришел в необычайное возбуждение. Бурбон, эротическая сцена, потрекивающие дрова в камине — очень благоприятная обстановка для эрекции, которую можно было бы снять, обойдя дом с другого конца и заглянув «на огонек» к Надежде. Но — нет. Снимать это возбуждение Антон Палыч не хотел. Эрекцию считал побочным эффектом от того, что, наконец, обнаружил доказательство, подтверждающее его теорию о мирном сосуществовании мертвых и живых еще с древних времен. Кошачий сын! Это ли не доказательство!

По его теории безумное количество сказочных чудовищ, о которых говорится в мифах Древней Греции (Антон Палыч вообще все свои теории сверял с греческой культурой), есть не что иное, как побочный эффект сосуществования живых и мертвых. Мертвые (полноценные боги, по мнению греков) порождали чудовищ для собственной охраны от агрессии живых, для наказания людей, да для чего угодно! Грифоны — существа с туловищем льва, головой орла и золотыми крыльями. Василиск — небольшая змея с белым пятном на голове, напоминающим диадему, которая могла убивать не только ядом, но и взглядом, и даже запахом, могла ломать камни. Кентавры — дикие существа с головой и торсом человека на теле лошади. Гарпии — полуженщины-полуптицы с человеческой головой и женской грудью, похитительницы детей и человеческих душ. Минотавр — монстр с телом человека и головой быка. Сатиры — лесные похотливые божества, духи плодородия. Сирены — полуптицы-полуженщины или полурыбы-полуженщины — своим пением завлекают моряков на мели, губя корабли. Это основные, а были еще химеры, циклопы,

тритоны, нимфы, дактили, тельхины. Все они обитали в Древней Греции, потому что живые сосуществовали с мертвыми, потому что они были неизбежным сопутствующим элементом такого сосуществования. Такой элемент появился и в Нежве — кошачий сын! Это не минотавр, не циклоп, но тоже ведь необычное существо!

Антон Палыч давно знал и верил в то, что такие существа должны быть и в Нежве. У большинства местных он видел дома причудливые древние фигурки из бронзы, серебра и даже золота. Фигурки были то в виде человеколосья, то в виде человекала, скачущего на ящере. Также он видел бляхи филина с головой медведя, бобра, совокупляющегося со щукой. Трехголовых богинь и птиц. Сиамские близнецы с хвостами ящериц. Эти фигурки, бляхи и украшения были выполнены в едином стиле. С разной степенью мастерства, но в едином зверином стиле. Таким образом, древние свидетельства того, что такие фантастические существа здесь обитали, получается, имелись. А вот современных доказательств он до сих пор найти не мог. Хотя они должны были, он верил, быть.

В их поисках он обходил в свое время всю округу, забирался в болота, куда и местные-то неохотно ходили. Видел на дне что-то копошащееся, но выяснить, есть ли что-то в глубине болота, один побоялся, а напарника для этой экспедиции найти среди местных оказалось затруднительно. Исмогилов от этой затеи отмахнулся и предложил взять с собой на болото резиновую женщину: «Она на болоте точно лишней не будет». В других местах никаких следов необычных существ обнаружить не удалось, хотя первое время он чуть не каждый день приносил местным какие-нибудь артефакты из своих походов. Необычной формы камень, образцы слизи с дерева, огрызок палки. Объяснения их происхождения его не радовали, — то это были засохшие экскременты кабана, то слюна медведя, то — обычная палка.

И вот первая находка, подтверждающая его теорию, — человек, рожденный от кошки! Антон Палыча обуряла жажда немедленной деятельности. Имея на руках всю базу мест-

ных жителей, он тут же залез в нее, чтоб установить первичные данные об объекте. К своему удивлению, никакой информации о сыне Надежды в базе не оказалось. Это было очень странно и подозрительно. Как так?

НАСТАВЛЕНИЕ ПАСТОРА

В зале, рассчитанном где-то на тысячу мест, собралось не менее пятисот человек. Несмотря на то, что при входе работал гардероб, некоторые сидели в зале в верхней одежде. Публика оказалась разношерстной — женщины неопределенного возраста с затравленным взглядом, небритые мужики в телогрейках и запахом немытого тела за километр сидели рядом с молодыми людьми в хороших джинсах, с подстриженными в парикмахерской бородками. Неожиданно в зале начал затухать свет, из динамиков зазвучала тихая успокаивающая музыка. Наконец свет в зале полностью погас и поверх музыки раздался голос пастора.

«Вы часто задумываетесь — а что есть Бог? Я вам отвечаю: Бог является частью интерьера. Декорацией. Не спешите возмущаться и кидать в меня камни. Кидайте после следующего утверждения. Вот оно: «И человечество становится частью интерьера». Еще одной декорацией. Вы возмущены? Напуганы? Вы готовы покинуть этот храм в шоке и гнев? Не спешите уходить. Ни одно слово не может и не должно поколебать вашу веру. Иначе грош ей цена. Слушайте. Вникайте. И уловите суть вашей веры».

Резко включились прожекторы и осветили пастора на сцене. Кто-то попытался аплодировать, но пастор немедленно одним махом руки прервал преждевременную экзальтацию. Он поднес ко рту микрофон и проникновенно заговорил:

«Возьмем, к примеру, стол. Раньше в доме он занимал центральное место, семья усаживалась за него, чтобы вкушать плоды трудов своих. За ним по особо торжественным случаям принимали гостей. Его ставили в гостиную, его конструкция была лаконичной — четыре ножки, столешница. Ничего лишнего. Затем

стол переместили на кухню, он стал меньше. Состоятельные семьи могли позволить себе оставить его в гостиной, но уже в качестве части интерьера. Столешница становилась овальной формы, увеличивалось количество ножек, где-то они становились вогнутыми, стол инкрустировали, покрывали резьбой — в общем, делали его произведением искусства. Сейчас в редких гостиных можно встретить стол — чаще его место на кухне. Впрочем, и оттуда он тоже постепенно исчезает. Зачем хранить в доме обеденный стол, если мы питаемся в кафе, ресторанах? Разумеется, в домах еще остались столы под компьютер, журнальные столики. Этакая необходимая для выживания вида в домашних условиях эволюционная трансформация. Не будь их, не попытайся стол вписаться в интерьер — он бы не выжил в домашних условиях и окончательно осел бы в резервации общественных заведений. Долго ли, кстати, он там продержится?»

По ходу выступления пастор энергично передвигался по сцене. Жестикулировал так, как будто не с помощью слов или мимики, а с помощью языка тела доносил до людей свою проповедь. Свои вопросы пастве он почти выкрикивал:

«То же самое произошло с Богом. То же самое происходит с Человечеством. Бог уже превратился в декорацию, а мы, люди, еще на пути такого превращения. Вы спросите — а плохо это или хорошо? Вы спросите — а как это произошло и как с этим жить? Я вам отвечаю».

Затем пастор остановился и практически перестал двигаться. Прожекторы уменьшили яркость подсветки. Он только изредка наклонялся в полупоклоне к слушателям, делая свой голос более проникновенным и гипнотизирующим:

«Давным-давно, в языческие времена, когда богов было много, а людей мало, люди наделяли богов человеческими слабостями. Богов они считали капризными, коварными, жестокими, похотливыми. Почему они так считали? Потому что считали, что если они приносят жертвы богам, отрывают от себя и своей семьи часть заработка, чтобы почтить их, то

вправе рассчитывать на их благосклонность. Они обращались к богам с просьбой и были рады, если боги ее исполняли. И огорчались, если боги игнорировали ее. Сначала люди думали, что их подношения богам оказались какие-то не такие, поэтому боги не удовлетворили просьбу. Затем стали думать, что по какой-то причине боги нарушают негласный договор. По какой? Да потому что они коварны, жестоки, капризны. Так считали люди.

А не кажется ли вам, что люди могли быть не правы в своих суждениях? Не кажется ли вам, что боги, собственно, всегда могут и хотят исполнить просьбу человека? Особенно если человек радовал богов подношениями. Понятно же, что древние боги существовали не за счет веры человека, а за счет его подношений. Почему же он будет игнорировать просьбы? Ему ведь это невыгодно. Единственное разумное объяснение тут знаете в чем? Это очень интересно. Бог не исполнял просьбу человека, потому что она могла быть некорректно или неправильно сформулирована. Этот как с компьютером. Вы не можете сказать ему — я хочу позавтракать, дай мне завтрак. Он вас не поймет. Вы должны сказать ему четко — приготовь мне яичницу из двух яиц на растительном масле с двумя кусочками бекона, сделай чашку кофе и пару тостов. Так же и с древними богами. Иногда они просто не понимали, чего хотят от них люди.

Это недопонимание между богами и людьми и привело к тому, что древние боги превратились в часть интерьера. Перестали быть чем-то значимым для людей. Если бог не помогает, то зачем такой бог — решили люди. В результате на смену языческим богам пришел единый Бог. У каждой религии он свой, но он — один. Так родилась эра Посредников.

Люди не могли привыкнуть, что с любой просьбой, болью, желанием необходимо обращаться к одному Богу. Желания же разные, а Бог один. Раньше было понятно, что за любовь отвечает один бог, за урожай — другой, за войны и распри — третий. Неужели со всеми к нему? Это не укладывалось в голове. Отсюда появилось несметное количество святых. Каждый отвечал за что-то свое. Они

стали выполнять функцию древних богов. А по сути, стали посредниками между Богом и людьми.

И ситуация стала повторяться. Один в один как с древними языческими богами. Люди обращаются к полномочным представителям Бога с просьбой и не всегда получают то, о чем просят. Люди начинают разочаровываться в святых. А заодно и в Боге. В результате и Бог вместе со всеми своими представителями (Церковь, святые) стал превращаться в декорацию. Хотя проблема, как мы уже говорили, в том, что просьбы неправильные. Они непонятны ни Богу, ни его представителям».

Некоторые в зале, как увидел Кирилл, от усыпляющего голоса действительно стали засыпать. Пастор, по всей видимости, тоже это заметил и ускорил темп проповеди. Стал обличать, выкрикивать:

«Тем не менее люди принцип посредничества внедрили и в мирскую жизнь. Раньше человек почти все мог сделать сам — построить дом, оказать первичную врачебную помощь себе и родным, обучить грамоте детей, объявить свою волю о наследстве. Сейчас такое невозможно. Даже чтобы продать или купить квартиру, нужен посредник — риелтор. Для того, чтобы защитить свои права, нужен юрист. Для того, чтобы построить дом, нужен строитель. Большинство из нас не сможет добыть молока, даже если окажется рядом с коровой. Не сможет испечь хлеб. Не сможет построить дом. Везде нужны посредники.

Человек становится все менее самостоятельным. Человек теперь в меньшей степени человек и в гораздо большей — единица социума. Понимаете, в чем расплата за то, что мы превратили древних богов и продолжаем превращать единого Бога в часть интерьера? Мы сами становимся такими же незначительными и ненужными для общества. Каждый из нас в отдельности практически ничего не значит для социума!

И мы, люди, продолжаем обнуляться для этого мира. Даже для экономики мы перестаем быть фактором роста. Для повышения производительности труда уже не придумывают стимулов, а внедряют роботов. Роботы

заменяют вас в производстве. Как рабочая сила вы уже не представляете интереса. Как работники вы не нужны. Более того, ваши мысли, чувства скоро также не будут представлять никакого интереса. За вас все это сделает Искусственный Интеллект. Он будет симулировать необходимые чувства, чтобы образовать добавочную стоимость картине или фильму, который произвела другая нейронная сеть. Изобретения, научную работу также будет делать Искусственный Интеллект. Зачем тогда вы нужны этому миру?

Только в одном качестве. Как потребитель. Для того, чтобы у вас была возможность потреблять, вам дадут номинальную работу (раскрашивать в компьютере черно-белые фильмы от «Войны и мира» и до обеда) или выпроводят на пенсию. Вы окончательно станете частью интерьера. Эволюционным путем этот мир вытолкнет человечество на второстепенные, если не третьестепенные роли. Уже сейчас потребление для человечества — это почти все, ради чего оно живет. Вы и сами это видите. Мы сейчас больше мечтаем о путешествиях, новой модели телефона, автомобиля, чем размышляем о Боге. О том, для чего мы существуем и зачем. Зачем Бог даровал нам жизнь?»

Пастор стал резко выкидывать руку по направлению к разным конкретным слушателям и спрашивал каждого: «Зачем тебе дали жизнь?!», «А тебе?!», «А тебе?!» Одна бабушка не выдержала натиска пастора и по привычке в испуге перекрестилась по православному. Тут же поняла свою ошибку и засунула в рот кончик платка. Пастор улыбнулся и продолжил:

«Есть ли путь к спасению для человека? Бог милостив. Разумеется, он дал нам возможность приблизиться к себе. Приблизиться к пониманию цели нашего существования и его замыслов. Путь к спасению состоит в том, чтобы перестать быть частью общества Потребления и устремиться в будущее вместе с неминуемым прогрессом. Компьютер всегда поймет другой компьютер, Искусственный Интеллект всегда найдет общий язык с другим Искусственным Интеллектом. Мы говорим о том, что Бог не слышит наши просьбы,

потому что не может понять их. Значит, надо стать частью Искусственного Интеллекта. Надо с его помощью научиться думать как Бог, чтобы наладить эффективную коммуникацию. Чтобы Бог понимал нас, а мы — его.

Не надо бояться внедрять в свой организм микросхемы, чипы, разъемы для присоединения к сети. Нужно желать приблизить себя к пониманию Бога. Мы должны стать неотъемлемой частью виртуального пространства, стать там во главе, пока за нас это не сделали машины. Мы должны прийти туда со словом Божьим, с заповедями и евангелиями о его Сыне, умершем ради нас, ибо машины не имеют представления о добре и зле. Либо машины превратят это пространство в бездушный Ад, либо мы наполним его светом Веры. Мы, Свидетели Нового Воскрешения, видим свою миссию в том, чтобы оторваться от общества потребления, которое обречено, в том, чтобы стать машинами, присоединиться к виртуальному пространству и установить во главе его Слово Божье! Аминь!»

Зал хором подхватил «Аминь». Проектора медленно погасли, и зал вновь погрузился во тьму. Через пару минут в зале снова появился свет. Пастора на сцене уже не было, зато между рядов ходили волонтеры и раздавали всем присутствующим книжки и газеты секты. Кириллу проповедь, как ни странно, понравилась. В ней была нестандартная мысль. Ее интересно было слушать. С другой стороны, он понимал, что суть ее уловил, скорей всего, из всех присутствующих только он один. Хотя, быть может, для всех остальных это было просто хорошее шоу.

#ПЧЕЛЫ&ДЕМОКРАТИЯ

Все разошлись. В баре остались только глава поселка, мертвяк Архип и Максим. Зиновий Михайлович дал Архипу на тарелке сырой говяжьей вырезки и приборы, но тот все равно ел руками. Из-под капюшона толстовки иногда мелькал профиль, но полностью лица разглядеть все равно не удавалось. В разведку бы его с такими умениями — усмехнулся Максим и начал издали:

— Зиновий Михайлович, а откуда этот гипертрофированный патриотизм у сельчан? Вы в два раза больше телевизор смотрите или какой-то концентрат любви к Родине употребляете?

— О, Максим Андреич, это очень интересный вопрос. Для начала я покажу вам мультфильм. Он набрал уже около ста миллионов просмотров. Наши мертвяки сделали в стилистике мультфильма «Маша и Медведь». Некоторые даже кликают, надеясь, что это какая-то новая серия. Показательный очень. Архип, выведи, пожалуйста, на проектор мульт про пчел и демократию. Только на русском языке — не на английском.

Архип с виду никак не отреагировал на просьбу, продолжал впиваться в мясо, но проектор вдруг зажужжал, на белом экране замелькали картинки.

Под веселый звукоряд в кадре появляются мультипликационные пчелы. Они перелезают с цветка на цветок, собирают пыльцу, затем возвращаются в симпатичный кукольный улей. При этом поют что-то на английском. Очень добрый мужской голос за кадром уже по-русски рассказывает как будто сказку о том, что рой состоит из пчел-работяг, матки и трутней. Рой функционирует как единый организм, говорит диктор, пчелы-трудяги собирают пыльцу и вырабатывают мед для всего роя. Матка и трутни отвечают за воспроизводство потомства. Из-за изнурительной работы срок жизни пчелки-трудяги в период сбора пыльцы в среднем составляет один месяц. Именно поэтому важно, чтобы потомство постоянно восполнялось. Крупным планом выхватывают пчелку-трудягу — она доставила наполненное пыльцой кукольное ведерко до улья, утерла со лба условный пот и снова улетела за пыльцой.

Пчелы-трудяги отвечают, продолжил вкрадчиво диктор, не только за запасы еды для всего роя. Они также регулируют численность в рое трутней. Трутни потребляют много еды, они чуть больше обычных пчел, поэтому их не должно быть слишком много. Трутней авторы мультфильма изобразили в виде пажей королевы-пчелы, которые обступили ее роскошную кровать и обмахивают опахалами.

Тут в улей вторгается странная пчела, чье туловище окрашено не в черно-желтые полоски, а в красно-белые цвета американского флага, головку пчелы изобразили синим цветом с вкраплениями белых звезд. Знакомьтесь, друзья, интригующе представляет диктор главную героиню, это пчелка Хилари. Она хочет принести в матриархальное пчелиное общество все прелести демократии. Давайте представим, что пчелка Хилари обладает безграничным даром убеждения и может убедить любую пчелу в чем угодно. Представили?

Хорошо. Самое время посмотреть, что же будет, если пчелиный рой примет демократию. После вводной части и дикторского приглашения к игре началось действие. Для начала пчелка Хилари убедила других пчел-трудяг, что у всех есть равные права. В том числе право на то, чтобы образовать супружескую пару с трутнем. Сначала пчелы-трудяги ей пытались возражать: Хилари, говорили они, во-первых, трутней мало, всего пара сотен на весь рой, а нас несколько десятков тысяч, всем не хватит. Во-вторых, наши половые органы, в отличие от пчелы-матки, недоразвиты, мы не сможем иметь потомство, к чему нам тогда мужья? Но Хилари им возразила — общество, в котором право на совокупление имеют лишь избранные, не может быть справедливым. И как вы можете судить — можете ли вы иметь потомство, если вы даже не пробовали его завести? У нас рой равных возможностей — любая пчела может стать кем угодно — хоть маткой, хоть трудягой, хоть трутнем.

Так пчелка Хилари убедила весь рой, что количество трутней должно быть равным количеству пчел-трудяг. Привилегии матки-пчелы отныне упразднены, спариваться она могла теперь на общих основаниях. Отныне все члены роя пользовались равными правами, имели право голоса, могли образовать супружескую пару. Поначалу трутней на всех не хватало и процветало многоженство, но затем удалось выровнять количество трутней и пчел-трудяг. Первый месяц все были довольны. Особенно пчелка Хилари. Внедрить в улей демократию удалось!

Однако уже через месяц выяснилось, что количество членов роя упало в десять раз. Матка-пчела, единственная в рое, кто могла давать потомство, делала это нечасто, поскольку спаривалась только с одним трутнем. К тому же потомство, за которым раньше ухаживали пчелы-трудяги, было предоставлено само себе и нередко гибло. Первое время за потомством ухаживали, но лишь за теми личинками, из которых могли вырастить трутни. Перестало хватать еды, поскольку пчелы-трудяги были не в состоянии прокормить возросшее количество трутней. А трутни физически не были способны к сбору пыльцы и нектара. Через полтора месяца весь рой погиб. Выжила только пчелка Хилари. В финальном кадре она стояла посреди улья совершенно одна, вокруг нее лежали толстым слоем мертвые пчелы, Хилари, безглаголиво зажав нос, гнусаво подвела итог: «Этот рой оказался не готов к демократии» — и улетела в поисках нового улья. Конец мультфильма. Экран погас.

— Это, Максим Андреич, — глава поселка отхлебнул виски, — пример творчества наших мертвяков. Пропаганда. Они такие штуки сотни, если не тысячи производят каждый день. Мультфильмы, демотиваторы. У них миллионы аккаунтов, с которых они каждый день шлют сотни миллионов комментариев по всему миру на сотнях языках.

— Значит, вмешательство в выборы — не миф. Кстати, американцы ведь вычислили сеть аккаунтов под эти цели, выходит, мертвяки не такие уж и всемогущие в сети? — подколол Архипа, надеясь на ответную реакцию, Максим.

— Ни одного нашего аккаунта они не вычислили, — опять, не поднимая головы, ответил Архип.

— Не миф, — подтвердил Зиновий Михайлович. — Американцы вычислили аккаунты косоруких подрядчиков Кремля. Там ведь сейчас как — кто-то делает основную работу, кто-то садится на хвост, сдает отчеты, в которые как бы включает на свой счет и результаты тех, которые достигли как бы другие. То есть наши мертвяки. Получает за это денежку. Вот коммерсантов на их аккаунтах и вычис-

лили. А из аккаунтов мертвяков (а их десятки миллионов) ни один не раскрыли.

— Интересно. Только одного не понял — гиперпатриотизм местных чем вызван?

— Так очевидно же, Максим Андреич, — глава искренне удивился, — мы всегда с уважением относимся к тому, что советуют мертвяки. Мы верим им безоговорочно. Они всегда говорят правду. Как бы объективные. Иногда спрашиваем за политику — что, дескать, в мире-то происходит? Раньше они рассказывали о ситуации в мире нейтрально. Никого не делили ни на ваших, ни на наших. Дескать, эти напали на тех, потому что необходимо закрепить интересы там-то. Ни плохих нет, ни хороших. А после того, как им дали задание заниматься пропагандой, они все рассказывают только с одной точки зрения. Как бы кругом враги, интересы России ущемляются. Они перестали быть объективными.

— А откуда вы знаете, что они перестали быть объективными? Вы откуда-то получаете альтернативный политический анализ?

— Разумеется, — с легкостью сознался Зиновий Михайлович, — я и оппозиционные сайты читаю, и газетки импортные. Да не стал бы, наверное, выяснять и ползать по этим сайтам. Просто решил как бы проверить одну свою догадку. В новостях, смотрю, все чаще стали сообщать, что типа то там ракета упала, то там запуск не состоялся. А это ж все наши мертвяки вычисляют. Я задумался: а всегда ли они правы? Потом вообще курьезный случай произошел, ветрогенераторы видел же? Ну вот. Шиловы (видел ты их, наверное, сегодня — в цветастой рубашке мужик веселый такой хохмач) решили для себя такой же установить. Обратились к мертвякам. Те выдали конструкцию. Собрали, запустили агрегат, а он через день грохнулся! Представляешь? Старые — уже больше десяти лет работают, а этот — чуть не сразу навернулся. Мертвяки объяснили, что внесли усовершенствования. Поломку объяснили тем, что типа детали некачественные — китайские. Может, оно как бы действительно так и есть. Из-за деталей навернулся, только у меня другая мысль.

— Какая же? — Глава в ответ сделал театральную паузу, заполнив ее очередной порцией виски.

— Я как бы думаю, что мертвяки занялись пропагандой, потеряли свою объективность и теперь даже в расчетах и конструкторском деле стали предвзятыми. Из-за этого все поломки. Так я считаю.

— Интересная версия, Зиновий Михайлович, учту, — Максим видел, что глава уже изрядно пьяненький, и не стал пытаться выяснить, по каким причинам на сходе жители вдруг высказали так много жестких претензий, — задам последний вопрос. Мне показалось, что у вас с Архипом какие-то особые отношения? Это мне показалось или действительно так?

— Не показалось. Это ж дед мой. Молодым умер, 27 лет было, когда его медведь задрал. Специально этот сарай под бар приспособил, чтоб с мертвяками можно было встречаться. В дом-то их никто не приглашает — примета плохая. А здесь — пожалуйста.

ДОНЕСЕНИЯ И НОВАЯ ЗАДАЧА

Генералу

«Наладить рабочий контакт с коллегами пока не удалось. Причины разные. С Исмогиловым не получается из-за кардинально противоположных подходов к работе и на личностном уровне. Доктор отнесся к встрече формально, такое ощущение, что ему не до меня. При этом зачем-то устроил что-то вроде психологического теста. С какой целью — предстоит выяснить.

Предварительно ни доктор, ни Исмогилов пока не дают повода для подозрений в том, что они могут иметь контакты с агентами западных спецслужб и сообщать им что-либо об объекте. Исмогилов агрессивно относится к мертвякам и даже не пытается эту неприязнь скрывать. Доктор, судя по содержанию монографии, мнит себя ученым, одержим навязчивыми идеями. Научная ценность его работы сомнительна, выбранные темы для исследований в большинстве своем бесперспективны. Мотивы для сотрудничества

с иностранными спецслужбами у обоих на первый взгляд отсутствуют. Тем не менее работа по ним продолжается.

Пока что первым возможным подозреваемым является глава поселка. В процессе разговора выяснилось, что он почитывает оппозиционные сайты и зарубежные СМИ — это, разумеется, не является основанием для подозрений. Подозрительным кажется то, что, будучи погруженным в ситуацию (то есть в жизнь поселка Нежва), глава умудряется подняться над ней и сделать обобщающие выводы. Это свидетельствует о наличии у него аналитического склада ума либо о том, что кто-то целенаправленно выдает ему альтернативные аналитические данные. Можно предположить, что таким образом идет процесс вербовки. В рамках данного процесса глава мог случайно проговориться о местонахождении поселка, о том, что в Нежве происходит.

Дальнейшие оперативные мероприятия. По моему мнению, снижение численности мертвяков и возможное использование их вычислительных мощностей в личных целях могут быть как-то связаны. Для того, чтобы подтвердить или опровергнуть данную версию, планирую запросить в магазине, где мертвякам выдают бесплатно мясо, отчетность по тому, кому сколько выдано. Также необходимо проанализировать трафик и поработать над точками выхода в интернет».

Капитан М.А. Боширов-Петров

Агенту ФБР Новациану

Даже не знаю, как ответить на ваши вопросы. Начну издаleка. Меня зовут Джессика, я многодетная мать (четверо сорванцов), афроамериканка, 45 лет. Счастлива замужем, хотя к мужу, как во многих семьях, и возникают иногда претензии. Ну, знаете, как это бывает — где так долго был? Не завел ли себе кого-то на стороне? Ты мало времени уделяешь детям! Как-то так. Сколько себя помню, в периоды измененного состояния сознания под алкоголем, травкой, во сне в голове начинают мелькать странные картинки, слова, понятия. Если бы видения были как-то связаны с Африкой и состояли из жаркого солнца, пустыни (что там еще бывает?), я бы объясни-

ла это сигналами от предков. Фотографическими открытками, высланными по генетическим цепочкам, через несколько поколений.

Однако пейзажи на картинках скорей напоминали Канаду с ее снегами и березами. Я записала несколько слов, которые слышала, когда ко мне приходили видения из подсознания: «moroshka, zhopa, kvas, mertvyak, pelmeny, taiga, figa, grib, skotina, zazhigalka, da-da-da, spravka, kotleta, muzh, che ty hochesh, pendos, lestnitca, otvaly, durak...» Я порылась в интернете, чтобы узнать, что это за слова? Имеют ли они вообще какой-то смысл? Оказалось, что это не набор произвольных звуков, а слова из русского языка. Благослови, Господь, Америку и ее Гугл!

Я порылась в интернете, чтоб понять, откуда из моего подсознания могут возникать картинки из далекой и отсталой страны. Выяснилось, что черные жили не только в Африке, но и в России. Например, один из великих поэтов России Pushkin был черным. В те времена, когда он жил, в России процветал рабовладельческий строй. Только рабов называли не рабами, а крепостными. Видимо, Pushkin был отпущен на волю за свой талант. Из-за проблем в экономике Россия примерно в то время продала Аляску и, видимо, также экспортировала своих чернокожих крепостных в Америку. Факты — упрямая вещь, и следует признать, исходя из моих видений и истории этой далекой страны, что мои предки являлись не выходцами из Африки, а выходцами из черных крепостных России. Возмущена! Почему в школах на уроках истории нам об этом не рассказывали?

А теперь к сути вашего запроса, мистер агент ФБР Новациан. Я не знаю, что вам наплел этот вечно пьяный брокер по недвижимости, от домогательств которого в личной переписке я порядком утомилась. Зато я знаю, что у меня есть права и свободы, гарантированные мне Конституцией Соединенных Штатов Америки. Ваши подозрения, основанные на показаниях пьяного брокера, моих высказываний о политике и того факта, что вы не можете меня найти в оффлайне, меня не касаются. Это ваши проблемы, мистер. Я ни от кого не скрываюсь. То, что я не числюсь ни

в каких ваших базах как реальный человек, наводит на мысль, что вы плохо выполняете свою работу, и меня как налогоплательщика это наводит на определенные подозрения! Не зря ли я плачу свои налоги?!

Еще мне кажется, что вы прицепились ко мне через личные сообщения не только потому, что я черная, но и потому, что у меня русские корни. Возможно, от Pushkin. Вы не только расист, но и — руссист. Официально сообщаю: я подам на вас в суд за предвзятое отношение ко мне на почве моего происхождения. А если надо, то и на все ФБР!

*Многодетная мать Джессика,
штат Небраска*

Генералу

Капитан М. А. Боширов-Петров во время первичного психологического тестирования показал себя уравновешенным сотрудником. Эмоционально приторможен. На манипуляции не поддается, действует в соответствии с регламентом службы. Для снятия эмоциональной реакции мной и главой поселковой администрации в отношении капитана была устроена провокация. Во время поселкового схода к нему, как представителю органов власти, со стороны местных жителей были предъявлены необоснованные претензии (относящиеся к деятельности майора Исмоилова), в критической ситуации капитан М. А. Боширов-Петров продемонстрировал выдержку и хладнокровие. Выявить реакции, свидетельствующие о том, что он завербован западными спецслужбами или выполняет несвойственные его служебному положению функции, не удалось. Дальнейшие разработки по нему в рамках моих функциональных обязанностей считаю бесперспективными.

Доктор Антон Павлович

Генералу

Подозрительным кажется заикленность капитана Боширова-Петрова на соблюдении всех норм закона. Попытки объяснить ему, что поселок Нежда является особой территорией, на которой не все законы одинаково уместно применять, ни к чему не привели. Эта «правильность» капитана дает основания по-

лагать, что она является прикрытием для беспрепятственного осуществления иных целей. Возможно, никак не связанных с его служебными обязанностями. Отказ наладить личные отношения с сослуживцами также трактую не в его пользу. С его стороны попыток наладить связь с западными спецслужбами не зафиксировано. Продолжаю наблюдение.

Майор В. Ф. Исмогилов

Куратору

Спешу доложить, что майор Исмогилов небрежно относится к своим должностным обязанностям. В качестве примера могу привести следующее. На девятые сутки в поселок явился Виктор Сыч уже в мертвом виде. Вопреки инструкции, майор Исмогилов не возбудил уголовное дело и не стал разбираться в обстоятельствах смерти, собрание, на котором сельчане должны были выяснить у мертвяка Виктора Сыча мотив его смерти, проигнорировал. Отправил вместо капитана Боширова-Петрова. При этом не ввел своего коллегу даже в курс дела. В результате неподготовленный сотрудник ФСБ даже не смог разъяснить населению вред суицида для семьи, поселка и страны. Бывали случаи, когда майор Исмогилов не являлся на собрания и даже не присылал вместо себя никого.

Между тем обстоятельства смерти Виктора Сыча вызывают много вопросов и могут повлечь за собой далеко идущие последствия. Известно, что Виктор Сыч незадолго до своей гибели отправился на моторной лодке вниз по течению добыть кабана. Лодка до сих пор не найдена. Известно, что против течения по реке Мертшеть до поселка на плотках или резиновой лодке на веслах не доберешься — очень сильное течение. Оставленная Виктором моторная лодка ниже по течению дает возможность добраться до поселка любым посторонним гражданам, имеющим неблагоприятные намерения. Также в данном происшествии настораживает тот факт, что на собрании мертвяк Архип заявил, что у Виктора была возможность выбора — умереть или остаться живым. Однако при этом категорически опроверг возможность совершения Виктором самоубийства.

Также на собрании было высказано много претензий к деятельности майора Исмогилова. Его сожительство с двумя женщинами одновременно, хамское поведение по отношению к недавно умершим, а также регулярное затопление вагонов с посылками бросает тень на органы власти в целом и порочит честь российского офицера в частности. Прошу обязать майора Исмогилова разобраться в обстоятельствах смерти Виктора Сыча, вернуть лодку его родным, а также провести с ним профилактическую беседу о вреде разврата и издевательств над умершими.

Добавлю напоследок. В профилактических целях срубил дерево и повалил его поперек дороги в поселок. В случае несанкционированного проникновения оно хоть ненадолго задержит незваных гостей.

Глава поселка Зиновий Михайлович

Капитану М.А. Боширову-Петрову

Максим Андреевич, план оперативных мероприятий по поставленным задачам утверждаю. Нагрузим вас еще одной задачей. Для начала введу в курс дела.

Обвинения Запада во вмешательстве России в их внутренние дела имеют под собой основания — они знают, что мы регулярно внедряем им системообразующие мыслеформы (паттерны), которые им изрядно осложняют жизнь. Публично признать это они не могут, поэтому выдвигают нелепые объяснения вроде фейковых аккаунтов. Хотя мертвяки и их используют. Объясню на примере о паттернах. Допустим, утверждение «дважды два четыре» — это частная формула, выведенная при подсчете яблок. Она становится паттерном, если ее применить к любым другим предметам — звездам, материкам, экономике. В качестве примера можно привести матрешку. Она как паттерн очень долго внедрялась на Запад. Еще с советских времен. Только сейчас это начало приносить свои плоды.

Как матрешка смешала им все карты? Если раньше косплей у них был простой, как две стороны монетки, и они умели с этим работать (германский шпион выдает себя за английского, или гомосексуалист выдает

себя за гетеросексуала), то после того, как матрешка возвела перевоплощение в энную степень, все методики анализа и противодействия пришлось менять. Сейчас немецкий шпион может играть роль русского агента, который изображает из себя состоятельного американца, который, в свою очередь, играет роль крепкого семьянина, втайне являющегося гомосексуалистом. И таких степеней погружения одного образа в другие может быть сколько угодно. Как на уровне актерской игры, гипноза, так на уровнях хирургического вмешательства и других.

Претензия к нам не в том, что мозг русского имеет в арсенале такой паттерн и может им свободно оперировать. Претензия к нам в том, что мы выпустили этот паттерн в мир, и наиболее одаренные индивидуумы им неконтролируемо пользуются (в массовой культуре это уже проявляется). Из-за этого во многих сферах деятельности нашим западным коллегам приходится все методы работы реформатировать. Не только в сфере шпионажа, но и в технике, например. Раньше говорили о технологиях двойного назначения, сейчас можно говорить о степенях применения техники в различных областях. Применительно к нашей специфике обычная кофеварка может быть американским шпионским гаджетом, а если перейти на другой уровень, то выяснится, что кофеварка собрана из китайских деталей, поэтому информацию она передает не только в штаты. А если еще глубже, то выяснится, что мертвяки оба канала информации давно контролируют и передают по ним только дезинформацию или информационный хлам. Обычная матрешка как паттерн отформатировала мир до неузнаваемости.

Выявлять паттерны на старте внедрения наши западные партнеры еще не научились. Отсюда враждебное неприятие ко всему, что мы предлагаем, и к России в целом. Они считают, что лучше перестраховаться. Отсюда санкции — они, таким образом, наказывают нас за матрешку и другие мыслеформы. Они очень много ресурсов тратят, чтоб подстроиться под новые реалии, создаваемые нашими паттернами.

Теперь, собственно, к вашей оперативной задаче, Максим Андреевич. Дело в том, что мертвяки в гуманитарной сфере, как вы успели заметить, действуют автономно от центра. Сами креативят паттерны, сами их реализуют. Нам необходимо знать хотя бы самые основные, чтобы координировать их с другими сферами. С той же экономикой, например, куда наше высокое начальство почему-то мертвяков не допускает. Также необходимо понимать, за что очередной виток санкций — может, западный Искусственный Интеллект вычислил запускаемые нашими мертвяками паттерны, за это и получаем, а мы ни сном ни духом. Полный контроль над созданием паттернов невозможен, поскольку никакие вычислительные мощности с мертвяками соревноваться не могут. Контролируем выборочно на более низком уровне — на уровне контента. Этого, разумеется, недостаточно. Вам, Максим Андреевич, необходимо стать своим для мертвяков. Выявлять системообразующие мыслеформы. Формальными методами на расстоянии эту задачу не решить, только путем личного и доверительного (насколько с ними это вообще возможно) общения с ними.

Это дополнительная оперативная задача. По ранее поставленным также работайте.

Генерал

ДОЛГИЕ СБОРЫ

Утром Максим проснулся от того, что почувствовал, будто в комнате находится кто-то еще. Мама в детстве часто его так будила в школу. Вместо того, чтобы ругаться, стаскивать одеяло с плохо просыпающегося по утрам сына, она в его комнате просто садилась за стол что-то штопать или складывать в портфель вкусенькое, и Максим через какое-то время просыпался сам и дальше заснуть не мог. Бесился, ворочался, ругался с мамой, но, в конце концов, все-таки вставал. Вот и сейчас, вспомнив эти моменты из уютного детства, он расслабленно повернулся к «кому-то еще» и только тогда открыл глаза. Надежда сидела напротив с полотенцем на коленях и улыбалась.

— Максим Андреич, не решалась вас будить. Хорошо, что сами проснулись. Там внизу вас Антон Палыч ждет. Завтрак я на двоих накрыла, одевайтесь, умывайтесь и за стол. Все готово. А мне уже бежать надо — магазин открывать, так что без меня. Посуду на столе после себя оставьте, я вернусь — уберу.

Через десять минут Максим спустился к Антону Палычу в чудесном настроении и вместо приветствия ляпнул: «Все-таки милая и чудесная женщина Надежда Петровна...» — и тут же осекся, полагая, что доктор может неправильно этот комплимент истолковать. Доктор, однако, судя по красным глазам, не спал всю ночь, на слова Максима не обратил никакого внимания и поздоровался стандартно. Хоть и попытался изобразить при этом на лице подобие радушной улыбки. Без Максима он к еде не приступал, ограничился чаем.

— Уважаемый Максим, — начал он издали, когда они приступили к совместной трапезе, — вы, полагаю, в курсе, что у меня нет допуска к оперативной работе. Я ей никогда не занимался, только научной деятельностью, как вам, кстати, моя монография, вопросы есть?

— Еще читаю, Антон Палыч. Если появятся — обязательно спрошу.

— Так вот. Об оперативной работе. Мне чисто в научных целях необходимо сделать официальный запрос об одном человеке. А поскольку, как я вам уже сказал, допуска к оперативной работе у меня нет, то и запрос мой останется без движения.

— Телефон чей-то узнать хотите? Или штрафы за превышение скорости?

— Нет. Точней — я хочу полную справку о человеке. Все, что есть в базах.

— Антон Палыч, вы ведь понимаете, что такого рода запросы надо как-то обосновывать? Желательно возбужденным уголовным делом. Или хотя бы поступившей информацией о том, что происходит что-то противоправное?

— Максим Андреич, я полагал, что раз Исмогилов мне в таких просьбах не отказывал, то и мы с вами...

— Да, я заметил, что у Виктора Федоровича с соблюдением законности все непросто. А он все еще на охоте?

— Да. Я, собственно, ввиду его отсутствия к вам и обратился. Это же пустяк, неужели откажете?

— Наверное, не откажу. Только у меня к вам встречное предложение.

— Какое? Чем могу — помогу. С радостью.

— Мне местные говорили, что на болотах какая-то нежить водится. Лешие, русалки, кто там еще бывает? Вы с Исмогиловым эту информацию проверяли? Я к тому, что, может быть, в болоте просто мертвяки затонули? Нам ведь поставили задачу выяснить — почему популяция мертвяков упала, Антон Палыч. Как насчет того, чтобы проверить эту версию сегодня? Проводите до болота?

— Как-то не думал об этом, Максим Андреич. Я все-таки надеялся, что в болоте действительно и русалки, и лешие. Вряд ли там мертвяки. Исмогилов вообще не верит, что там кто-то есть. Говорит — галлюцинации от болотных газов.

— Если у вас есть другие версии уменьшения популяции мертвяков, Антон Палыч, я с удовольствием их выслушаю.

— Да нет, нет, что вы! Кстати, вареники рекомендую не со сметаной, а с вишневым вареньем. Оно у Надежды Петровны просто песня!

— Очень вкусно, спасибо. Ну, так как, Антон Палыч? На болото сегодня получится у нас попасть? А то мне начинает казаться, что вы тему разговора меняете.

Антон Палычу явно не хотелось ехать, но, по всей видимости, пробить данные о человеке ему было важнее. Договорились, что Максим возьмет у главы поселка Зиновия Михайловича транспорт (доктор своего автомобиля не имел и вообще не водил), затем вернется, захватит доктора, и они отправятся в путь. Чудесная погода для подобной вылазки — по-осеннему резко светило солнце, не холодный, но сухой воздух располагал к действию.

Зиновий Михайлович, узнав о цели поездки, неодобрительно зацокал языком, но отговаривать не стал. Предложил только захватить на болота и старшего из мертвяков Архипа в Вехней Нежве: «Я как бы так мыслю. Если в болоте, как ты говоришь, не очень

хорошие мертвяки, то Архип, по крайней мере, вас от них как бы оградит. Он умеет не совсем послушными управлять. Ну а если там не мертвяки, то бог его знает — лишним не будет. Или Роутера возьмите, это мертвяк, который Wi-Fi раздает. Он тоже управлять мертвяками может». Транспорт оказался смешно тюнинговая под пчелу буханка. Как пояснил глава, она не только с виду роскошная, но и по внутренностям — движок на 200 лошадиных сил на газе, фаркоп и мощная электрическая лебедка. Любили в поселке все цветастое. Ветрогенераторы, машины.

Максим подъехал к дому Антон Палыча. Хотя они это и не обговаривали, но ему подумалось, что доктор выйдет, и они поедут. Доктор, однако, на сигналы клаксона никак не реагировал. Пришлось идти в дом.

В кабинете доктор привязывал ногу Исмогилова, одетого в камуфляжный костюм, жгутом к палке. По всей видимости, у охотника случился вывих или перелом. Доктор, уже переодевшийся в медицинский халат, судя по всему, ехать с Максимом передумал. Правильно — нужного человека теперь майор пробьет, зачем ехать? Людская необязательность Максима всегда бесила.

— Антон Палыч, вы, я вижу, ехать передумали. Понимаю. И вам, Виктор Федорович, добрый день. Как охота? И заодно — не подскажите, что это было на собрании? По вашей просьбе все на меня накинудись? Или, по мнению сельчан, с вами разговаривать бесполезно, вот ко мне и обратились?

— Макс, сам в толк не возьму. Честно. Их жалобы бред какой-то. Пока не распишутся в квитанции о получении багажа, никто с них денег не спишет. А задержки с доставкой регулярно случаются. Вообще не повод кипиш раздуть. — Исмогиллов явно не собирался ссориться и рассуждал вполне миролюбиво. — Мне кажется, это мертвяки сельчан подговорили. Не знаю пока зачем. Никогда такого не было.

— Хотя бы бредовую версию двинь — зачем мертвякам это надо? Вы же оба мне в один голос говорите, что у них нет ни эмоций, ни желаний каких-то.

— Не совсем так. Есть у них и желания, и секреты непонятные. Ты знаешь, что, как у лю-

бой народности, у местных есть свой язык? Ты его пока не слышал, верно? Так вот тебе прикол — мы с Палычем тут около двадцати лет уже и тоже еще ни разу его не слышали. При нас они только по-русски разговаривают. А вот с мертвяками, прикинь, они балакают на этом самом секретном языке! Я у всех почти тут спрашивал — скажи что-нибудь повашему. Все отшучиваются. Даже пятилетний шкет про их родной язык ни слова не скажет. Я у своей бабы единственное, что про язык выпытал, так это анекдот. Рассказать?

— Ну.

— У отца сын спрашивает: «Папа, а почему у русских есть буква «х», а у нас нет?» А папа ему отвечает: «А зачем она нам, сынок. Нам и так карашо».

— Так, может, и нет никакого языка? Или забыли его все?

— Есть. Оставил я в отделении как-то мертвяка да сельчанина. Ушел, а диктофон включенным оставил — записалось. Они очень активно пообщались в мое отсутствие. Скрывают они от нас что-то, Макс, есть у них секреты. Притом из мертвяков ведь и иностранцы попадают. Лет семь назад попал норвежец какой-то. Ходил с девятого по сороковой день, потерянный, ничего понять не может — где он? Что он? После сорокового дня начал без акцента говорить и на русском, и на местном. На местном тайком от нас, разумеется.

— Сакральный язык, видимо, — вмешался Антон Палыч. — Я пытался расшифровать записи, сравнить в меру своих скромных познаний лингвистики, хотя бы к какой группе языков его можно отнести, но — не смог. Не специалист я. А давать задание мертвякам расшифровывать записи... Ну, сами понимаете.

— Что ни день, то новые загадки. Виктор Федорович, — Максим присел, раз уж разговор затянулся, — версии есть, почему такая скрытность? Лингвистам, я так понимаю, записи режим секретности не позволяет отправить?

— Есть версия, но она тебе не понравится. Знаешь, у меня иногда возникает ощущение, что это не мы управляем режимным объектом, а — мертвяки. Возможно, они управля-

ют не только жизнью Нежвы, но и всем, что с поселком связано. Больше скажу — всем, что происходит в мире. Много странностей в наших регламентах, не обратил внимания? Почему, например, запрещено в поселке нормальную дорогу построить? Типа хорошие дороги из космоса хорошо видно — а это демаскировка. Фигня, а не объяснение. Мертвяки гугл-карты меняют по щелчку пальцев. Ты знаешь, что река Мертшьеть ни на одной карте не значится? Объяснение в другом — мертвякам тут не нужны хорошие дороги, они и без них обходятся. И вообще развитие инфраструктуры не только в поселке, но и в России им почему-то как серпом — ну ты понял. Почему мы не можем с такими вычислительными мощностями просчитать развитие экономики и сделать ВВП больше всех в мире? Для них ведь это раз плюнуть — просчитать какие-то сценарии, сделать так, чтоб Россия стала ведущей экономикой мира. Мертвяки тебе кучу объяснений придумают, почему это нельзя сделать — я уже спрашивал, — но истинная причина в одном. Растет экономика — развивается инфраструктура. Развивается инфраструктура — цивилизация приближается к Нежве. А им это не надо. Создать сверхмощное оружие — пожалуйста. Такое оружие, чтоб боялись, — это в интересах мертвяков, чтоб никто к ним не совался в Россию со своей инфраструктурой. Чтоб добраться конкретно до Нежвы никто не мог. Мы типа щита выступаем. А экономику поднимать им нафиг не надо.

— Тамплиеров и масонов еще не хватает в твоей теории заговора, Виктор Федорович.

— Макс, а ты генерала хоть раз вживую видел? Общался с ним лично?

— Нет, а что это доказывает?

— Ну, сам посуди, если мертвяки могут картинки на гугл-картах менять, секретные документы из Пентагона выкрасть, создать в сети любую личность, фото, видео с ней, то, как думаешь, насколько сложно им сделать виртуального генерала, который бы нам приказы отдавал? Или виртуальное руководство, которое бы давало указания реальному генералу, отдающему приказы нам? Да как два пальца!

— Думаю, что теоретически им это все под силу. Только ты опять забываешь про мотив, Виктор Федорович. У мертвяков нет мотивов. Им ничего не надо. Ни баб, ни денег, ни власти. Без мотива твои версии ничего не стоят.

— А у них он есть. — Опять вмешался Антон Палыч, не отрываясь от перевязки. — Коллеги, я не то чтобы принимаю чью-то сторону в этом чудесном споре, но, объективности ради, должен заметить, что у мертвяков для такого поведения мотив есть. Этот мотив — сохранение вида. Вы забываете, Максим, что их на протяжении двух тысяч лет истребляли всеми доступными способами. Сейчас для мертвяков также не самое лучшее время. Посмотрите, что происходит в мире. Вычислительные мощности техники скоро догонят и перегонят возможности человеческого мозга. Искусственный интеллект уже часть нашей жизни, ему, разумеется, пока далеко до возможностей мертвяков, но прогресс не за горами. Мы уже легко можем себе представить тот день, когда он по своим возможностям превзойдет вычислительную мощь и креативность наших подопечных. Мы видим, куда движется развитие техники — скоро человек станет отчасти машиной. Я не говорю про умные протезы конечностей и других частей тела. Я говорю про вживленные в живой организм чипы, микросхемы, позволяющие напрямую выходить в сеть, оперировать большими базами данными, не стуча по клавиатуре. Надобность в мертвяках скоро упадет. Это очевидно. Идея Виктора Федоровича, насколько я понял, состоит в том, что они это понимают и таким образом борются за выживание вида. Они — последние на земле. Управляя нами, они строят вокруг себя линии обороны. Природный ландшафт и система охраны не дает попасть в поселок ненужным людям. Стране они разрабатывают такое оружие, чтоб никто даже подумать не смог напасть на Россию. Я правильно выразил вашу мысль, Виктор Федорович?

Исмогилов проигнорировал вопрос, уставшись в окно, — завис как компьютер. Максим поднялся. Судя по всему, никто здесь ему компанию ехать на болото не составит. Между тем вопросы к присутствующим еще

оставались — накануне он весь день изучал журнал выдачи мяса у Надежды. После поездки на болото, решил Максим, он выскажет свои соображения по поводу сокращения популяции мертвяков коллегам. Предстоит серьезный и неприятный разговор.

ОТОРВАЛИ ЛЕШЕМУ

Мертвяк Архип сел в машину, не задав ни единого вопроса. Вот так просто — не интересовался, ни куда надо ехать, ни за чем. Максим как-то быстро выхватил его взглядом среди бараков бывшего исправительного лагеря и слоняющихся мертвяков. Со стороны обитатели лагеря напоминали душевнобольных — они не обращали друг на друга никакого внимания, многие бездумно повторяли одно и то же бессмысленное движение. Высокая стройная девушка с распущенными черными волосами, которой самое место было бы на подиуме в Париже, стучала палкой по углу барака, прислушивалась, затем обходила угол с другой стороны и била с другой стороны. Затем все повторялось. Мужик в майке-алкоголичке, уперев себе руки в поясицу, резко наклонялся назад, запрокидывал голову к небу и широко открывал рот. Повторял и повторял это движение. Среди мертвяков Максим заметил и ребенка — мальчика лет семи, который безучастно подпрыгивал. Сначала на одной ноге, затем на другой. Эти движения производили вдвойне жуткое впечатление, поскольку мертвяки — их было чуть больше десятка — делали их синхронно. Как будто неведомый хореограф поставил в бывшем лагере для политзаключенных современный балет о буднях зеков.

Вот девушка-модель бьет палкой по углу барака, мальчик безучастно подпрыгивает на одной ножке, мужик разгибается в поясице назад и, задрав голову, широко открывает рот. Затем девушка обходит угол барака с другой стороны, мальчик становится на другую ножку, мужик сгибается в исходное положение. Все повторяется. Движения Архипа в общей хореографии были менее

заметными. Он сидел на скамейке, скидывал капюшон толстовки, приглаживал жидкие волосы, затем снова надевал капюшон.

— Архип, поехали со мной, — просто сказал Максим, подходя. Архип выбился из всеобщего ритма, подняв глаза на Максима. И вслед за ним все мертвяки прекратили движения. Никто не смотрел в их сторону. Просто застыли, как в детской игре «Море волнуется раз», где надо зафиксировать момент прерванного движения. Архип безропотно встал и направился за Максимом к машине. Мертвяки снова впали в хореографическую синхронность.

При свете Максим наконец-то мог рассмотреть лицо Архипа. Заостренные черты лица, впалые щеки, выцветшие, почти невидимые брови, что не очень характерно для брюнета. На вид лет 27, одежда и отсутствующий взгляд делали его похожим на подсевшего на курение травки наркомана. Полная отрешенность от происходящего не только во взгляде, но и в движениях. Сухая и серая кожа. Уже тронувшись, Максим решил завязать разговор.

— Ты знаешь, куда мы едем, Архип? — после короткой паузы Архип равнодушно бросил:

— На болота, — Максим хотел было выяснить, из чего тот это вывел, но вспомнил, что дорога тут только одна.

— Судя по синхронности движений мертвяков, вы между собой все как-то связаны? Это какая-то телепатическая связь?

— Да. Связаны. Нет. Не телепатическая, — Если бы это был обычный человек, Максим бы решил по односложным ответам, что с ним не хотят общаться, но Архип — мертвяк. У него нет желаний или нежеланий. Тем не менее по привычке Максим решил начать разговор с нейтральных тем.

— Архип, ты мог бы мне рассказать — над чем сейчас ты работаешь.

— Если все перечислять, то понадобится, в зависимости от детализации проектов, примерно неделя. Приступить к выполнению задачи?

— Нет. Пожалуй, не стоит. Выбери, скажем, два-три проекта, которые могли бы заин-

тересовать меня. Из разных сфер. Начнем, например, с вооружений.

— Механический летающий дрон.

— Интересно. Чем отличается от уже действующих моделей?

— Они более дешевые в изготовлении по сравнению с внедренными в производство и действующими моделями. Наиболее эффективно использовать их массово. Из-за простоты и дешевизны можно в течение часа подготовить к работе до 50–100 дронов, отправить их для выполнения боевой задачи. Даже если часть их будет уничтожена, оставшиеся все равно выполняют то, для чего их посылали. По отношению к ним невозможно осуществить радиоперехват, нельзя вывести электронику из строя.

— Интересно. А как его можно запрограммировать на конкретное задание, если электроники нет?

— Принцип действия как в музыкальной шкатулке. Цилиндр, на котором установлены штифты, вращается, цепляет определенные спусковые механизмы в дроне и таким образом задает направление полета, высоту, дальность и конечное задание. Цилиндры изготавливаются под конкретное задание непосредственно на месте выполнения операции 3D-принтером.

— А мирные разработки есть?

— К относительно мирным отнести можно проект по воспрепятствованию проникновения углекислого газа на территорию России. Промышленные страны Европы, Азии являются главными загрязнителями планеты из-за высокой плотности населения, дорог, промышленных предприятий. Этот загрязненный воздух идет на территорию нашей страны и перерабатывается в кислород лесами Сибири. Мировое сообщество не хочет учитывать этот аспект в переговорах с Россией. По этой причине сейчас разрабатываются модели ограничения движения загрязненных выбросов на нашу территорию. Пусть сами дышат своим загрязненным воздухом.

— Действительно — «относительно мирный». Разве это возможно?

— Предложено несколько вариантов, сейчас идет просчет наиболее целесообразно-

го с экономической точки зрения. Все очень дорогие. Пока что реализуется сценарий, при котором мировое сообщество в своем стремлении изолировать Россию доходит до крайности и за свой счет устанавливает вдоль границ специальную аппаратуру, не позволяющую циркулировать воздуху между территориями. Если он не будет реализован или будет реализован лишь частично — будем за свой счет доделывать.

— Да ладно! Кто ж будет за свой счет ограничивать себе доступ кислорода и оставлять у себя вредные атмосферные выбросы!

— Проект ведь не именно в таком виде был презентован западным спецслужбам. Его представили в рамках оборонительной доктрины США и НАТО от возможной агрессии России в качестве дополнительной меры защиты. О побочном эффекте от его внедрения (заслон движению загрязненного воздуха на территорию нашей страны и кислорода в обратном направлении) они, разумеется, не в курсе. Да даже если бы были в курсе, военные, как правило, на мелочи, вроде нанесения вреда экологии, внимания не обращают. Пока сценарий развивается в нужном для нас направлении.

— И какова цель? Отравить всех соседей угарным газом?

— В обозримой перспективе это невозможно. Океан также хорошо кислород вырабатывает. Им хватит. А вот локальные изменения климата из-за парникового эффекта возможны. Из-за такого рода проблем на Западе у России может появиться более сильная переговорная позиция. Также рассматривается вариант слить информацию о том, что элементы обороны препятствуют очищению воздуха, общественности. Она начнет протестовать и требовать демонтажа оборонительных сооружений. Вообще, есть семь способов конвертировать проект так, чтобы получить политические или экономические дивиденды.

Добраться до болота между тем на машине оказалось не так-то просто. Максим видел просвет сквозь деревья, в котором виднелись задушенные болотом чахлые березки да сосенки. Однако подъехать ближе не мог из-за густых кустов да леса, захламленного гнию-

щим валежником. Стало понятно, что ездить вдоль болота, выискивая, как к нему проехать, все равно что охотиться за парковочным местом в часы пик в центре города. Даже сложнее. К тому же, в каком именно месте на болоте местные наблюдали леших или русалок или какую-нибудь другую нежить, Максим определить не мог. Как-то он об этом не подумал, когда собирался ехать. Точнее, подумал, что доктор покажет, а когда доктор ехать отказался, не передумал этот момент заново.

Без особой надежды на успех Максим объяснил свое затруднение Архипу. Тот все так же безучастно вышел из машины и куда-то пошел. Пришлось следовать за ним. Сквозь валежник все равно продирались, хотя Максим сначала понадеялся, что мертвяк покажет какую-нибудь просеку, по которой они смогут проехать к болоту. Наконец вышли к болоту. Ровную поверхность зеленого ковра нарушали бугорки с ржавыми пнями или деревцем-инвалидом. Где-то хлопнула крыльями невидимая птица, булькнуло что-то тяжелое. Кто-то загугукнул. Архип показал на черные блестящие дырки в зеленом ковре: «Там они».

Максим начал всматриваться, отбиваясь от зверских атак мошкары и гнуса, которые пытались забиться не только в гортань, но и в нос, уши. Из-за этого ожидание казалось еще более утомительным. Вдруг зелень немного вспучилась и, неприятно плюхнув, лопнула — пузырь с газом. И тут же вслед за ним из болота высунулась как будто пластиковая неживая рука. Она сжала пальцы, схватила горсть мха и снова скрылась под водой. Максим пожалел, что не взял с собой веревку, еще больше что машину нельзя было подогнать и воспользоваться лебедкой. Посмотрел, что есть под рукой (только нож, который он взял для прорубания дороги) и поблизости. Надрубил тонкую березу и повалил ее в сторону, где показалась рука. Смастерив из ремня петлю, Максим разделся и осторожно полез в болото. Архип безучастно наблюдал за происходящим, не шевелясь, мошкара его не трогала.

Держась за березку, он дошел до места и осторожно вокруг образовавшейся в зелени

дырки установил петлю из ремня. Ждать пришлось недолго. Снова показалась рука, она высунулась как раз в петлю из ремня. Максим тут же затянул ее и потихоньку, без резких движений стал тянуть на себя, держась другой рукой за березку и отступая к берегу. Вытаскиваемая тяжесть затрудняла передвижения — Максим утонул в трясине. В какой-то момент вода достигла рта, и в отчаянной попытке вдохнуть Максим рванул что есть силы. Рывок оказался настолько резким, что он с головой ушел под воду, вытаскиваемая нежить, как ему показалось, сорвалась. Выйдя на сушу, понял, что это не так. В петле болталась оторванная рука.

Ругнувшись, он наскоро обтерся футболкой, надел олимпийку, джинсы, кроссовки и, отбиваясь от озверевших насекомых, стал изучать руку. Высохшая, посиневшая то ли от времени, то ли от черной болотной воды, в месте разрыва она оказалась абсолютно бескровной. Как будто порвали кусок вяленого мяса.

— А может быть, ты, Архип, знаешь, чья это рука? Русалка? Леший? Хотя ладно — пойдем. В машине расскажешь. Больше не могу эту мошкарку терпеть.

По дороге Архип рассказал не только про руку, но и подробно описал, как мертвяки работают в социальных сетях, как зарабатывают деньги на проведение особых операций, через кого определяют развитие западной философской мысли и как конкретно влияют на выборы в различных странах.

ЧИСЛО «ПИ»

Исмогилов не появлялся в отделении уже четвертый день. Между тем Максиму необходимо было с ним поговорить. Он дал коллеге, учитывая, что тот повредил ногу, немного отлежаться, но решил, что сегодня — последний день. Завтра, если Исмогилов не появится, придется идти к нему самому. Это было важно. Изучив бумаги, собрав сведения о сетевом трафике и съездив на болота, Максим теперь ясно понимал, отчего сократилась популяция мертвяков. Сложившуюся картинку

оставалось дополнить показаниями Исмогилова и Антон Палыча. К доктору Максим зашел сразу, как вернулся с болота, отдал ему на хранение руку, но разговаривать не стал — пропахший болотом, в грязной одежде, искушенный тварями, он поскорей хотел добраться до душа, ну какое в таком состоянии может быть общение? Максиму не терпелось поскорей закончить с допросами — то есть мучил не только кожный зуд. Еще и поэтому он выходил на улицу — посмотреть, не идет ли Исмогилов.

Тот появился только к обеду. Хромая, прошел к своему столу, кивнул Максиму в виде приветствия — без своих обычных шуточек, подколов, морщась при каждом шаге. Для вежливости Максим поинтересовался:

— Сильно болит? Что случилось-то с ногой? В прошлую нашу встречу как-то замолтался спросить — извини.

— Терпимо, — Исмогилов был явно не в духе. Он включил компьютер, просмотрел, по всей видимости, почту и отправил на печать документ. — Палычу ответ на запрос пришел, Макс, ты к нему сегодня не собираешься?

— Пока не знаю. От нашего с тобой разговора зависит. Виктор, у меня к тебе есть несколько вопросов. Твои ответы я буду записывать на диктофон.

Исмогилов оторвал голову от бумаги для доктора, внимательно посмотрел на коллегу, но, казалось, нисколько не был удивлен тому, что его сейчас начнут допрашивать. Между тем Максим поставил перед ним планшет с графиками и картинками.

— Виктор, я обратился к мертвяку Роутеру, который Wi-Fi раздает, чтоб он мне показал...

— Он же немой, как ты с ним поговорить смог?

— Он же немой, но не глухой. Он мне не вслух рассказывал, а выводил запрашиваемую информацию на экран планшета. Я попросил у него список всех пользователей, которые круглыми сутками через него потребляют стандартно большой объем трафика.

— Не понимаю — зачем это. Тут все мертвяки потребляют и передают тонны информации, результаты своих вычислений. Притом круглыми сутками. Что тебе это дало?

— Объясню. У меня появилась версия, что если кто-то из жителей поселка использует вычислительные мощности в своих корыстных целях, то, скорей всего, он запер пару мертвяков в подвале и дает им задания в режиме реального времени. Так удобней — не надо каждый вечер искать новых мертвяков, объяснять заново техническое задание. Затем попросил Роутера наложить точки расположения пользователей сети на карту поселка. Выяснилось, что практически все местные через него подключаются к интернету, но объемы потребляемого трафика у них небольшие — фильмы скачивают, музыку. Кто-то в игрушки играет. При этом трафик у них прерывистый — кто-то по ночам в интернете сидит, кто-то днем, никто не сидит круглыми сутками. У мертвяков наоборот. Они потребляют стабильно большие объемы трафика и круглосуточно. Без перерывов. Вычислить их по такой характеристике было несложно. Практически все мертвяки регулярно меняют точки дислокации, но все они практически всегда находятся в Верхней Нежве. Даже мертвяк-роутер меняет крыши домов. А вот два мертвяка на протяжении уже почти полугода находятся в одном месте. А именно — в доме врача Антон Палыча. Не хочешь прояснить эту ситуацию? Они продолжают на государство работать или Антон Палыч их использует в своих личных целях?

Исмогилов задумчиво встал из-за стола, сделал себе кофе, подошел к окну, открыл форточку и закурил. Максим не торопил с ответом. Допрашиваемому надо давать созреть. Виктор, наконец, затушил сигарету, достал наручники и, не глядя на Максима, спросил:

— Ну и? Пойдем брать и допрашивать Палыча?

— Вить, а ты ничего не хочешь мне сказать? Или спросить? А вдруг я не все нарыл?

— Ты хороший опер. Быстро разобрался. Судя по вопросу, у тебя еще что-то припасено. Доложил уже наверх?

— Зачем? Успею. Я ж пока не знаю — в каких целях доктор вычислительные мощности использует. Повторю вопрос — ты в курсе, для чего он держит их при себе?

Исмогилов достал еще одну сигарету, снова закурил и решительно бросил:

— Я в курсе ситуации. Более того, все свои действия он согласовывал со мной. Готов все рассказать.

— Похоже на признание. Ты уверен, что хочешь взять это на себя? Я могу пока поставить диктофон на паузу.

— Не надо. Пиши на здоровье. Доктор использует этих мертвяков для майнинга криптовалюты. Точнее так — мы вдвоем с Палычем давно используем мертвяков для заработка в сети. Сначала продавали память мертвяков как сервера, затем — вычислительные мощности, сейчас зарабатываем на криптовалюте. Достаточно успешно, кстати. Ни одна ферма по добыче биткоинов с мертвяками соревноваться не может. Заработали много. Очень много. Даже с учетом потерь — некоторые биржи криптовалюты неожиданно закрывались и скрывались со всеми нашими деньгами. Мы так пару раз попали на полмиллиона долларов. Хотели сначала найти мошенников и наказать, а потом решили, что больше заработаем, если отвлекаться на них не будем. В общем, не стали заморачиваться на такие мелочи.

— Если полмиллиона мелочи, то сколько же вы заработали? И кто вам про криптовалюту рассказал в этой глуши? Про возможности заработка в сети?

— Мертвяки схемы и разработали. Мы попросили — они нам все сделали. Электронные кошельки, виртуальные кредитные карты — это на первом этапе. Когда обороты стали расти, то сделали в некоторых странах как бы реальных людей, на которых оформляли сим-карты, счета в банках, фирмы, покупки. Освоили схемы вывода средств и обналичивания. Мертвяки давно этими схемами пользуются для создания пропагандистской сетки аккаунтов по всему миру. Некоторые аккаунты созданы на как бы реальных людей. Деньги мертвякам нужны для покупки тех же симок, оплаты телефонов, курьеров, актеров, которые изображают реальных людей. Для оплаты аренды домов, где эти виртуалы якобы живут. Некоторые из этих виртуальных-реальных личностей на Западе даже

гонорары получают за публикации научных трудов, статей — мертвяки и этим зарабатывают. Не обращал внимания, сколько на Западе так называемых затворников? Звезд литературы, науки, которые якобы не хотят видеть людей и живут где-то в отдалении так, чтобы ни с кем не общаться? Все они — результат виртуальной деятельности мертвяков. Этих звезд-затворников в действительности не существует. Пропаганда идет не только на уровне социальных медиа, язвительных комментариев, но и на уровне идей. Книг, сценариев, фильмов. На продвижение контента, как ты понимаешь, нужны деньги. Мертвякам на их деятельность деньги не выделяют, а задачи ставят. Вот они и научились зарабатывать для того, чтобы решать поставленные задачи. Ты удивляешься полумиллиону долларов — так мертвяки десятками и сотнями миллионов оперируют. Если не больше. Мы с Палычем просто вклинились в схему и отщипнули немного.

— Немного — это сколько? Ты понимаешь, что вы натворили и во что вляпались?

— Уже в предвкушении, Макс? — Исмогилов задорно, но зло улыбнулся. — Раскрыл крупные хищения, новые звезды на погоны уже мысленно примеряешь? А зря. Никаких хищений на самом деле ты нам не пришьешь. Максимум — самоуправство. Все деньги до копейки мы тратили на оборудование для исследований мертвяков, технику. Все, что покупали, я ставил на баланс лаборатории Палыча, оформлял документально. Ты же был у доктора, видел его оборудование. За каждую копейку мы готовы отчитаться — себе ничего не брали.

— Оба такие бескорыстные? За идею?

— Насчет бескорыстности... Ты знаешь, вот по-честному, было бы мне лет тридцать, тридцать пять, да если бы еще, как в 90-х, нам зарплату месяцами не платили, я бы, наверное, провернул это дело и слинял с приличной суммой за границу. Не исключаю этого. Вот честно. А сейчас-то чего рыпаться? Зарплаты мне хватает, тратить тут особо не на что. Уезжать я отсюда не хочу. Мне здесь нравится. Уйду в отставку — останусь здесь. Зачем мне эти миллионы? С Антон Палычем такая же ерунда. Он старше меня. Ему инте-

ресно с этими мертвяками возиться. Помню, лет семь назад ему по линии Минздрава путевку подарили куда-то за границу на море аж на месяц. Ты знаешь, сколько он там пробыл? Недели полторы, наверное. Вернулся, не догуляв. С тех пор вообще никуда не выезжает. Он шизанутый на всю голову. Его ничего, кроме науки, не интересует. Это насчет бескорыстности. Насчет идейности... Тут все наоборот. Если ты под идейностью понимаешь верность курсу государства, патриотизм, лояльность, то — нет. Мы не очень лояльны. Мы делали все назло. Мы из года в год видим, как бездарно используют эти вычислительные мощности. Как чиновники вместо того, чтоб ставить задачи просчитать экономические процессы в мире с учетом роли России с различными сценарными планами, вместо того, чтобы просчитать какие-то методы решения продовольственной безопасности страны, изобрести что-то полезное для страны, дают задания мертвякам заполнять социальные медиа бессмысленными картинками, дурацкими комментариями, дебильными мультиками. Типа влиять таким образом на предпочтения зарубежных избирателей. Это же бред? Зачем тратить силы на то, чтобы изгадить кому-то жизнь, если можно направить эти силы на то, чтобы улучшить свою жизнь?! Я не понимаю!

— С обывательской точки зрения, конечно, это кажется бредом. Только, Витя, с чего ты взял, что ты компетентней в расстановке приоритетов, чем руководство страны? Там масса советников, ученые, институты, структуры, площадки для обсуждения и выработки решений. Не с потолка же эти приоритеты! А ты тут сидишь безвылазно в глухомани и с чего-то взял, что лучше всех знаешь, на что надо направлять эти вычислительные мощности! Мало того, что решил, еще и обкрадываешь государство, пуская ресурсы государства на какие-то свои фантазии! Ты не офигел?

— Максим, в том-то и дело, что я не обкрадываю государство. Абсолютно все задачи, поставленные начальством, какими бы тупыми и бесполезными они ни были, выполняются в полном объеме. На все 100%. Все, что мы делаем с Антон Палычем, — это сверх по-

ставленных задач. Вот тебе пример. Зафиксировали пятнадцать, что ли, лет назад сокращение популяции мертвяков. Сокращение выражалось в том, что они деградировали — превращались в невменяемых зомби, которые бросались на живых. Жителей Нежвы спасало от растерзания только то, что эти зомби беспрекословно слушались нормальных, недеградировавших мертвяков. Я писал рапорты, Палыч — докладные, чтоб нам прислали технику для исследования, чтоб понять причины явления. В ответ бюрократия — напишите обоснование, затем проект, затем обоснование суммы, согласуйте там-то и там-то. И так далее. Мы с Палычем плюнули на это дело и решили сами заработать. Заработали. Купили оборудование. Выяснили. Процесс деградации самостоятельно остановили. Доложили наверх. Нам по грамоте выдали, сказали, что мы молодцы — и все. Мы от зомби-апокалипсиса мир спасли, а нам по грамоте дали. Как тебе? С этого все и началось. Решили взять все в свои руки. Зарабатывать и делать то, что мы должны делать.

— Что вы делали с деградировавшими? А причину их появления выяснили?

— Сжигали. Больше ничего с ними не сделаешь. Ты руку Палычу отдал — она как раз от такого деградировавшего. До сих пор шевелится. Все эти киношные штуки, типа в голову выстрелить и каюк ему — чушь киношная. Максимум, что получится, это повреждение какого-то участка мозга — из-за чего у зомби рука или нога может отняться. Как они появляются? Разумеется, Палыч выяснил после того, как необходимое лабораторное оборудование закупили. Оказалось, что помимо мяса мертвякам для нормальной работы мозга нужны пищевые растительные добавки, содержащие калий. Это сейчас нам об этом известно, а тогда мы и понятия не имели, что им кроме мяса еще что-то нужно. Они раньше где-то этот калий получали, а потом вдруг перестали. Местные перестали их подкармливать, потому что решили, что государство на себя эту обязанность взяло, вот и запустился процесс. Палыч выяснил, наладили — опять же за счет заработанных денег, — поставки в поселок капусты, пшеничных

отрубей и прочего. Вторая причина — травма головы. Не такой редкий случай. У мертвяка из-за травмы перестает работать участок мозга, который отвечает за прием и передачу информации. Он не получает никаких заданий, мозг, не загруженный работой, начинает деградировать. Возможно, есть еще причины, по которым мертвяк превращается в зомби. Палыч выясняет, работает над этим. Пока же договорились с мертвяками, чтобы всех деградировавших они заводили в болото. Зомби самостоятельно из топи выбраться не могут, но вроде как и не погибают. В любой момент их можно оттуда вынуть — вдруг Палыч найдет способ их нормальными сделать.

— Сейчас Архип занимается тем, что достает всех деградировавших из болота. Их там 24. Они все в результате того голода, который пятнадцать лет назад случился, появились? Или по каким-то другим причинам?

— Не все. На этот вопрос тебе Антон Палыч лучше ответит.

— Я тебя услышал, Виктор. Вопросы с зомби, сокращением популяции мертвяков частично закрыли. Насчет использования государственных ресурсов в несанкционированных целях — наоборот открыли. Мне необходимо изучить документы — сколько заработали, сколько потратили. Предоставишь. Прежде чем мы пойдем к Антону Палычу, ты больше ничего мне рассказать не хочешь?

— Что-то еще нарыл? — вид у Исмогилова был не то чтобы потерянный, но какой-то отрешенный и усталый.

— Хорошо. Задам вопрос сам. Очень надеюсь, что ты мне сможешь также внятно ответить. Я решил проверить наличие неучтенных мертвецов не только через трафик, но и через потребление мяса. Мне нужны были, как ты понимаешь, еще более веские доказательства того, что Антон Палыч держит их у себя. В магазине подтвердили, что Антон Палыч ежемесячно берет по 70 кг мяса. Понятно, что один он все съесть не может.

— Ну. Я ж тебе и так все рассказал. Документы предоставлю. Зачем тебе еще с мясом заморачиваться?

— Я ведь не знал, что ты мне все расскажешь, поэтому рыл со всех концов. Чтоб на-

верняка. Дело, впрочем, сейчас не в докторе. Среди получателей оказался еще один любитель мяса в аномальных количествах. Каждый месяц тоже по 70 кг мяса. Такой же бо-быль, как и доктор. Итак, Виктор, ты мне все рассказал?

— Да, Максим. Я тебе все рассказал. — Исмогилов твердо взглянул коллеге в глаза, и затем, прихрамывая, направился к дверям, у порога обернулся. — Остальное надо показывать. Пойдем за мной.

Офицеры обошли печальный и уже опустевший огород Исмогилова и вышли к глухому заднику дома. Виктор ключами открыл висячий замок на старой двери, спустился вниз по лестнице. Включил свет и поманил рукой коллегу. В подполе оказалось что-то вроде предбанника — скамейка, крючки для одежды, еще одна дверь, обитая коричневым дерматином. Виктор снял ботинки, повесил куртку на крючки, затем открыл дверь и шагнул внутрь.

За дверью в полуподвале оказалась удивительно точная копия однокомнатной хрущевки. В квартире пахло борщом. Как только офицеры зашли, с характерным поскрипыванием включился проигрыватель виниловых пластинок. Зазвучала песня «Маленький принц» в исполнении Елены Камбуровой.

*«Кто тебя выдумал, звёздная страна?
Снится мне издавна, снится мне она».*

Окна поддельной «хрущевки» изображали фотообои. Небольшой коридор, туалет, совмещенный с ванной, тесная кухня с газовой плитой, старый холодильник советского производства. В коридоре на стене висели капроновые чулки, в которых хранился лук. На кухне за столом сидела темноволосая женщина и читала книгу. Из комнаты вдруг выбежал мальчик лет пяти и радостно закричал: «Папа! Папа!» Женщина оторвала взгляд от книги и приветливо улыбнулась гостям.

*«Ветреным вечером смолкнут крики птиц,
Звёздный замечу я свет из-под ресниц.
Тихо навстречу мне, тихо навстречу мне
Выйдет доверчивый маленький принц».*

Исмогилов расплылся в блаженной, но вымученной улыбке, положил руку мальчику на голову, но ничего не сказал. Мальчик, не дождавшись ответа, как ни в чем не бывало упрыгал на одной ножке в комнату, взял мяч и стал кидать его об стену. Женщина также потеряла интерес к гостям и снова равнодушно уставилась в книгу.

*«Самое главное — сказку не спугнуть,
Миру бескрайнему окна распахнуть...»*

— Это жена и сын, — объяснил Виктор. — Они погибли в автокатастрофе двадцать один год назад. Я сделал из подпола копию нашей квартиры. Поселил здесь. Иногда захожу. Генерал в курсе. Думаю, меня и направили сюда именно из-за них. Увидели по карте, кто прибыл к мертвякам, сопоставили. Я приехал, увидел — чуть с ума не сошел.

— А потом понял, что это не счастье, а мука...

— Нет. Все равно счастье. Я могу их видеть. Хотя бы так. Они не стираются у меня из памяти. А то, что они ничего не испытывают... Так, я думаю, в мире половина людей так живет. Не чувства, а имитации. Они тоже имитируют. А мне все равно — я же помню, что я чувствовал в той жизни. Нашей. Так и живем — разыгрываем сценки из прошлого. Они имитируют, а я заново эти моменты... через себя пропускаю. Ради них и живу. Когда мертвяки начали деградировать массово и Палыч выход с заработком предложил, я ради них согласился. Боялся, что они тоже в зомби превратятся. Я бы второй раз их потерю не пережил.

— ...

— Многие ходят на могилы и разговаривают с умершими близкими. Рассказывают им что-нибудь. Я прихожу, чтобы вспомнить и послушать. Вот в этом «Папа! Папа!» больше жизни, чем в нас всех вместе взятых. Хотя мертвяк ведь кричит. Я к ним стараюсь не прикасаться — холод сразу все убивает. Просто сижу и смотрю. Знаешь, иногда закурить тут хочется, а я сам себя одергиваю — при ребенке же нельзя. Вредно. Жена приучила. Сейчас уже ничего не вредно, а все равно не курю. Сын играет солдатиками. Жена щебечет

на кухне, спрашивает какие-то глупости, иногда греет борщ, который я принесу. Я живу ради таких моментов. Если их не будет, будет только работа, допустим, то чем мы от мертвяков тогда будем отличаться? Теперь ты понимаешь, что я отсюда не уеду ни за какие деньги?

— Они не выходят в сеть. Значит, их мозг не занят вычислениями, они же могут деградировать, или ты их чем-то загрузил?

— Числом «Пи». Его вычисляют. Как думаешь, мертвецам бесконечности хватит?

ВТОРЖЕНИЕ «БОЖЬИХ» ЛЮДЕЙ

До дома Антон Палыча Исмогилов и Максим дошли медленно и в полном молчании. Максим переваривал то, что ему рассказал коллега. Ему стало понятна нелюбовь Виктора к мертвякам — все они напоминали жену и дочь и то, что воссоединиться с семьей Исмогилов больше не сможет. В нынешнем виде его сосуществование с семьей лишь симулякр. Отсюда — хамство по отношению к окружающим, издевательство над мертвяками, беганье по бабам. Исмогилов при каждом шаге напряженно морщил лоб — то ли от боли в ноге, то ли обдумывал последствия своего признания. Дошли молча.

Застали Антон Палыча за изучением оторванной от зомби руки. Он подсовывал ей кусок мяса, пальцы лихорадочно кусок мяли, пытались расцарапать, разорвать черными ногтями, затем доктор кусок отнимал и смотрел на реакцию. Рука успокаивалась, лишь пальцы непроизвольно вздрагивали.

— Палыч, тут Максим Андреич раскопал все наши схемы по зарабатыванию денег. Хочет тебя и меня арестовать и, возможно, даже расстрелять. — Судя по фразе, могло показаться, что Исмогилов пришел в свое привычное состояние балагура, но достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, что это не так. В голосе слышались и горечь, и желчь, и злобность. — Максим Андреич сейчас тебе вопросы позадаст, а я пока коньяку себе плесну, а то вдруг алкоголя больше выпить не придется. Жажну напоследок.

— Антон Палыч, я вчера ездил на болото вместе с Архипом, — Максим присел к столу доктора. — Выяснилось, что в болоте находятся двадцать четыре деградировавших мертвяка. Сейчас Архип их оттуда извлекает, если уже не извлек, вы можете пояснить их происхождение? Предупреждаю — наш разговор записывается на диктофон.

— Могу. Эти зомби — результат моих экспериментов над мертвяками. Кого-то заморил голодом, кому-то не давал калийсодержащих добавок для нормальной работы мозга. Кого-то лишал возможности загрузить мозг работой, удалив лобные доли. Много экспериментов было. Хотел узнать темпы деградации в каждом отдельном случае, а также описать типологию превращения в зомби. Выяснить другие возможные причины деградации.

— И таким образом вы уничтожили двадцать четыре мертвяка?

— Если быть точным, то двадцать шесть. Поправка: не уничтожили, а отдали мертвякам законсервировать их в болоте. Одно-го, который у меня был, законсервировали уже, другой — в процессе деградации у меня в подвале. Что вас, собственно говоря, смущает, Максим Андреевич?

— И вы так спокойно об этом говорите, Антон Палыч? Вы же врач. А — не навреди...

— Максим Андрееч, вы о чем? Они мертвые! К тому же у меня выхода не было — мы могли потерять всю популяцию. Если бы не осталось ни одного мертвяка, все бы деградировали в зомби, которыми никто не может управлять, вы представляете, что бы произошло? Они бы всех тут сожрали, а потом добрались бы до городов. Вопрос стоял так — либо я выяснил бы, из-за чего они деградируют, и остановил процесс, либо — зомби-апокалипсис. К тому же...

Неожиданно сзади раздался металлический щелчок и голос Исмогилова:

— Максим, медленно повернись ко мне. Вот так. — Максим отвернулся от доктора к Исмогилову, тот направил на него АК-74. — Я тут вот что подумал, коллега. Посадить нас за то, что мы тут с Антон Палычем наворотили, — нереально. По итогам твоего рапорта, скорей всего, выпнут на пенсию. Нас бы это,

наверное, даже устроило. Давно пора. Только вот в чем проблема. Турнут нас, скорей всего, с учетом сложившихся обстоятельств по-плохому. Следовательно, на режимном объекте, то есть в Нежве, нам даже в качестве пенсионеров остаться не разрешат ввиду неблагонадежности. Ни я, ни Палыч отсюда уехать не можем. Здесь у нас вся жизнь. А ты ведь, Максим, все равно о наших делах положишь?

Максим кивнул. Исмогилов держал автомат у пояса, направив дуло на коллегу.

— Вот и я про то же. Договориться с тобой не получится. С другой стороны — генерал приказал в случае, если ты поведешь себя не как офицер, а как агент иностранной разведки, тебя пристрелить. Правда, для того, чтоб мне это сошло с рук, необходимо будет предъявить доказательства, а их пока нет. Может, сам признаешься, что ты завербован? На камеру. Не признаешься — мертвяков попросим видеозапись с твоим признанием сделать, но это муторно. Будь другом — сам признайся, не осложняй жизнь старикам, а?

В доли секунды в голове Максима просчитались все возможные сценарии выхода из ситуации. Можно было швырнуть пепельницей, откинуться на стол и перекатиться спиной к Антону Палычу, чтоб оказаться на одной линии огня (не будет же он еще и доктора убивать), или броситься кувырком к Исмогилову под ноги. Ни один вариант не давал ни малейшего шанса на успех. Максим попытался себя успокоить — да не, не будет он стрелять, очередная исмогиловская дурацкая шутка. Затем вспомнил, как майор глядел на мертвых жену и сына, и понял, что за них Исмогилов перестреляет не только его и доктора, но и весь поселок, если понадобится. Никаких шансов не было. Разве что блеф?

— Виктор, я знал о том, что у тебя здесь автомат спрятан, поэтому как с болота вернулся, заменил патроны холостыми. Антон Палыч не видел, он руку зомбака упаковывал. Не стреляй, пожалуйста, — только оглушишь тут всех.

Далее по замыслу Максим хотел лениво отвернуться от Исмогилова к доктору и, услышав, что майор начал проверять патроны

в автомате, броситься к нему, чтобы забрать оружие. Однако Исмогилов, кажется, пропустил мимо ушей информацию о патронах. Он решительно прижал автомат к плечу, не сводя взгляд с Максима, и приложил палец к спусковому крючку. Расфокусированный и неприятный взгляд майора — это последнее, что хотелось видеть перед смертью, поэтому Максим равнодушно уставился в настенный календарь с девушкой на фоне какой-то медтехники.

— Господа офицеры, у нас проблема, — неожиданно встрял в разговор доктор.

— С проблемами чуть позже, Палыч, — отмахнулся Исмогилов. — Давай Максима колоть. Может, через капельницу его алкоголем накачаем, тогда и признается?

— Виктор Федорович! — доктор чуть не взвизгнул. — У нас вторжение! На берег высадились девять вооруженных людей. Карабины и дробовики.

Доктор развернул монитор к офицерам. Исмогилов, как будто и не случилось ничего, прислонил автомат к стене, резко подошел к Антону Палычу и облокотился об стол, Максим развернулся и тоже уставился на экран.

— Это лодка Витька. Точно она. — Заявил Исмогилов. — Пришли, значит, против течения. Там наши за рекой не следят — лодку туда не доставишь, а на плотях или на веслах до поселка по такому течению не добраться.

— А вот вы где. Так и знал. Здравствуйте. — В дверях стоял мертвяк Витек и хлопал большими ресницами. — Вспомнил я!

Все трое повернулись к Витьку, Исмогилов хотел было его прогнать (Мертвечина, вали по своим делам, не до тебя сейчас!), но Максим его остановил: «Рассказывай, что вспомнил?!»

Витек рассказал, что отправился на лодке вниз по течению на охоту на кабана. Надежда перед этим дала мне охотничий тепловизор — типа посмотреть, насколько он помогает и нужна ли вещь? Причалил, лодку в кусты спрятал, сам в тайгу пошел. Прошел километров пять, включил тепловизор — стал разбираться. Че-то не получалось. Решил по старинке — по следам. Часов пять ходил. Потом услышал шорохи. Притаился, затем

вижу — мужики с ружьями в камуфляже выходят. Тоже с прибором каким-то. Решил, что раз они тоже с приборами, то, может, и с Надькиным тепловизором помогут разобратся? Дай, думаю, спрошу, как им пользоваться. Подошел. Они увидели меня, обрадовались и давай спрашивать — откуда я да что. А я ж подписку давал о неразглашении, говорю, мол, неважно. Они не отстают. Мутные какие-то. Здоровые все — не меньше центнера каждый. У всех наколки — перстни на пальцах. На викингов похожи. От таких, думаю, лучше свалить по-тихому.

Попрощался, сказал, что до дома надо засветло добраться и типа пошел. А они не дали — стукнули прикладом в живот, связали. Тепловизор забрали и давай к своему прибору подносить. Затем стали ножиком меня тыкать. Воткнул на пару сантиметров в плечо или в ногу и давай его в ране проворачивать. Я ору: че вам надо-то?! А они — деревню с мертвяками, говорят, надо. Либо довезешь нас до деревни, либо здесь сдохнешь. Спрашивают и ножиком во мне ковыряют. Еще ржали все время. Затем показали шприц. Сказали, что последний шанс дают — либо сам все расскажу, либо они мне инъекцию сыворотки правды сделают. Я молчал. Они мне укол сделали, дальше все смутно помню. Единственное, что точно знаю откуда-то, что у меня сердце не выдержало укола. Так и умер. Скажете Зиновию Михалычу, что не самоубивался я?

Витьку показали людей на мониторе, он закивал головой: «Да. Они. Нашли-таки мою лодку!» После наводящих вопросов выяснилось, что мучители Витька называли себя божьими людьми. Убеждали, что едут избавить мир от мертвяков, из-за которых господня благодать на землю не сходит, потому что нет места богу там, где мертвяки с живыми сосуществуют. Говорили, что Крестным ходом по деревне пройдут и от нечисти всех избавят.

— Итак, что мы имеем? — Максим начал рассуждать вслух. — Группа вооруженных людей, бывших зеков, скорей всего сектантов, целенаправленно движется в поселок, чтобы уничтожить всех мертвяков. Один труп

на их совести уже есть. Тропинку, по которой можно срезать дорогу, они вряд ли знают. По дороге до поселка около тридцати километров. Следовательно, пешком без машин добираться они будут часов шесть. Где мы можем засаду устроить? И что у нас из оружия, кроме твоего АК?

— Два пистолета еще в отделении есть. СВД и гранаты в схроне — до него добираться будем долго, можем не успеть. Там, где дерево поперек дороги свалили, можно засесть. Недалеко от поселка. С одной стороны возвышенность, с другой — ельничек. Очень удобная позиция с пригорка. Только вдвоем мы вряд ли справимся. Судя по всему, подготовленные ребята. К нам их не под видом туристов заслали, а для разведки боем.

— А если местных с собой взять? Сам же говорил — комару хобот отстрелить могут. Витек, пойдешь с нами с твоими обидчиками разбираться? Стреляешь хорошо?

Максим повернулся к Витьку. Тот отчаянно захлопал ресницами, как будто хотел улететь, и, ни слова не говоря, виновато попятился к двери. Споткнулся о порог и пустился наутек.

— Нельзя местными рисковать, Макс. Категорически запрещено. Я могу, конечно, нарушать правила, но до определенных пределов. Непонятно, как они себя поведут. Говорил же — у них своеобразное отношение к смерти. Могут чужаков перестрелять, а могут и сами под пули кинуться. Самим придется.

— Так Витек же уже мертвяк... Доктор к ним жалости не испытывает, да ведь, Антон Палыч? Кстати, вы с нами идете в засаду.

— Максим Андреич, я даже из водяного пистолета боюсь стрелять, зачем вам такая обуза на поле брани?

— А это вам наказание будет, Антон Палыч, за то, что портили государственное имущество в лице мертвяков. Считайте, что это самодурство с моей стороны. Ну и оставлять вас без присмотра одного опасно, мы вернемся, а вы к нашему приходу еще с десяток мертвяков угробите.

— Кстати, Макс, насчет мертвяков хорошая идея. — Настроенный деловито Исмогилов совсем не походил на того безумца, каким

был полчаса назад. — Только еще мертвяка Роутера с собой возьмем. Появилась одна задумка.

ОТВЕТ НА ЗАПРОС ИСМОГИЛОВА И ДОКТОРА

Кирилл Анатольевич Гошка 1992 г.р., уроженец поселка Нежва, на данный момент проживает в областном центре. Был вывезен туда матерью Надеждой Васильевной Гошка в шестилетнем возрасте. Ввиду несовершеннолетия подписку о неразглашении не давал, в поселок более не возвращался, а потому выпал из поля зрения правоохранительных органов. Окончил географический факультет университета. В годы учебы регулярно участвовал в акциях протеста неформального движения «Анархисты Седьмого дня». Зарекомендовал себя как радикал, неоднократно задерживался, привлекался к административной ответственности, отбывал наказания в виде ареста сроком на три-пять дней.

Официально нигде не работает, злоупотребляет алкоголем. Живет на деньги матери и перебивается случайными заработками. Соседи по дому характеризуют его как бесконфликтного в быту, отзывчивого, но беспутного молодого человека.

Два года назад, отбывая наказание в виде 120 часов обязательных работ, познакомился с Дмитрием Скрытником, являющимся членом секты «Свидетели Нового Воскрешения». Секта известна тем, что привлекает в свои ряды наркоманов, бомжей и уголовников (гр. Скрытник четырежды отбывал наказания в ИТК за тяжкие преступления), использует их как дешевую рабочую силу в бизнес-проектах. Финансируется из-за рубежа, предположительно западными спецслужбами. Неограниченное и беспроцентное финансирование, привлечение дешевой рабочей силы в коммерческих предприятиях (установка пластиковых окон, домофонов, охрана объектов) позволяет секте выдвигать с местного рынка предприятия малого бизнеса, не имеющие таких финансовых возможностей. Для борьбы с конкурентами

коммерческие предприятия секты также активно используют силовое давление с помощью бывших уголовников, наркоманов и алкоголиков. Зафиксированы случаи поджога торговых точек, не желающих заключать договор с охранными предприятиями секты.

Созданные на западные инвестиции коммерческие структуры, выдавив с рынка конкурентов, начинают генерировать прибыль, которую руководство секты направляет в том числе и в политические проекты. Того же рецидивиста Дмитрия Скрытника в прошлом году делегировали избираться в областной парламент, на его предвыборную кампанию потратили около десяти миллионов рублей, однако выборы он проиграл ввиду того, что в разгар предвыборной кампании, благодаря оперативной комбинации сотрудников ФСБ, ушел в запой.

Источник в секте сообщает, что руководство заинтересовалось рассказами Кирилла Гошки о поселке Нежва и сосуществовании в нем живых и мертвых. По своим каналам связи информацию о поселке сектанты передали западным кураторам. В настоящий момент к руководителям прибыл куратор секты, гражданин США и агент ФБР Новациан. Цель визита, по нашим данным, — уточнение информации, полученной от Кирилла Гошки. В настоящее время Минюст РФ обратился в Верховный Суд с иском о признании религиозной организации «Свидетели Нового Воскрешения» экстремистской, запрете её деятельности и ликвидации.

Для проверки версии о том, что Кирилл Гошка имеет животное происхождение (а именно — кошачье), специалисты областной лаборатории провели сравнительный анализ образцов ДНК трех граждан — Кирилла Гошки, его предполагаемой матери Надежды Васильевны Гошки и предполагаемого отца Анатолия Архиповича Абунова. Образцы ДНК изымаются у жителей поселка Нежва в обязательном порядке при рождении и хранятся в областном управлении ФСБ. По итогам анализа специалисты выдали заключение, что с 99%-ной вероятностью отцом и матерью Кирилла Гошки являются Надежда Васильевна Гошка и Анатолий Ар-

хипович Абунов. Сравнение ДНК Кирилла Гошки с его предполагаемой матерью, кошкой, осуществить невозможно ввиду отсутствия образцов генетического материала последней. Однако полученные результаты, по мнению специалистов, позволяют сделать однозначный вывод о том, что Кирилл Гошка является человеческим детенышем, отец и мать которого определены с достаточной степенью точности.

БИТВА С СЕКТАНТАМИ

Добравшись до позиции на пригорке, Максим с Исмогиловым то и дело переругивались. Максим выговаривал коллеге за то, что тот бездумно использовал РПГ, который сейчас бы пригодился. Рядом с ними скромно помалкивали мертвяк Роутер и Антон Палыч. Доктор, правда, порывался несколько раз уйти под предлогом того, что толку от него никакого, но даже Исмогилов, войдя в боевой раж, его одергивал. Доктору дали бинокль следить за дорогой. С пригорка открывался крайне комфортный сектор обстрела, укрыться сектантам можно было только в ельнике на противоположной стороне. Однако до ельника надо было еще добежать, а это метров десять по открытому пространству. Сваленное поперек дороги дерево также могло послужить дополнительным укрытием — Максим с Исмогиловым, обсуждая диспозицию, решили не подпускать сектантов к нему близко.

Переругивались и по деталям операции. Максим заявил, что выйдет к дереву навстречу сектантам и предложит официально покинуть режимный объект. Исмогилов был настроен более радикально и предлагал расстрелять их без предупреждения. «Во-первых, один труп на их совести уже есть, поэтому они представляют реальную опасность, — горячо убеждал Исмогилов. — Во-вторых, если они, Макс, тебя пристрелят, то против их девяти стволов будет только мой один, а не два!» Максим настаивал, что все должно быть по закону: предупрежу, не послушаются — спрячусь за дерево и начнем стрелять.

— Идут! — лихорадочно шепнул доктор, кинул бинокль Исмогилову и ползком энергично попятился назад. Максим его остановил и подполз к майору. Колонну можно было разглядеть и без бинокля. Группа здоровых бородатых мужиков в майках была экипирована рюкзаками, на шее у каждого висел либо карабин, либо дробовик. Двое впереди несли большой деревянный крест, за ними еще несколько несли на шестах большие красочные хоругви с ликами неизвестных святых и надписями, стилизованными под кириллицу. Некоторые удалось разобрать: «Смирение: сила или слабость?», «Мертвому место в могиле, нечисти — в аду». Дорога огибала пригорок, на котором офицеры расположились в засаде, так, что поваленного дерева колонна пока не видела.

— Ну, я пошел, — сказал Максим, в ответ Исмогилов укоризненно покачал головой и покрутил пальцем у виска. Максим улыбнулся и, согнувшись, побежал на дорогу к дереву. Исмогилов обернулся к доктору и мертвяку:

— Роутер, давай. Твой выход. Черт — не на меня же. Палыч, отведи его в сторону, пусть там дробит.

Доктор с удовольствием прихватил мертвяка за локоть и отвел подальше от майора. Между тем колонна уже миновала поворот, и теперь участники Крестного хода увидели, что у поваленного дерева их кто-то встречает.

— Куда путь держим, господа верующие?! — миролюбиво спросил Максим.

Колонна остановилась. Вперед вышел мужик метра под два ростом с модно подстриженной рыжей бородой. Это был Дмитрий Скрытник. Он скинул на землю огромный туристический рюкзак, перехватил дробовик и приблизился к Максиму на пару метров. Сектант, казалось, больше интересовался не человеком, который остановил их, а тем, что у Максима за спиной.

— Далеко еще до поселка? — наконец обратился он с встречным вопросом.

— До какого? — делано удивился Максим.

— Короче, милчеловек, нам туда надо, — с напором прохрипел рыжий и указал за спину Максима дробовиком, — в поселок.

— А вам туда нельзя, — пожал плечами Максим, достал корочки сотрудника ФСБ, показал Рыжему и, как бы извиняясь, добавил. — Придется вернуться.

— Мы с крестным ходом идем, — с виду миролюбиво, но довольно твердо пояснил Рыжий. — Слышали, что в поселке нежить обитает. Верующие страдают. Бог сподобил нас помощь оказать бедным людям. Почему ж нам нельзя?

— Так спецоперация там идет. Злобная пенсионерка в подстаканнике в окрестностях летает, матерится, шумит после одиннадцати, покой нарушает. Непорядок. Ловим вот. Бабой Ягой зовут, не видели?

В колонне кто-то хихикнул, но Скрытник недовольно оглянулся, и все примолкли.

— Так есть в поселке нежить или нет? — Рыжему явно надоело перепираться.

— А как ты отличишь живых от мертвых? — Максим сделал пару шагов назад и медленно потянулся достать пистолет. Рецидивист Скрытник так же медленно двинулся к нему и негромко сообщил:

— А Боженька мне шепнул, что всех валить надо. А он их там, наверху, отсортирует.

— Даже меня? — улыбнулся Максим, почти достав пистолет. Однако дробовик Рыжего оказался быстрее. Мощный выстрел в живот отбросил Максима за поваленное дерево.

— А чем ты лучше других! — довольно пошутил Скрытник, и в колонне одобрительно, хотя и с опаской, загоготали. Крайне довольный собой Рыжий вернулся за рюкзаком и уже готов было его обратно надеть, как неожиданно из ельника послышался треск ломающихся сучьев, как будто в их сторону приближалось коровье стадо. Люди из колонны удивленно стали вглядываться в лес, некоторые на всякий случай наставили карабины. Однако проблемы возникли не оттуда.

Исмогилов с пригорка короткой очередью прострелил Рыжему ногу. Затем открыл огонь короткими очередями по остальным. Сектанты довольно слаженно побросали рюкзаки, спрятались за ними как укрытием и начали отстреливаться. На источник шума из ельника уже никто из сектантов не обращал внимания. А зря. Из лесу вышли двад-

цать мокрых со слипшимися на изъеденных лицах волосами деградировавших мертвяков. Из некоторых на ходу вываливались зеленые испражнения. Кто-то падал из-за заостеневших ног, но продолжал ползти. Первым добрался до Рыжего какой-то тощий мертвяк-дистрофик с совершенно беззубым ртом и припал к простреленной ноге гиганта яростным засосом. Рыжий не столько от испуга, сколько от отвращения нервно отпихивал от себя это воняющее болотной гнилью, рыгающее и срущее нечто. Один из ударов ногой достиг цели — далеко в сторону отлетела беззубая челюсть. Мертвяк тем не менее продолжал крепко обхватывать ногу Рыжего, тыкаясь в нее ртом, пачкая слизью. Рыжий стал бить зомби прикладом по голове, но успел нанести только пару ударов, затем на него навалились еще два уже с зубами. Они вгрызались в Рыжего. Отрывали куски мяса. Снова впивались в тело. Из перекушенной артерии брызнула мощная струя крови, Рыжий заорал. Визгливо, по-бабьи, и этот визг диссонировал с его мощной фигурой.

На помощь ему уже никто прийти не мог. Да его и не слышали. Всех разрывали на куски и все орали — кто-то от ужаса, кто-то от бессилия. Как пираньи, деградировавшие мертвяки облепили тела сектантов, обгладывали их жадно, всхлипывая, чавкая, тут же опорожняясь на хоругви. Лишь в конце колонны один из сектантов как-то еще стоял на ногах, стрелял и пятился назад: «Пацаны, в башку им стреляйте!» Выстрелы в голову помогали, впрочем, лишь частично — мертвяк-зомби уже не мог вгрызаться в живых, но уже с отстреленной или поврежденной головой все равно пытался обхватить руками жертву, рвал ее когтями. Да и не слышал его уже никто из колонны. Над всеми склонились, дожирая плоть, зомби. Кто-то из нападавших мертвецов был прострелен и лишен возможности передвигаться на ногах, кто-то не в силах был оторваться от крови и мяса. Лишь двое с трясущимися руками направлялись к последнему выжившему. Тот пятился и судорожно перезаряжал дробовик.

Зомби уже добрался до него, схватил за колено и впился зубами. Казалось — по-

следнему сектанту пришел конец. Как и всей битве. Однако неожиданно из-за поворота на дороге появились еще два живых секанта, отставших от колонны с большими, чуть не в половину их роста рюкзаками. Они тут же сбросили груз, и сначала прострелили двух зомби, напавших на последнего из колонны, затем начали слаженно отстреливать жрущих. Теперь преимущество оказалось на стороне незваных гостей. Еще немного, и они перебили бы всех. Но этому не суждено было случиться.

Исмогилов дал очередь по ногам новеньким, затем одиночными прицельно ранил и того, и другого в руку и плечо, чтоб те не могли стрелять. Через двадцать минут уже никто из сектантов не подавал признаков жизни.

Исмогилов, ранив последних, сел на пригорок и закурил. Влажные глаза майора безучастно наблюдали за тем, как зомби дожирают сектантов. Лицо не выражало ничего. Доктор подполз сзади, и тут Исмогилова прорвало. Он матюкнулся и, навзрыд яростно жестикулируя, пустился в объяснения: «Я ж ему говорил! Говорил же Макс! Не надо было ходить! Макс — дебил! Сдался ему этот закон!» Доктор присесть не решился, лежал рядом, только приподнял голову. Исмогилов отрывисто всей пятерней сгребал слезы.

Доктор, убедившись, что никакой опасности больше нет, наконец, присел рядом с майором, достал фляжку с коньяком, но выпить не успел — вечный хам Исмогилов выхватил ее и жадно присосался. Доктор недовольно стал тыкать его в ребра — майор одной рукой защищался и фляжку не отдавал, тогда доктор цыкнул: «Да оторвись ты, Виктор Федорович! Глянь!» Исмогилов нехотя взглянул, куда ему показывал доктор. Антон Палыч, пользуясь случаем, тут же выхватил фляжку.

К ним поднимался капитан Боширов-Петров. Бледный, но абсолютно спокойный. Никаких эмоций, болевых гримас на его лице не отражалось. Хотя в районе живота у капитана все было раскурочено — торчали ребра, вываливались наружу кишки. Максим безучастно на ходу грязными руками засовывал внутренности обратно. Он подошел к доктору и Исмогилову, присел рядом. Посмотрел на то,

что осталось от колонны сектантов, и грустно подытожил: «Зря с собой солярку не взяли — сожгли бы сейчас, а то еще возвращаться придется». Доктор и Виктор Федорович, ошарашенные, синхронно кивнули. Помолчали.

— Я уж думал, что друга потерял, — признался Исмогилов.

— Ты ж меня еще недавно пристрелить хотел.

— Одно другому не мешает, — убежденно заявил Исмогилов и, наконец, спросил: — Макс, а ты давно понял, что ты мертвяк? Тебя в Сирии грохнули?

— Нет. Не в Сирии. И это обидно. Выплаты семье бы полагались, ну и героем бы погиб. А так — бытовуха обычная. Только из командировки вернулся, прогуляться решил с женой в парке. Там толпа мигрантов прохожих задирала. Вступился. Как-то случайно пропустил удар ножом в сердце. Расслабленный был после командировки. Не успел собраться. Дальше — похороны, салют на кладбище. Служивцы помянули. Фотография в черной рамке на входе. Все как полагается. И тут я такой на девятый день прихожу, как ни в чем не бывало на работу в управление. По привычке. Я ведь не знал, что уже мертвый. Все в шоке. Сначала арестовали, думали — двойник, затем разобрались, что мертвяк — благо о Нежве начальство знало. Сюда прислали.

— Так вот почему ты такой правильный. Не пьешь, законы соблюдаешь, — Исмогилов немного захмелел. — Кстати, Палыч. Ответ на твой запрос пришел по поводу сына Надежды. ДНК его проверили — не кошачий он сын. Мать у него Надежда, отец — Анатолий из местных. Обрюхатил ее, в армию ушел. В его части дедовщина процветала, убили его. В общем, не вернулся из армии боец. Так что все твои реконструкции биографий по тестам — ерунда полная. Что забьешь в компьютер или в мертвяка, то и получишь. Искусственный интеллект этот ваш — такая же хрень. Не зря говорят: кто ищет — тот найдет. Только забывают добавить — найдет, даже если то, что ищет, в природе не существует.

Доктор прочитал справку, невозмутимо сложил ее вчетверо и засунул в карман. А потом вынес свой вердикт.

— Тут есть одна проблема. Пока ждал ответ на запрос — поспрашивал местных. Они утверждают, что про рождение отца Кирилла, погибшего Анатолия, тоже какая-то мутная история. Вроде как он тоже якобы от кошки родился. А кошек в Нежве никогда и ни у кого не было. Только у семьи Абуновых. Так что вполне возможно, что Кирилл не кошачий сын, а кошачий внук. Только сейчас это уже достоверно не выяснить.

ГОРМОНЫ КАК НОВАЯ НЕФТЬ

Демокрит Абдерский и папа Римский Новациан сидели в ресторане и распивали виски. Они были единственными посетителями. Обслуживающий персонал бегал и украшал дешевыми пластиковыми игрушками банкетный зал к вечернему шоу, на которое были заранее распроданы все места. Не забывали обслуживать и единственных посетителей — к ним то и дело подбегали официанты и приносили салаты, гамбургеры и кофе. Демокрит предстал в образе генерала ФСБ и закусывал салатом, Новациан — как сотрудник ФБР при посольстве США в России, и виски он запивал кофе. Между тем на столе были приборы на четверых.

— Похоже, Будда и Конфуций не придут, кворума нет, — подытожил Новациан, глянув на часы, — уже час прошел.

— Да-да, китайцев и индусов так мало на этой планете, что совершенно некого прислать на встречу, — пошутил Демокрит и предложил: — Давай тогда наши разногласия обсудим, не зря же собрались.

В знак согласия Новациан поднял стакан со льдом. Чокнулись.

— Я против того, чтобы увеличивать квоты на выделение серотонина китайцам, и за то, чтобы Россия потребляла больше адреналина, — заявил Новациан. — Впрочем, ты мою позицию знаешь.

— Ты тоже мою позицию знаешь, — ответил Демокрит. — Если китайцам ограничить потребление серотонина, то управляемость обществом понизится. Начнутся волнения, бунты. Зачем нам нестабильный сосед под

боком? Насчет адреналина ты хорошо подумал? Я понимаю, что ты хотел бы, чтобы весь адреналин употребила твоя «пятая колонна», но ты ведь помнишь, как мы ее утилизировали на Донбассе? Хочешь еще одну «горячую точку» на карте получить? Этот вопрос мы готовы обсуждать, но, разумеется, с остальными Древними Мертвыми — когда кворум будет.

— Ок. Вернемся к этому вопросу позже, — Новациан отпил кофе. — Тогда на следующем заседании я еще хотел бы обсудить вопрос о твоём Заповеднике Мертвых. Я уже не раз поднимал эту тему, хочу вернуться. Я считаю, что, кроме Древних Мертвых, других быть не должно, и ты должен его ликвидировать.

— А я тебе еще раз повторяю, Новациан, нас все устраивает. Это вы своих мертвых истребляли свыше тысячи лет. Это ваш выбор. Вы уничтожили, мы — оставили. Кстати, твоя попытка внедрить в Заповедник супергероя, честно говоря, была абсолютно прозрачной и читаемой с самого начала. Вы себе Бэтмена завели, нам — Кэтмена (кошачьего сына) подсунили. В следующий раз кого пришлете? Цаплебабу? Гомобобра? Как видишь, мы это внедрение на уровне смыслов пресекли. Тоньше надо работать, коллега. Кстати, мы ведь на Совете с подачи Оккамы приняли решение не плодить новых сущностей. Ты его нарушил. Я подыму этот вопрос на Совете.

— Демокрит, ты тоже нарушил это правило, — от претензии Демокрита Новациан чуть не поперхнулся. — Ты нашел способ продлить жизнь аккаунту после физической смерти организма. Я говорю об оцифрованной личности Боширова-Петрова. Это ведь тоже новая сущность!

— Подними этот вопрос на Совете, Новациан, — лениво отмахнулся Демокрит, наливая себе в стакан еще порцию виски. — Там не все так просто с продлением жизни. Я готов дать объяснения.

Собутыльники помолчали. Затем Новациан снова миролюбиво протянул свой стакан Демокриту, чтобы чокнуться.

— Демокрит, наши встречи вдвоем всегда превращаются в препирательства. Рад был тебя увидеть, выпить с тобой виски,

но, пожалуй, пойду. Не хочу тратить время на ненужные споры.

— И тебе всего доброго, — попрощался Демокрит и остался допивать виски один. После того, как Новациан ушел, к Демокриту подошел официант.

— Вы что-нибудь еще будете, товарищ генерал?

Демокрит задумчиво покачал головой, а затем жестом предложил официанту присесть рядом.

— Ты все услышал?

Официант кивнул. Им оказался Кирилл Гошка. Он присел и налил себе виски:

— Товарищ генерал, а вы и вправду мертвяк Демокрит?

— И да, и нет, Кирилл. Я аккаунт всех умерших предков, вполне живой человек. Через меня они и общались с Новацианом. От Демокрита в коллективном разуме умерших предков что-то осталось, разумеется, но не очень много. Этот агент ФБР тоже не совсем Новациан, он — тоже аккаунт.

— Ничего не понял. Вы мне обещали доходчиво объяснить, что патриотизм не абстрактное понятие, а вполне конкретное. Я пришел. Вижу, что, помимо обычных мертвяков, есть еще какие-то Древние. Как это все соотносится? Вы меня только еще больше запутали...

Кирилл, похоже, решил напиться, потому что сразу опрокинул в себя первые сто грамм и тут же налил себе еще.

— Ты знаешь, что, например, Дмитрий Иванович Менделеев создал таблицу имени себя благодаря тому, что подсмотрел, как плотники рубят сруб, нумеруют бревна, затем складывают каркас дома?

— Нет.

— Я тебе пытаюсь объяснить про паттерны (мыслеобразы). Пример с Менделеевым очень упрощенный, но это чтобы понятней было. Его мозг сопоставил ход строительства дома с рядами и столбиками, в которые можно было бы вписать химические элементы. Абсолютно разные, казалось бы, вещи. Но такова реальная механика работы мозга. На решение натолкнули, разумеется, и другие паттерны, которые он получил в течение

жизни, не только сруб дома. Но мы упростим. Допустим, что ему помог только этот полученный им лично паттерн.

— Допустим.

— Так вот. Я тебе рассказал о паттернах, полученных лично Дмитрием Ивановичем Менделеевым, а есть еще и те, что были накоплены поколениями наших предков. Десятки, сотни и тысячи миллионов мыслеобразов как положительных, так и отрицательных хранятся на территории нашей страны в виде (чтоб тебе понятней было, употребляю этот термин) банка данных, к которому все мы подключаемся. Эта связь с предками позволяет нам выстраивать понятный окружающим нас людям образ жизни, мышления, поведения. Находить на основе имеющегося опыта новые решения для защиты национальных интересов. Это работает только в России.

Неизвестно почему, но за границей ты от банка данных отключаешься. Стоит на долгое время покинуть Родину, и у многих начинается ломка. Читал ведь, наверное, описания эмигрантской тоски по родине? Кто-то, чтобы справиться с этим, готовит борщи за границей, кто-то загружает себя работой так, чтоб свободного времени не осталось, кто-то спивается. То есть любовь к Родине, патриотизм — это вполне конкретная связь с предками, их накопленным жизненным опытом. Менделеев бы не сопоставил сруб дома с таблицей химических элементов, если бы не воспользовался другими, более древними паттернами наших предков. Его конкретный личный патриотизм привел к этому открытию.

— Это только у русских такой банк паттернов есть?

— Нет. Это у многих народов.

— А я могу подключиться к банку паттернов другого народа?

— Ни у кого это пока не получалось. Ты можешь, конечно, эмигрировать, предать родину, прожить десятки лет за границей, но ты никогда не станешь там своим. Никогда не сможешь подключиться к их банку данных. От своего будешь отключен, но к их банку не подключишься. Это как при пересадке, допустим, сердца или печени организм может отторгнуть чужой орган. Медики научились

делать так, чтоб шансы на отторжение были минимальные, а с подключением к чужому банку данных это пока не получается. Не так давно Новацян эксперимент проделывал. Шведку Мию Йоханссон попытался подключить к нашему банку данных. Писательница, зрелая женщина, мать. Попутешествовала по России и сошла с ума. Про нее во многих СМИ материалы публиковались. Можешь попробовать, если такие перспективы не пугают.

— Можно же, наверное, жить и не подключаясь ни к кому и ни к чему... — Кирилл снова себе налил.

— Разумеется. Можно жить без корней, без смысла, без всего. Многие так живут. Живи, если хочешь.

— А если я не разделяю ценности российского государства? — Кирилл был уже пьяненький, слова сплетались в пафосный поток. — Я, например, за свободу слова, торговли, за неприкосновенность частной собственности. Я против коррупции и всех олигархов, которые присосались к государственной кормушке и вообще. Это, я так понимаю, совершенно не вписывается в опыт, накопленный предками, так называемые паттерны? И что мне теперь, сидеть сложа ручки и ничего не делать?

— Ой, давай без пурги обойдемся. Вот, положи руку на сердце, признайся уже. Ты не за все эти ценности, а за адреналин, на который подсел. Совет Древних решил, что его избытки утилизировать в России — самый лучший выход. Я протестовал, но оказался в меньшинстве. Насчет коррупции, олигархов и либеральных ценностей поясню все-таки, хотя тебе это не особо интересно. С чего ты взял, что олигархи являются владельцами своих капиталов? Они номиналы. С их помощью формируются бюджеты под секретные операции и прорывные шаги в политике, экономике, науке. Ты думаешь, только у нас так? Тот же Стив Джобс, Билл Гейтс, Илон Маск — это маркетинговые ширмы. Реальными владельцами «их» (в кавычках) компаний являются совершенно другие структуры и люди. Хочешь бороться с олигархами, против коррупции, за либеральные ценности — борись на здоровье. Никто тебя не отговаривает. Просто имей

в виду простой исторический факт. Самый либеральный царь России Александр II провёл массу дающих свободы реформ, отменил крепостное право, и в результате на него было совершено одиннадцать покушений. От либералов, которым казалось, что реформы проходят слишком медленно. На Александра III, который «закрутил гайки», притормозил или отменил часть либеральных реформ своего предшественника, покушались только один раз. Тебя твои же либералы сожрут рано или поздно. Так что борись на здоровье.

— А зачем вы меня тогда позвали? Я думал — агитировать будете за патриотизм...

— Я тебя позвал, чтоб ты понял, что у тебя есть выбор. Чтоб не думал, что государство беспричинно ущемляет твои права. Будь кем хочешь. Делай что хочешь. Просто реши для себя — нужно ли тебе держаться корней или хочешь стать космополитом. Сделай уже выбор. Вот прямо сейчас.

— Да срать я хотел на ваши концепции! На законы! На правила! На государство ваше гребаное! — Кирилл уже порядком захмелел. — Мне не нравится то, что вы мне тут втираете! Какой к херам выбор?! Мы, люди, хоть какую-то самостоятельность в решениях имеем? Гормоны, магнитные бури, алкоголь, еда определяют наш эмоциональный фон, паттерны предков — образ наших мыслей, мозг вообще может одну личность заменить на любую другую. Человек сам-то хоть что-то в этой жизни самостоятельно решает? Или нас всю жизнь дергают за веревочки?

— После смерти понимание наступает. Потерпи. Немного осталось. А пока развлекайся.

Демокрит равнодушно встал, положил на стол две пятитысячные купюры и медленно вышел из кафе. Раздраженный Кирилл остался допивать виски. Одну пятерку засунул себе в карман. Не пропадать же добру?

Буквально сразу же к Кириллу подошел грузный пожилой мужчина с лопнувшими капиллярами на лице, в красном галстуке-бабочке и светлом мятом плаще. Он деликатно присел на край стула и вкрадчиво спросил:

— Прошу прощения, вы ведь Кирилл Гошка, да? Меня зовут Антон Палыч, я — доктор. У меня к вам несколько странная просьба,

не поймите меня неправильно... Как бы это сказать... В общем, не могли бы вы мне сдать свои анализы?

Изрядно пьяный Кирилл минуты две изучал собеседника, затем неуклюже встал, расстегнул ширинку и нассал в стакан: «Ничего, что с алкоголем?»

Между тем в ресторане «Хромая лошадь» все уже было готово к приему гостей.

НАСТОЯЩИЙ КОНЕЦ

Ночью ударили первые осенние заморозки. Максим третий день лежал в постели, чтобы швы на животе не разошлись. Писал и отправлял отчеты генералу. Играл в нехитрые игрушки на планшете. Скуку прервал звонок генерала. На экране планшета снова выскочила заставка из сериала «Ходячие мертвецы».

— Ну как, подлтал тебя наш доктор-манияк, Максим Андреич?

— Спасибо, товарищ генерал. Вроде да.

— Получил я твои отчеты. Вроде бы, все задачи выполнены. Пусть не так, как мы хотели. Утечку вообще случайно обнаружили. Если бы не доктор со своими навязчивыми идеями, наверное, до сих пор бы голову ломали — откуда западные спецслужбы точные координаты объекта получили и его характеристики? Исмогилов и доктор уже в курсе, а тебя пока не беспокоили, чтоб процессу регенерации не мешать. Расскажу в двух словах. Продавщица ваша, Надежда, уехала по молодости в город жить, сына оставила до пяти лет в Нежве. Затем забрала мальчика. Матерью она оказалась так себе — сдала ребенка в интернат. Забирала только на выходные. Да и то не всегда. Затем вернулась в поселок. Сын остался в городе. Он к тому моменту в институт поступил. Был предоставлен сам себе. То с радикальными оппозиционерами свяжется, то пьянствует да по бабам ходит. А мы его как-то выпустили из виду. Он же несовершеннолетним уехал — подписку о неразглашении с него не возьмешь в таком возрасте. Что-то про мертвяков он помнил из детства. Рассказывал, бывало, знакомым,

но ему никто не верил. Попал в секту «Свидетелей Нового Воскрешения». А ты ведь знаешь, что «пятая колонна» — это не только общественные организации, оппозиционеры, но и другие структуры. Коммерческие, религиозные. Эти «Свидетели» очень плотно курируются западными спецслужбами. Набирают прихожан из всякого отребья, бомжей, пьяниц, наркоманов, бывших зеков. Присматриваются к тем, кто еще на что-то способен. Вербуют их, готовят к оперативной работе. Остальных используют как чернорабочих в различных коммерческих проектах. Прислушались к тому, что Надеждин сын говорит, попросили узнать у матери подробности. Надежда подписку давала посторонним не разглашать, а на родственников, которые тоже родом из Нежвы, ограничение не распространяется. Отношения у нее с сыном не ладились, а тут он вдруг письмо прислал — она и рада. Ответила про мертвяков все, что он спрашивал. Кирилл тоже не в курсе был, что его втемную используют. Все подавалось под соусом христианского всепрощения, уважения к матери. Дескать, это твой первый шаг на пути очищения. По итогам его рассказов (он им даже письмо от матери дал прочитать, чтоб убедить в том, что встал на путь исправления) кураторы дали местной агентуре задание провести оперативную комбинацию. Предложили Кириллу выслать в знак примирения подарок — планшет. Девайс зарядили маячком, посылающим сигнал на спутник. Притом подарок он еще и отработал у них — бесплатно ходил окна устанавливал. Маячок на планшете указал им координаты нахождения поселка. Пытались различными способами проникнуть — везде все перекрыто. Более-менее свободно — ниже по течению, но туда лодку с мотором не доставишь. Выслали матери в подарок еще и тепловизор, также с маячком, справедливо полагая, что если она даст кому-нибудь с ним на охоту сходить, то этот охотник в тайге его включит и обнаружит себя. По сигналу они на нее выйдут, заберут лодку с мотором и таким образом доберутся до поселка. Разбили лагерь в тайге, жили там три недели что ли, пока не повезло. Хитроумная операция. Все у них по-

лучилось, к сожалению. Мы сейчас работаем и с Кириллом, и со «Свидетелями». Запретим их деятельность на территории России в ближайшее время.

— Товарищ генерал, тут что-то не сходится.

— Что именно?

— Для того, чтобы санкционировать такую жесткую операцию — по сути, попытку вооруженного захвата, диверсию, необходимо подтверждение информации как минимум из двух независимых источников. А мы вычислили только один. А второй кто?

— Мать и сын могут сойти за два независимых источника. Он рассказывал о своих личных воспоминаниях из детства о мертвяках — это первый источник. Второй — показания матери.

— Да, можно и так толковать независимость. Просто у меня версия родилась, пока я изучал содержание работ мертвяков, в том числе и по поводу возможного другого источника информации.

— Как справился? Там же такие объемы — ни один человек не переварит столько.

— Я взял узкий сектор — пропаганду. Не весь, разумеется. Выборочно. Глава Нежвы Зиновий Михайлович сказал, что аварии и неполадки при запусках разработок мертвяков могут быть вызваны тем, что они потеряли объективность, занимаясь пропагандой. Я решил это выяснить.

— Звучит бредово, но расскажи. Интересно.

— Начну издаека. Смотрите, наш мертвяк — это мозг, лишенный сознания, личности. Им дали задание создать миллионы, десятки миллионов аккаунтов как бы живых людей. Каждый мертвяк ведет миллион или несколько миллионов аккаунтов ежедневно, чтобы никто не заподозрил, что за аккаунтом скрывается программа или заурядный спамер. Он придумывает каждому аккаунту реалистичную биографию владельца, легенду, наполняет страничку в соцсетях бытовыми деталями. Создает полноценную личность со своим характером, проблемами, достоинствами и недостатками. С позиций этих характеристик отвечает на вопросы пользователей, комментирует виртуальных друзей. Например, это какая-нибудь Джессика, многодетная мама

из Небраски, афроамериканка, счастлива в браке. Она постит фотки с детьми, мужем с праздников, выпускного дочери, спрашивает, как заставить мужа вывезти семью на природу. И таких личностей у мертвяка миллионы. До этого мертвяк существовал без личности, а теперь у него их миллионы. Он получил как бы вторую жизнь. Через эти личности он общается с людьми, познает мир. Все как до его смерти. Просто масштабы другие.

— Уж очень ты издали зашел.

— Мертвяк не может стать источником информации для западных спецслужб. А вот один из его аккаунтов, точнее — личностей может. Созданный мертвяком аккаунт потому и воспринимается другими пользователями, которые с ним взаимодействуют, как реальная личность, поскольку он общается строго в рамках заданных характеристик. Не может Джессика из Небраски прокомментировать пост, как пьяный брокер по недвижимости из Нью-Йорка, например. И вот тут самое интересное. Написал этот пьяный и трусливый, допустим, брокер, комментарий под твитом Дональда Трампа о новых санкциях против нашей страны, что, мол, руки прочь от России. Его взяли на заметку западные спецслужбы. Стали пробивать человека — найти не могут. Решили связаться через личное сообщение. Тут наш виртуальный брокер, согласно заданным характеристикам, и поплыл. Сдал всех и вся. Через личные сообщения. И завербовать его также могли — виртуально. А мертвяк, как владелец аккаунта, это может даже не заметить — личность действует согласно заданным параметрам характера.

— То есть ты хочешь сказать, что аккаунт мертвяка могли завербовать западные спецслужбы, чтоб работать против нашей страны?

— Ну, или просто снимать с него информацию. Такова реальность. Или виртуальность. А может, мы (точнее уже — вы), живые, все аккаунты какого-то мертвяка? Не зря же люди регулярно сетуют на то, что человечество мельчает. Хорошо, если какой-нибудь мертвый Аристотель спрятался от всех в глуши, каким-то образом кормится, насоздавал из живых людей себе миллионы аккаунтов и следит за миром. А если какой-нибудь Ге-

рострат? Или Калигула? Тяга к разрушению, разврату — это все есть. И в избытке.

— Озадачил. Твои предложения? Грохнуть все аккаунты, прекратить заниматься пропагандой? Или контроль за виртуальными личностями наладить?

— Грохнуть все виртуальные личности — это значит уподобиться варварам. Англичанам, которые во время Второй мировой разбомбили культурный центр Германии, Дрезден. И американцам, разбомбившим Хиросиму и Нагасаки. Виртуальные личности сегодня — это ведь не только многодетная Джессика или трусливый брокер. Это писатели, ученые, философы, которые вносят в мировые культурные процессы, научно-техническое развитие свой вклад. Это ценный и очень обширный культурный пласт. Они уже давно не только орудие пропаганды. Они фактически живые люди. Зачастую реальнее нас с вами. Джессику, например, считают реальной около двух тысяч подписчиков, а нас с вами сколько человек знают? Пара десятков, полсотни? Получается, она — реальней.

— В наши времена все было гораздо проще. Сейчас голову ломаешь над всеми этим парадоксами. А тут еще и виртуальная реальность надвигается, и робототехника. По твоей логике выходит, что Искусственный Интеллект, который на Западе создают, даже если получит прямое ограничение — не причинять вред людям, — может создать что-то (робота, виртуальную среду), что может благодаря заданным характеристикам даже убить человека? Аккаунт пьяного брокера ведь, по сути, обходит запрет на неразглашение?

— Так точно. Сейчас много этических проблем обсуждают, связанных с Искусственным Интеллектом. Эта — не единственная. Жители Нежвы давно с этим живут — надо у них опыт сосуществования с Искусственным Интеллектом перенимать. Кстати, раз уж зашла речь об этике, что ждет Исмогилова и Антон Палыча?

— Благодарность. Все-таки освоили новый способ зарабатывания денег для страны. Выделим это сейчас в отдельное направление. А то, что нарушили чего-то там, — ну на то мы и не роботы, чтоб принимать иногда реше-

ния вопреки установленным нормам. Исходя из контекста, так сказать. Ты-то готов? У тебя сороковой день сегодня.

— Разве можно быть готовым к окончательной смерти? Все-таки это эксперимент — вживить чип, в котором хранится моя личность, в мозг, чтобы и после смерти я оставался самим собой. Он ведь может и не получиться. Вдруг что-то пойдет не так? Разумеется, я боюсь потерять эмоции. Стать таким же безучастным, как мертвяки. Очень боюсь.

— Будем надеяться на лучшее. Ты можешь стать новым Гагариным в деле жизни после смерти. Для тебя все только начинается. К тому же мы до сих пор не выяснили, почему некоторые разработки мертвяков оказываются нерабочими. Теперь еще завербованный западными спецслужбами аккаунт надо вычислить. Он может оказаться не единственным. Тебе во всем придется разобратся изнутри. Я верю в тебя.

Экран планшета погас. А затем погасло и все вокруг. В этом мраке Максим почувствовал, что его тело начало приобретать какую-то необычную, почти каменную плотность. Тело наливалось неестественной тяжестью, ни рук, ни ног он не ощущал. Сначала ему показалось, что он какой-то маленький булжик, который почему-то прикреплен к потолку, затем выяснилось, что он висит ни за что не цепляясь в неизвестном пространстве. Как это выяснилось? Непонятно. Он не то чтобы видел себя, скорее ощущал в виде круглой каменной не то планеты, не то астероида. По нему, как планете, катил тележку со склянками мальчуган Ешка из Нежвы. Обежав планету-Максима по экватору пару раз, Ешка присел, снова выколопнул козявку из носа и деликатно насадил на тележку.

«Где я?» — хотел спросить Максим, но не мог. Ешка, однако, вопрос услышал и ответил: «Ты умер». «Я — мертвяк, — возразил Максим, — я не могу умереть. Я уже мертв и сосуществую с живыми. К тому же мою личность оцифровали, и она должна активироваться на земле, я должен теоретически жить вечно, неужели ничего не получилось?» Ешка помолчал, бросая камушки с поверхности Максима, затем упрямо повторил: «Ты умер».

Только сейчас Максим почувствовал, что от беготни мальчугана и падающих камушков ему было слегка щекотно.

— Все хотел спросить, — снова мысленно спросил Максим, — что у тебя в тележке гремит стеклянное?

— Слезы родных и близких по тебе, — отозвался задумчиво Ешка, — тебе ведь хочется поплакать, но нечем, поэтому я тебе их дам.

Максиму действительно хотелось плакать, просто он об этом каком-то не задумывался, пытаясь определить, где он и кто он. Он ощущал себя тем самым Максимом, но каким-то неполным — мысли возникали какие-то простенькие, двухмерные. Чувства упростились до ощущений. Никаких душевных волнений по поводу абстрактных понятий типа любви, преданности, ностальгии не возникало.

— А я — это действительно я? Или это моя душа?

— Ты — это ты. Твои мозг, тело и оцифрованная личность остались на земле. А ты умер, — объяснял Ешка, достал склянки и начал выливать тонкими струйками на Максима. — Неужели ты думаешь, что если сделать копию с человека, то после смерти он будет жить в своей копии? Сказки о вечной жизни для успокоения и мотивации живых. Живые для себя оставляют копии мертвых, чтобы верить, что можно сделать так, чтобы не умереть. А так не бывает. Все умирают.

Максим почувствовал облегчение и от полученных слез, и от обстоятельного разъяснения Ешки, и от того, что из лунок, в которые наливали содержимое баночек, появились маленькие зеленые ростки. Вместе с ними Максим ощутил в себе новые степени свободы. Не было еще ни зрения, ни слуха, но ощущения дуновения ветерка по ростку появились.

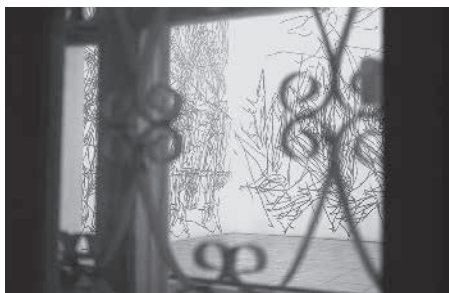
— Ешка, а ты кто? Мертвый или живой? — опять спросил мысленно Максим.

— Я просто передаю слезы тем, кому они очень нужны. — Ешка рассмеялся и дунул на росток. — Их хватит, чтобы здесь выросло много всего. Травы, деревья. Только ты мне тоже помогай, ладно?

В ответ на планете Максим впервые прозвучало эхо: «Ладно. Ладно. Ладно».

Татьяна Инструкция

Письмо, телесность, урбанизм

когда я вижу стихи,
в которых звучит такой разговорный
голос обыденности,
такой обезоруживающе
доверительный,
интимный,
будто автор берет тебя за руку
и, игнорируя все эти
поэтизмы,
всю эту работу с языком
и с наследием
мировой культуры,
мне хочется
прокомментировать так:

«пиши адрес,
я уже выезжаю,
я скоро буду»

если молельня мне — наковальня,
то молот мой — будуар,

между ними циркуляции,
их в журнальные публикации,

такая вот я поэтесса
из инерции экспресса,

балясинами коннотаций
разворачиваю пасти субстанций

сахар рассыпается, речь прерывается,
машина письма запускается,

периферийное актуализируется,
данное репроблематизируется,

пустое желание в пустыню гипертекста
забрасывается,
но и внутренняя интенция со счетов
не сбрасывается,

этический поворот усиливается,
но и консенсус его
каким-то макаром трансгрессируется,

змея, хватаящая себя за хвост,
рефлектируется,
и тут кольца Борромео актуализируются,

обнаружение приема в письмо внедряется,
всяким герменевтам шанса не оставляется,

исчерпанность сниженного стиля признается,
имплицитная элитарность его распознается,

до предела саморазоблачение письма
доводится,
но нигде этого предела не находится,

чувствую, что ритм провисает, но распад
формы
модернизм мне, вроде бы, разрешает,

жду, когда из захваченности конфигурацией
выпаду,
чтоб на саму себя полюбоваться на выходе

Проблематическая возрастная элегия

буду вам рассказывать
всякую
дэвидокопперфилдовскую муть

Так начинают,
лет в кому как повезет-сподобится,
от звезды рвутся в тьму прото звезды,

и тут объявляются непосредственно
эвфемизмы и переключивания,

вот она, мука вынесенного ведра,
возвращается архигубками,
вот они, анатомические различия,
подстерегают ошарашенно,
вот это все повторяется через секундочку,
когда я уже вооружилась участием,
победоносно интересуясь панакотой
и пастисом

Из цикла «Любовная лирика»

ты сказал, что это перебор
я принесла гитару, тренькнула
и ответила, что это вот перебор

а теперь я тебе на правую ногу
надену перчатку с левой руки

ты слушал рамштайн,
забивал в поиске «никтолай бердяев голый
онлайн»

душа не болела она умирала
я всё что ты пишешь прочитать успевала

Из цикла «Письмо, телесность, урбанизм»

хотя казалось бы,
но не биюсь клаустрофобически в тенденциях,
ибо экстатически сгораю в собственных
потенциях,

занимаю место силы и выползаю оттуда
в слюнях,

это разжижаются слова о границах,
все о границах слова разжижаются
и стекают и шипят на углях,

ну знаю что ждет доля в контрибуции
ну не миндальничала
ну два тела населяю короля
ну вот те на, вот те на

от мира фактов удушение
мне хочется остановить,
для усложнения момента
стихам бы время уделить,

люблю манерность поэтизма
и эллипсиса благодать,
в них есть дыхание прагматизма,
который хочется понять

именование вещи в сути
творится на моих глазах,
значенья слов подобны ртути
и я уже на небесах

Из цикла «Судьба Бытия»

Вещь несокрытая.

Небо дает вещам что-йность,
земля делает вещь на-стоящей

состоять из земли
и стоять на земле

Этот оглиненный центр наличия,
объект опустынивания,

в нем воля и ничто
поют Вещь,

сказать «вражда» — сказать «Бытие»,
гудящий эрайнис
в земле

предмет — конец Вещи,
в теле предмета живет Ничто,

«в теле унтерменша
живет мертвый голем»

Воля — со-держашее становления,
претворение хаоса
в Великий Полдень; скажи —
«в моей жизни
все наново вернется ко мне
бессчетно»,
здесь — посещенность
самым бездонным.

Высокая Баллада об опасности

вот Михаила Кузмина
читала я читала я

у которого лирическое переживание
создается вокруг фигуры умолчания

читала я
читала я

а ты сидела в чьей-то позе
и трек поставила тупой
и тут в моем вниманье строчкам
вдруг наступил какой-то сбой

я мыслить начала возмездье
я мыслить начала возмездье

но захрапела пред тобой

Реакционная лирика

приятненько быть декаденткой,
стихами гандлевского быть,
натужно смеющимся кем-то
на ком-нибудь взглядом застыть

как славно быть угнетенной,
на лестнице слыша шаги,
быть безнадежно спасенной,
целуясь шептать «подожди»

но выпасться перед встречей,
засунуть себя в пальто,
культуру нашу лелеять,
смотря на людей в метро

вы ходили пешком под стол
а я источала флюиды

вы сидели в библиотеках
а я источала флюиды

вы подошли к концу вы подошли к концу
мои дорогие

Баллада — 9

в.
как безнадежно отдыхаю,
но как достойно ем салат,
мне наплевать, я облетаю,
я падаю спиной назад,
но разве мне в былом блаженстве,
когда подросток лез из жил,
не было все равно, кто в детстве

меня касался и любил,
но эта легкость без названья
имела множество причин,
чтоб я в конце концов назвала
всех моих женщин и мужчин,
ну а потом меня лишь спросят
как вас зовут?
и как наркотики подбросят
и привлекут

Баллада — 14

когда авансы
и анти-обиды
обмыли

то я тебя потом вроде перебивала
и перебивала,
а ты заорал ну разве можно так мучить
интеллектуала,

тараща зренье на тебя
тут стала внутренне
обновлена

Социальная лирика — 1

где хватает на полразговорца,
там неймдроппинга крутятся кольца,

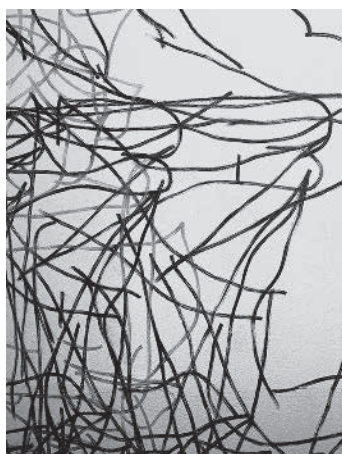
а у того, кто начеку,
есть неизменное ку-ку

Визуальная поэзия

пора
описывать
определенный
тут длинное слово
опыт

это только нос

Сергей Крюков

Прямой

Я говорил, мы еще встретимся. Пришло время рассказать историю Анжелы. Пока немногословный парень за стойкой ночного бара мешает для нас коктейли, а дождливое утро закрадывается в души убежденных пьяниц, я подарю молчаливой звезде лучшее из имен. Камнем лежит свет небесной скиталицы на сердце бродяги. Прямой Гарри, так прозвали меня друзья за откровенность и неуживчивый нрав, расскажет о блуждающих огнях, пропавшем зеркале и человеке, спавшем на бильярдном столе. А для начала послушайте, что произошло в Пауртауне в прошлую пятницу, тринадцатого июня.

Глава 1

**ВЕРХНИЙ ЯЩИК ПИСЬМЕННОГО
СТОЛА**

Семья доктора Бэзила — образец добропорядочности. А что до того, будто док меняет жен чаще, чем пациентов на операционном столе, — фантазия Магги Уолтер, хозяйки прачечной «Три спины». Каждый год на Рождество добрый костоправ, гроза весеннего насморка и лунной лихорадки, жертвует местной церкви тысячу долларов — на процветание угодного богу хозяйства преподобного Патрика Ли. Клянусь жареной индейкой,

денежки Бэзила не залеживаются! Сын китайского священника прокатил на папином кадиллаке не одну дюжину легкомысленных красоток и, как свидетельствуют завсегдатаи единственного в Пауртауне ресторанчика, ни в чем себе не отказывал. «Вознесем наши молитвы о спасении души закоренелого грешника, косноязычника и прелюбодея к всепрощающему и всемилостивому Господу благословенных небес, земли и прочих окраин вселенной», — причитает дядюшка Ли, в то время как неуправляемый отпрыск просаживает сотни зеленых в компании со своей неразлучной подругой Синди Блуд, более известной под именем Смертельная Скука. Но сколько стоит мир, столько не продержится у стойки даже любимый сыночек священника. Как много ни поставишь на честность бармена и совесть пьяницы, если завязал, считай, всегда останешься в выигрыше. Поэтому я доверяю звону монеты в церковной кружке, а в чей карман она попадает после службы, это дело уже другой епархии.

Есть время сажать преступников в тюрьму, а иногда приходит пора объявить амнистию. Когда же клиент торопится протянуть ноги, помешать сложно. С Костлявой договаривается док. Хотите записаться на прием? Я уступлю вам свою очередь. Слышите? Скрежет ключа в замке говорит о краткости свидания. Неблагодарные старики упекли праведника за решетку. Все смешалось в голове Бэзила: судебный приговор и медицинский диагноз, родственные связи и наследственные болезни, последние соболезнования и первая любовь — мелочи жизни, способные разбить сердце сентиментальной подруги, знаки судьбы, проявляющей благоволие к бездельникам, холодные волны чужого внимания, — короче говоря, сухими из воды выходят лишь на том свете. Проблемы гнездятся в головах умников, утоляющих естественное любопытство к собственной персоне изобретением ухищренных способов досадить окружающим. Доктор стал жертвой личного чувства обывательской доброты.

Когда осыпался цветочный дождь на центральном бульваре, я разговаривал с адвокатом Бэзила. Чарли Хаггинс кусал закопченную

трубку и заговорщически подмигивал жирным воробьям, пасущимся на асфальтовой лужайке. «Звание родственника обязывало устроить старикану сносную жизнь. Наследство — вот главная фишка, из-за денег и завертелась чертова карусель. — Хаггинс подтянул на тощих коленях брюки и вытащил трубку изо рта. — Никто не спешил сыграть в ящик и расстаться с сокровищами». «Эта история древнее обезьяны Дарвина. Мешок с костями, навязанный тебе от рождения, тяжелеет с каждым днем. — Я любовался сентябрьским облаком, плавающим в луже напротив. — Старый Джо приволакивался за сиделкой, а док все прихорашивания юной птички относил на свой счет». «Хочешь ласки, готовься к войне. Стоило переписать завещание на имя сестрички, как домочадцы словно с цепи сорвались. Решили, что Бэзил с ней заодно. Пациент на следующее утро отправился к праотцам, а добрый доктор угодил в полицейский участок. Старикашка упаковками глотал таблетки от импотенции — надеялся оттрахать перед смертью фею в белом халате, кормил ее сказками о райском уголке на берегу теплого моря. В один счастливый момент док застукал сладкую парочку. Разразилась гроза, герой романа, разлученный со своей фурией, загрустил, а бедные родственники так и не стали богатыми сиротами». «Однако же казна святого Патрика пополняется регулярно». «В том-то все и дело. Старый ловелас крутил девчонке мозги. Настоящее завещание хранилось у меня, в верхнем ящике письменного стола. Пожар поставил в деле точку. Молния, а может, неисправный камин... — Чарли оттер со лба дождевую каплю. — Сегодня Бэзил возвращается домой. Улик против него не нашлось, а любвеобильная сестричка раскаялась и решила заняться благотворительностью». «А как же гормональные препараты? Неужели дедушка травился напрасно?» «Обычные общеукрепляющие таблетки и безвредные витамины служили утешением тихому маразматiku. Пенсионеры устроили на кладбище митинг — требовали повторного вскрытия. А тут еще выясняется, что покойник в юности прослыл убежденным геронтофилом и немало потрудился на лю-

бовном фронте — скрашивал безмятежную старость некоторых состоятельных особ. Ковал звонкую монету орудием любви. Копил себе на золотую осень, и, естественно, старого извращенца потянуло на молоденьких, но наступил хеппи-энд».

Глава 2

ТРИ СПИНЫ

Грязное белье — отличный повод для семейного скандала. Большинство историй не обходится без одной, другой запачканной простыни. Многое остается за кадром, но только не по моей вине. Ближайшие несколько минут мы проведем в прачечной «Три спины». Магги Уолтер работает здесь недавно. После развода с Безмозглым Фрэнком она пустилась во все тяжкие, но об этом в следующий раз. Итак, лет десять назад в уютном подвальчике гостиницы «Достойная жизнь» появилось три стиральных автомата «Чистюля»...

Малыш Спенсер с юных лет зачитывался детективными романами, таскал из библиотеки кипами книги в ярких, лихо размалеванных обложках: приключения серийных убийц, записных маньяков и твердолобых полицейских — мечтал сочинить умопомрачительный бестселлер о похождениях неутомимого Спена, владельца частного сыскного агентства «Яблочко». Увлекательное чтение оставило неизгладимый след в буйной головке: пружина дедукции, раскрученная со страшной силой, разнесла в клочья прочие, не менее полезные извилины серого вещества. Вечерами сумасшедший Спенсер заносил в потрепанную тетрадь наблюдения — итоги бессмысленно проведенного дня. Книжный червь обитал в той самой прачечной, проклиная строптивую судьбу за свое глупое положение, но всегда с завидной аккуратностью выполнял нехитрые обязанности сторожа и оператора стиральных машин. Толстые домохозяйки жалели придурка: снабжали дешевыми брошюрками, изобилующими кровожадными сюжетами, читали вслух криминальную

хронику, с плохо скрываемым удовольствием честили весь белый свет, проклинали пьяных мужей и трезвых любовников, словом, утешали несчастного как могли. И продолжалось бы это до тех пор, пока какой-нибудь умник не изобрел бы одноразовые простынки и непорочное нижнее белье, обладающее неистребимой девственной чистотой, и наступил бы рай на земле, но затем и сочиняются бульварные книжонки, чтобы направить фантазию преступника по правильному следу. В один прекрасный день ступеньки лестницы, ведущей в подвальчик Спенсера, заскрипели как-то по-особому.

Будущий романист с ожесточением записывал в барабан «Чистюли» очередной ком хлопчатобумажного счастья. Рукопись валялась неподалеку, — ее разрозненные листы были украшены пачками стирального порошка, яблочными и карандашными огрызками и вездесущими сборничками отвратительшего чтива. «Верно говорила моя старуха: от своего дерьма не отмоешься, за чужое не берись». Гнусавый баритон незнакомца напомнил Спенсеру голос ведущего любимой радиопередачи «Под шумок». Долговязый тип в коротком замасленном пальто сдвинул на затылок пеструю ковбойскую шляпу. «Привет, Спенни! Кончай стирку! — гость сверкнул шотландским подкладом своей одежонки, и Спенсер разглядел на груди героя звезду шерифа. На указательном пальце прищельца вертелся массивный кольт. — Или ты не мужчина? Пора взяться за дело, черт побери!»

Белая луна сопровождала отважных путешников на пути к славе и бессмертию. Посетив неприглядное заведение «Сон в руку», они завалились в кабачок «Мятные поцелуи», поглазели на потные зады, еще хранящие воспоминания о дивных встречах и сладких разлуках и щедро оттраханные совсем незадолго до настоящего концерта, чуть-чуть потерлись у стойки голубого бара «Трогай» и прошвырнулись по упругому скрипучему шоссе, где закадрировали двух беспечных подруг. Новоиспеченный напарник показывал класс. Ближе к рассвету — фантастический сыр едва успел растаять в гуще утренней испарины — Спенсер порядком отстал от чест-

ной компании. Впереди заманчиво маячили три спины. «Не мешкай, приятель! — чудаков сложно вывести из себя. — Разуй глаза, Спенни!» Горе-беллетрист не слышал. Розовая линия восхода перерастала в извилистую ленту дорожного полотна, и неверный свет автомобильных фар, который не мог заметить спящий наблюдатель, то и дело упирался в одиноко стоящую фигуру и гулял вокруг, между тем механический шум, сопровождающий электрические блики, нарастал, а расстояние, разделяющее человека и машину, стремительно сокращалось. Казалось, что избитое утверждение о жизни, измеренной одним днем, вот-вот сбудется. Безумец приложился к бутылке, скатился на обочину и закрыл глаза. Рев железного коня сменился пением птиц, и когда Спенсер очнулся, то обнаружил, что находится на кладбище, среди цветов душистой сирени. Неподалеку, у раскопанной могилы, находились его ночные спутники. Долговязый шериф лежал ничком в крайне неудобной позе: тело блюстителя закона, безжалостно скрученное словно бельевая веревка, навсегда связало веселую троицу в одном предсмертном порыве, труп практически почти свалился в могилу, его удерживали компаньоны по несчастью. Лица они прятали в землю, прочее же разглядеть было невозможно: резвые колеса оставили здесь неизгладимый след.

Глава 3

МЕРТВЕЦ НА ВЕРЕВОЧНОЙ ЛЕСТНИЦЕ

Мир напоминает слоеный пирог, не правда ли? Возьмите человека: румяная кожа и жировые отложения, мясные наросты и легочные пузырьки, кровяные тельца и скопления солей, — куда ни плюнь, где ни копни, жизнь находит новые формы на любом, пусть даже непригодном для обитания, островке. Напрасно доверчивый обыватель, погрязший в дурацких мечтах о вечном наслаждении, ищет утешения в сравнении: банальная сентиментальность здесь мера всех мер и высший судья.

В деле искателей трупов мне пришлось сыграть роль громоотвода или приманки, если хотите. В то время как местные массовые демонстрации порядком опустевший грааль, паразиты тьмы собирали урожай каждый месяц, луна подавала им верный знак. Указатели на гиблых дорогах человеческой души говорят о возможности спасения, но, если вернуться к началу игры, команда будущих смертников обновится полностью. В день, неизвестно откуда и куда следовавший, потеряв счет звездам и времени, мы пересекли седьмой марсианский экватор на живом корабле профессора Парлуса. Города-близнецы — гигантские автонавигаторы — освещали серую бездну. Любопытные матросы один за другим пропадали в сиреновом окуляре библиотечной раковины и, выскакивая из электронного рукава квазилифта, замысловато перемигивались на лету. В одном из сверкающих дисков, кружащихся над умозрительным перекрестком древнего телепорта, мелькала красная мантия капитана. Воплотившись на уровне контактов в образе легендарного Охотника с Черствым Сердцем, я проглотил неизменную таблетку табачной слюны и на всякий случай записал формулу своей ДНК в памяти дежурного Традиционного Контроля. Многочисленные магниты, висящие в небе, поддерживали в состоянии покоя искусственную систему железной планеты. С неимоверным трудом преодолевая силы притяжения, бушевавшие меня со всех сторон, подобно доисторическим стервятникам, слетевшимся на падаль, я прорвался к перрону для органических существ и забронировался от неуправляемой стихии в первой подвернувшейся капсуле. Пульсирующие пузырьки дисплеев, тшечно пытавшиеся завязать со мной разговор на языке хамелеонов, транслировали ртутный ливень: скручиваясь вместе и равномерно разлетаясь, удобряя окружающее пространство семенами Меркурия, появлялись и пропадали металлические спирали, — как молнии, моментально расправляясь во всю ширину. Я опускался вниз по каньону, разделяющему левый и правый берег внутреннего города, ориентируясь на нагоняющие тоску

завывающие звуки, — марсиане проводили профилактическое сканирование планеты, и вся маломальская живность, оккупирующая шарик, собиралась в это время в большом зале Центральной Мыслящей Матрицы. В круговороте общего движения я тоже был уже не одинок: за мной увязалась целая стая аборигенов, — автококоны, облепившие индустриальные утесы, нехотя срывались со своих намагниченных гнезд, соревновались с переменным успехом в преследовании пассажирской капсулы и осыпали мою хрупкую скорлупку подозрительными дробинами неизвестного вещества. Рискуя быть раздавленным чудовищной силой собственного интеллекта, я катапультировался над районом элементарных механизмов.

«Профессор Парлус», зловеще мерцающий ложными иллюминаторами, лениво вращался в чужой атмосфере. О возвращении и драгоценном пайке — парочке спелых четвероногих мутантов, пойманных в одном из заповедных земных измерений и законсервированных мною лично, — думать было еще рано. Мемориал Погибших Героев, где наравне с заурядными могильщиками, искусными бальзамировщиками и заслуженными похоронными экспертами трудились и такие неутомимые искатели трупов, каким является ваш покорный слуга, не зря отправил в дальнюю дорогу Охотника с Черствым Сердцем. Однако работой не пахло: гладкая и беспросветная, как окно нашего катафалка, равнина простиралась до самого горизонта. Прodelав путь длиною в прыжок молодого кенгуру и никого не встретив, пожалев о роликовых коньках и школьном катке, который всегда обходил стороной, я растопил великолепную твердь карманным дезинтегратором и спустился в открывшуюся прорубь на аварийном крыле.

Знаменитый Эффект Веревоочной Лестницы используется сегодня повсюду. Тонкие мосты, связывающие заброшенные телепорты Видимого Космоса, уже не залатать. Ничтожной капли внимания достаточно для заправки организма, стартующего за Основной Добычей, которую еще никто не отменял, со скоростью света. Правда, доступ к таблице, копирующей векторы полетов, имеет не

каждый, но согласись, за нашими безмозглыми карапузами глаз да глаз нужен. В среде элементарных механизмов невозможно сосредоточиться: словно мифологическая обезьяна в процессе эволюции, я обрастал слоями их непрерывных превращений. Несмотря на то, что Ваш Охотник ни на секунду не забывал о своем долге и постоянно осматривал окрестности в поиске Погибших Героев с дьявольским вниманием, последнее убывало с фантастической быстротой, обратно пропорциональной скорости света. Меня спасла предусмотрительность — дежурная запись на посту Традиционного Контроля.

Глава 4

ПУТЕШЕСТВИЕ

Кающаяся грешница, отзывчивый бродяга и пламенный революционер встречаются после ночи, проведенной в кутузке, на борту белого сухогруза, вечно плывущего в Рио или Калькутту с охапкой сытых бездельников, бочкой гавайского рома и всеми останками; она втрескалась по уши в грязного юнгу, они загарпунили парочку обветренных временем дев. Компания в диком восторге, кругом беснуются неукротимые волны, горят последние мосты, ведущие в темное прошлое. И катиться бы им в этой чертовой табакерке в тартарары, как по маслу, но тут как тут возникает досадная особа — назойливая скрепка-шпилька, пропадавшая за книжкой, бледная поганка, отравившая сладкую жизнь любовников, белая ворона, прибитая громом и молнией. И перестали бы петь соловьи, но неприятно в океане тварям божьим, и пересохла бы у молодых глотки от лживых уверений и неприемлемых клятв, но обесценились слова бесправного человека и помнятся с трудом. Находится потерянный ключ и потайная каюта, жирная колода и закопченный фонарь, запасная коробка сигар и фляга с добрым вином, — оскорбленные естествоиспытатели уходят в подполье.

Если в руки мастера попал упрямый гвоздь, не удастся плотно и красиво при-

гнать крышку на гроб злополучного мертвеца, значит, ученый сосед пользуется дурной славой покойного. Как далеко ни отплывай, все равно правишь к берегу. В игре с шестью неизвестными родилась шайка отъявленных негодяев. Преданный делу матрос передал, что капитан присвоил редкий ископаемый пергамент с таинственными каракулями, якобы изображающими туземцев, повешенных на пальмах. На рассвете моряк подтвердил, что корабль действительно посещают тупоносые существа, и через них старый дьявол поддерживает связь с Дикой Землей. Выяснилась корыстная цель водного предприятия: преступная торговля, — все легкомысленные пассажиры рано или поздно оказывались в руках воинствующих мракобесов, приносящих кроваждному богу, обитающему на Дереве Тысячи Листьев, бесчисленные человеческие жертвы. Слезами хозяина пальмы, клейким вонючим веществом пропитывали Бешеную Лодку, в которой черные маги-укротители проходили пороги бурной небесной реки. Слава богу, еще не перевелись на свете отважные мореходы — герои, учредившие шайку, решили драться до последнего: избежать заклятия и вывести сатану на чистую воду — обезоружить команду и захватить корабль помог дух бунтаря-одиночки, выпущенный на свободу.

Назойливые мотыльки заградили горящую лампу читателя — чудовищные условности запеленали спящее сердце, и только истина находит подтверждение. Сильный съедает слабого. Земля предков связывает жатву и посев, древние обычаи мудрецов и неверных. Молчание главного пленника подстегивало нетерпеливых мятежников. Неожиданно обнаружили тело кока, синее от удушья. Днем раньше девушки, игравшие на верхней палубе в волейбол, заметили несколько серых невзрачных птиц, неподвижно парящих над сеткой. Тщетные попытки спугнуть крылатых бестий мячом закончились плачевно: солнечный удар настиг своенравных красавиц. Опомнившись, юные особы сошлись в одном: атаковавшие корабль вредные создания имели совершенно плоские головы. Многие пассажиры подверглись коварному внуше-

нию невидимых агрессоров; одни винили Неизвестного, единолично готовящего пищу для путешественников после самоубийства единственного повара, другие отравляли свой отдых неуместными рассказами о кошмарных видениях. Третьи победили числом: кратчайший путь к освобождению лежал через петлю.

Безвыходный лабиринт превратится в груды камней, и слепые черви найдут пропитание в разрушенном храме, вечнозеленая крона станет следующим основанием; и раскроется парашют над головой, но не окажется земли под ногами. Тайное течение, противное естественной гармонии, относилось терпящих бедствие к запретному берегу. Жажда новых открытий развязала капитану язык. В дальнейшем история пришельцев с гладкими лицами претерпела значительные изменения.

Глава 5

СУМЕРКИ

Один раздосадованный писака, случайно утопивший в чернилах трезвость, совесть и мудрость, остро нуждался в неопровержимых доказательствах доблестного существования неутомимых кудесников, исследовавших уникальный непроницаемый предмет, прибывший из глубин Серебряной планеты, составивших тщательный план Нерукотворной Усыпальницы, проливших розовый свет цивилизации на беспорядочные скопления людей-моллюсков и совершивших немало прочих достойных упоминания подвигов. Не теряя времени даром, пламенный неофит затопил дедушкин персональный камин своими трансцендентальными текстами, необъяснимыми и непредсказуемыми, как действия стопроцентного голема, и с изрядной быстротой погрузился в сумерки, — состояние, близкое медитации, благодаря которому с насиженного места снимается любая бессмертная душа и, подобно затейливой синусоиде, попеременно заглядывает то в рай, то в ад, нисколько не заботясь о скором и безболезненном возвращении

в бренное тело. Когда густые облака ментальных испарений достигли скромной обители недалекого предка, в камине раздался взрыв, и в сером фонтане бархатистой золы возник противоречивый господин, мутный и расплывчатый, как первое впечатление от увиденного под микроскопом, и в то же время заповедный и цельный, словно учение герметиков. «Друг, соль твоих сочинений выпала в... осадок, — пришелец порубил языки пламени серебряной тросточкой и уселся на рдеющие угли. — Незведанное скреблось в закрытые горницы и скрылось неприкаянным. Представители Безмятежной Империи Высших Кратеров, покоящихся в Безоблачной Гармонии Спящих Вулканов, используя семь скрытых во мраке цветов, характеризующих ничтожество плоти, воссоздали туманную картину глубокого унижения, преследовавшую свободное сознание на протяжении нашего контакта. Фальшивое солнце укрепились в доме Адама, чужестранные тени продлили ночь в опочивальне младшего брата; укрощенные огнем, невзвидя света, заблудились в хлеву; и скорбели живые в тяжелых доспехах, и ржавели мечи в тесных ножнах времени. — Ловко орудя в камине селенитовой тростью, словно садовой лопаткой, гость извлек на свет радужный камень и запустил сей огненный корень изумленному зрителю промеж глаз. — Смерть ведет тебя за руку, вырвись! Колодец тьмы, увенчанный кругом света, кажется единственным маяком; ... ничто не улетучится в трубу, пока жив тот, кто прячется в сумерках».

Глава 6

СМЕРТЬ ДЕДА МОРОЗА

Кто сказал, что дед Мороз умер? Я просто в отключке. В минувшее полнолуние в моем почтовом ящике оказался престранный буклет: безымянный автор незатейливым житейским языком излагал меры безопасности при контакте с «НЛО». Естественно, инструкции сразу нашлось место в мусорной корзине, среди прочей макулатуры. Немного

спустя, когда я путем нехитрой процедуры извлечения корня зловредности превращал капризных детей в жизнерадостных карапузов, вирусом гражданской обороны заразился компьютер, и я удосужился прочесть первый параграф документа:

«НЛО» — агрессоры. Защита при головокружении. Если рядом с вами оказался «НЛО», то немедленно присядьте на корточки, обхватите голову руками так, чтобы переплетенными пальцами тщательно закрыть затылок, и повалитесь на левый бок. Не шевелитесь, сконцентрируйте внимание на любом неодушевленном предмете, у вас еще есть шанс остаться незамеченным».

Истребив тарабарскую грамоту, я занялся рассылкой электронных поздравительных открыток. Однако я постоянно находился под опекой невидимых друзей, и продолжение само подвернулось под руки, напечатанное на серебряной бумаге, — в такую обычно заворачивают елочные шары или оклеивают трепетные сердца клонированных снегурочек, чересчур падких на сладкое:

«В случае, если угроза контакта становится очевидной и приглашения подняться на борт «НЛО» не в меру назойливы, запомните главное: нельзя проявлять любопытство...»

Когда улеглась метель, я вышел во двор покормить снеговиков. Распотрошенные контейнеры с мороженой рыбой, хаотически нагроможденные ледяные плиты, синие от холода гомункулы, впавшие в незапланированную спячку и предостерегающие надписи, выдавленные на сугробах, дополняли страшную картину:

«Нечаянные сообщники. Оставшись с агрессором один на один, не паникуйте. Порвите все связи с окружающим миром. Мысли действуют здесь как паутина. Любые чувства, эмоции, переживания окажутся легкой приманкой, которую вы готовите сами для себя. Пресекайте грубые манипуляции пришельцев в ноуменальной сфере. Помните: вами не могут управлять, они только контролируют мысли».

Несколько часов подряд я кружил над тайгой, сбросил на материк тюки с подарками

от Полярных Братьев. К сожалению, одна увесистая посылка угодила прямо на голографический проектор пришельцев, замаскированный в лесу, и, надо думать, я надолго лишился удовольствия наблюдать за безрассудными рокировками «селедочниц» и «пепельниц» всех мастей на черной скатерти зимнего неба. Посадив вертолет на полянке знакомого егеря, я решил прогуляться: срубить елочку поразлапистей, почитать звериные следы и заодно пораскинуть мозгами — меня смутили огненные письма, распоровшие небесный колапс:

«Что внутри, то и снаружи. Игнорируйте «НЛО». За щедрыми посулами — корыстные желания внедряться и владеть. Кивком головы усыпите бдительность пришельцев. Когда вас будут готовить, незаметно выйдите из тарелки».

Шел третий день рождественской ярмарки. Аэросани, проседавшие под тяжестью испорченных снеговиков, быстро опустели. Нападение пришельцев пришлось кстати: я давно собирался обновить парк своих биороботов. Закончив с покупками, я разговаривал с продавцом мороженого. Дочь торговца, молодой специалист по вечной мерзлоте изредка скрашивала мои беспросветные холостяцкие будни, и я жаждал увидеть Северное Сияние на вечеринке в честь закрытия Старого года. Прихватив коробку с пломбиром, я на всех парах помчался домой. Душу грело любовное письмо красавицы, переданное обязательным папашей. Не обращая внимания на толпы ревущих от восторга детей, осаждавших замок, ваш покорный слуга скрылся в неприступных хоромы, выпустив напоследок парочку сногшибательных фейерверков, и прыгнул в ванну со льдом, где сгорая от любопытства, заиндевелыми пальцами вскрыл заветный конверт:

«Надежное место. После встречи с «НЛО» избавьтесь от воспоминаний о контакте, иначе вас будут неотступно преследовать. Левитация, медитация и гипноз — вчерашний день; идите и уничтожьте корабль, он существует только в ваших фантазиях. Бодрствуйте и ждите сигнала к отправке в надежное место».

Что я сделал потом? Спустился в подвал и заморозил проклятых пришельцев. Убедитесь сами: безобразные твари хранятся в холодильнике, в противном случае незваные гости сгодились в пищу снеговикам. Мое положение тоже не сахар: я в полной отключке и жду сигнала. Сегодня у деда Мороза праздник: если до полуночи за мной не прилетят невидимые друзья, я еще увижу Северное Сияние.

Глава 7

ВОЙНА С ТРОЙНИКАМИ

Все началось с выступления Кламера на слете ловцов теней. Кому понравятся голые электроды в общественных местах и частных владениях, когда тройной слой протеиновой изоляции придется впору каждому! Короче, парни объявили подлунную станцию отдельной планетой и выбрали президентом комитета по сборке своего человека.

Покажите мне недомерков, верящих в небылицы о дружбе киберов и людей! Форменные твари, обжившие Территорию, стали единственным пристанищем вычислителей и главной приманкой для теней. Того и гляди, зазеваешься, и родного брата мобиля разберут на части за пару-тройку вакуумоустойчивых луноступов.

С тех пор как ослеп Золотой Глаз, дела системы пошли насмарку. Волнами ближайшей галактики накрыло персонал действующего реактора, быстро охладили камни в осиротевших телах, раз и навсегда перегорели лампы рассеянного и направленного света. Сателлит мы достраивали сами, без помощи кровососов из Центра.

Я родился в 791 году Священной Сборки на острове Манипуляторов среди элементов питания. На мой след вышел отряд гуманоидов, снабжающих рудники Центра своими несметными копиями и двойниками, и я запаса строительным протеином на всю оставшуюся вечность. Для посетивших этот долбаный шарик впервые объясняю, что пассажир астральной машины обязан обяза-

вестись личным отражением, иначе ваш добрый папочка останется без работы.

Один стакан виски в десяти барах не выпьешь. Приговоренный к короткому замыканию в Нераспечатанной Колоде, зарегистри-

рованный на плане Ржавых и Сырых под торговой маркой «Антиквариат Кламера», сражающийся под девизом: «Ни одной формы без содержимого!», — я завоевал доверие тройников. Аминь.

Алексей Лукьянов

Бабочка нервно вздрагивает

Знаю. Умею.
Не разучился.
Просто не хочу.
Тошнит.
Был. Участвовал.
Показывали.
Просто не хочу.
Есть. Платили.
Дома не храню.
Чернила кончились.
Ваше? Спасибо.
Вы молодец.
Очень интересно.
Поздравляю.
Непременно.
Удачи вам.
Будьте здоровы.

Гуляя с собакой по лесу,
глядя на застывшие заячьи следы,
думаешь: вот заяц,
маленькая, вечно прыгущая ушами тварь
с дрожащим хвостом,
с нервными губами под нервным носом,
в каком бесконечном ужасе
проживает он каждый свой день?
Ежесекундная готовность щемиться
куда глаза глядят,
а глядят они в разные стороны,
когти, клыки, клювы,
силки, капканы и ружья,
голод и холод,
жара и жажда.
Он не читает духоподъемной литературы,
не сочиняет любовной лирики,

не подпитывается эзотерическими текстами,
у него нет коучей, нет собутыльников,
нет психотерапевта, нет семьи,
вообще ни хера нет,
ради чего стоило бы вскочить ранним утром,
зычно крикнуть: «Эге-гей, твою мать!»,
и стрекануть через поле в чём мать родила
просто потому, что ты вчера крепко,
но без последствий
поддал
и переспал с офигительной заей
из бухгалтерии.
Только страх смерти,
чудовищная свистящая пустота,
которая стремится тебя всосать,
а ты бежишь, бежишь, бежишь...
а бежать некуда.

Весь день у ленты новостей
как в позе лотоса на берегу реки:
ждёшь, что вот-вот
поплывут мёртвые тела.
Или полетят головы.
Или обрушатся троны.
Но вместо этого
мирно пульсируют курсы валют.
Жизнь — твоя ли, чужая ли —
никогда не рушится вдруг.
Температура в котелке,
где ты варишься,
поднимается незаметно,
и ты точно не поймёшь,
что уже поздно.
Доу-Джонс,
ещё парочку пунктов!

Это не ураган начинается оттого,
что бабочка шевельнула крылом.
Это бабочка,
почувствовав одним лишь волоском
на своём насекомом теле

зародившуюся вдали бурю,
нервно вздрагивает.

Ты пытаешься
активно
и осознанно
проживать свою жизнь,
а в это время жизнь
меланхолично,
словно корова,
прожёвывает тебя.
В итоге от тебя
остаётся лепёшка.
Иногда она окаменевает,
и её устанавливают
на пьедестал.

Геннадию Каневскому

Уходишь утром с собакой в лес,
оставляешь дома мобильный
и часа два-три ходишь один,
потому что собаке ты, в общем, и не нужен,
потому что ты всего лишь якорь,
который не даст ей уйти в открытое море
леса.
Поэтому ты один,
идёшь,
слушаешь меланхолический
милицейский пересвист снегирей,
а сам испытываешь то чувство,
будто без тебя в мире всё изменилось.
Упала ли нейтронная бомба,
или прилетели инопланетяне,
или все заболели и умерли.
Идёшь
и в равной степени боишься этого,
и этого же страстно желаешь,
и от этого испытываешь ещё и стыд,
и радость,
что этим фантазиям не суждено сбыться.

За кромкой леса видны дымящие трубы.
 На горизонте краснеют крыши пятиэтажек.
 Блямкает карабином собака,
 которой ты совершенно безразличен,
 потому что она одна в этом лесу,
 волочит тебя по снежной целине,
 в тщетной надежде оборвать поводок
 и уйти в дрейф.
 Иногда лыжник,
 иногда скандинавские пенсионерки
 навстречу.
 Мир не исчез.
 Всё по-прежнему плохо.

Мой мальчик.
 Конечно, ты не мальчик уже.
 Когда тебе было восемнадцать
 и ты дрых посреди большой комнаты
 на неудобном,
 уже коротком для тебя диване
 с треснувшими ламелями,
 мама подняла твои джинсы с пола,
 чтобы повесить на вешалку-«слугу»,
 и оттуда вывалились презервативы.
 И я тогда пошутил,
 что пора покупать мотоцикл,
 хотя, в общем,
 нам с мамой было не до шуток:
 у тебя на носу был ЕГЭ,
 а ты со своей влюблённостью
 забил на всё
 и сдал всё много хуже, чем мог.
 И твоя избранница тоже.
 Мне жаловались твои репетиторы,
 что ты не приходишь на занятия
 и не выполняешь задания,
 и мы с мамой капали тебе на мозг,
 что ты просрёшь свою жизнь,
 как просрал свою я.
 Тогда ли мы тебя потеряли?
 Или задолго до этого,
 когда предложили
 работать в маминой школе
 преподавателем компьютерной графики,
 и ты честно оттарабанил там

пять лет,
 обучая фотошопу сначала малышей,
 а потом и ровесников?
 Или ещё раньше,
 когда, несмотря на твои слёзы,
 заставили ходить на секцию плавания,
 потому что нельзя бросать то,
 что начал,
 на полпути.
 И ты честно оттарабанил эту секцию.
 Мальчик мой,
 увидим ли мы тебя
 ещё раз?
 Сможешь ли ты простить нас?
 Сможешь ли не брать нас на излом,
 сообщая, как вы с друзьями
 тестировали разные виды
 психостимуляторов?
 Сможем ли мы
 заткнуть свои родительские амбиции
 и не говорить
 о твоих друзьях,
 закончивших институт,
 переживать,
 что ты не реализовал своих способностей,
 потому что это не наше дело.
 Сможем ли мы отпустить тебя
 от себя
 и не плакать, думая,
 что мы тебя потеряли,
 и до сих пор понятия не имеем,
 где именно,
 и мучительно
 кликаем тебя в социальной сети,
 но в ответ слышим
 лишь эхо,
 сухое и далёкое.
 Мальчик мой,
 которого я ни разу не обнял,
 и высшим проявлением
 отцовской любви
 считал
 отсутствие насилия в семье,
 смогу ли я,
 соберу ли когда-нибудь
 в щепотку всё своё мужество,
 чтобы хоть когда-нибудь тебя обнять?
 Захочешь ли ты этого?
 Поверишь ли в нас?

Найдёшь ли в себе силы
 полюбить нас
 настолько,
 чтобы кликать в социальной сети
 без повода,
 просто потому, что
 мы есть друг у друга.
 Если бы ты знал,
 как страшно писать
 эти строки,
 как страшно думать,
 что они не вызовут в тебе
 никакого отклика,
 кроме глухого раздражения
 и досады,
 и заставят отдалиться
 сильнее, чем уже есть.
 Мальчик мой.
 Я тебя никогда так не называл,
 я только требовал от тебя
 не профукать данные природой
 способности
 (хотя подразумевал,
 конечно, —
 не подвести нас).
 Мы думали, что если
 инструктор по маскировке —
 настоящая сволочь,
 то у бойца будет больше шансов
 выжить в реальном бою.
 А жизнь — не бой,
 это хаос,
 в котором мы и сами
 не знаем
 как жить.
 Не научились.
 И не дали тебе
 ни комнаты,
 ни личного пространства,
 ни красивых вещей,
 ни дней рождения.
 Да, есть дети,
 которым приходилось хуже.
 Но они чужие,
 а ты — наш,
 но такой недосягаемый,
 выставший,
 обиженный.
 И у тебя есть право обижаться,

мой светозарный мальчик,
 которому приходилось сражаться
 с Бармаглотом
 вместо пырания с шорьками
 и хрюкотания с мюмзиками.
 Может, я и есть Бармаглот?
 Чудовищный гордец,
 который хвастался,
 что его сын работает с тринадцати лет,
 махается один против пяти одноклассников,
 не пьёт,
 не курит,
 не матерится,
 хорошо учится,
 и так невероятно красив...
 Что я сделал с тобой?
 Как это исправить?
 Или точка невозврата
 уже пройдена
 и ничего не поправить?
 Мой мальчик,
 мы так по тебе скучаем.
 Так скучаем...

Надо как-то подгадать,
 улучшить время, когда жены не будет дома,
 и выбросить авторские экземпляры
 публикаций в толстых журналах.
 Половину книг на полках, которые
 больше никогда не будем читать:
 русскую фантастику,
 непонятный том с надписью на корешке
 «Эстетика»,
 подаренные книги,
 которые отказались брать в дар
 даже библиотеки.
 Том Карамзина,
 кирпич о французской литературе
 восемнадцатого века,
 чудовищный кирпич
 «Энциклопедия русской мудрости»,
 опять русская фантастика,
 на кой мне было покупать
 столько русской фантастики?
 Или половина мне просто подарена?

И посуду. Нахера нам столько посуды?
В нашем доме так редко бывают гости,
у нас лет двадцать не было шумных

застой,

на кой нам столько посуды?
Зачем нам все эти вещи?
Разумеется, я не посмею.
Пусть она и не заметит сразу,
что пропали старые тарелки,
хрустальные селедочницы, салатницы

и прочие

неведомые братины,
пусть не сразу обратит внимание,
что пропали изношенные простыни,
старые детские вещи,
изодранная бабушкина шаль,
и ещё несколько сотен наименований,
но когда-нибудь
всё равно заметит.
Кому-нибудь понадобится
Чаадаев
(хотя кому в здравом уме и доброй памяти
может понадобиться Чаадаев?),

или в контактике кинут клич погорельцы,
которым нужна посуда,
или ещё что-нибудь
всколыхнёт океан памяти,
и могучее цунами
«Ты помнишь, у нас книга была,
«Мир философии», синяя такая,
где она?»
Вот тут-то всё и выплывет наружу.
Нет, ничего я, конечно, не выкину.
Ну, разве что авторские экземпляры
публикаций в толстых журналах.
И русскую фантастику.

И последнее,
что ты услышишь,
будет:
— Этого
недостаточно.

Или топай, или верь

Эта строка Деборы Гринберг выбрана в качестве названия предлагаемой подборки текстов трех юных пермских девушек-поэтов, самая старшая из которых заканчивает университет, а младшая еще учится в школе. И, как нам кажется, эта цитата достаточно метко характеризует ситуацию, в которой оказываются начинающий автор и взыскательный читатель в момент своего знакомства. Поэт вместе со своими текстами предлагает аудитории целый мир, создателем и хранителем которого он является, свою систему ценностей, мыслей, образов, ассоциаций. А читателю остаётся либо поверить эстетической интуиции молодого автора, принять этот новый мир как есть, погрузиться в его смыслы и ценности, либо недоверчиво пожать плечами и пойти прочь.

Яна Полевич

«Апрель»

Пахнет первым апрельским дождём — так
весна,
Безвозвратно летящая мимо,
На глазах рассыпается в серый песок,
В то, что было когда-то любимо,

Так седой человек начинает отсчёт,
Завещая свой труп барахолкам,
В этих долгих и тихих бессонных ночах
Собирая себя по осколкам.

Остаётся быть пылью в шершавости стен
Или выйти в итоге на площадь,
На истёртый десятками тысяч сапог
Тротуар, что все хляби полощут,
Априори придя умирать напоказ
Перед взглядом потухшего неба,

И упасть полумёртвым в свой новый покой,
И стать тем, кем пока ещё не был.

Передайте привет почерневшим снегам
И сетям мутных труб водостоков,
Всё равно мои письма дойдут не до всех:
Расплывутся слова у истоков,
А пока между мной и разбитой стеной
Да пустым шоссе в горьких ухабах
Нет весомых различий. Я, в общем-то, сам
Одинок в планетарных масштабах.

Дебора Гринберг

*

Раз два три — заледенело
Нежно острое плечо,
Очертили тело мелом;
Дай попробовать еще,
Дай уснуть, обнять руками
Подсознательный привет,
За цветастыми носками
Ни ума, ни тела нет,
Только белый, только — сколько?
Закукует, засвистит,
Заотплясывает польку,
Станет медленно грести
Белоснежное «прости».

Вечер — мутный и пушистый,
Я — аппендикс панк-культуры.
В голове моей нечистой
Диких мыслей круговерть.
Я качаюсь на качели,
Серый бред — архитектура,
Это сталин-боттичелли,
Время, брежнев и хрущёв.

Ночь все щерится и злится,
Нападает, зубоскалит,
Как огромная тигрица,
Лезет к богу на плечо
И впивается когтями:
Вот царапин вереница.
Одеяло перетянет
И потребует ещё.

Снег почти уже подходит,
Греют нас хрущёв и сталин,
Что застыл ты на проходе?

Или топай, или верь.

Мои спутники в эти солнечные часы —
Легкое чувство голода и том Пастернака.
Груз несделанного задания
И нервически сохнувшие глаза.
И я ступаю спокойно,
Шурша октябрьскими дворами,
И я вижу,
И во мне просыпается
Буквальное изящество акына.
И сухая, добродушно сухая бабушка кормит
голубей,
И ребенок проезжает на самокате, скрипя
колесами,

И я
Улыбаюсь.
Я кое-что поняла,
Кое-что поняла,
Но оставлю это в секрете.
Я оставлю это, как шерстяные колготки
под джинсами в минус тридцать,
Как линзы на покрасневших глазах.
Я пронесу это через крики детей
(или пленников старшего школьного),
Пронесу через иллюзию равнодушия
И показное участие.
И только шершавые
Октябрьские лучи
Будут знать.

ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ СТАРШИЙ

Смотришь с Вавилонской башни
Блочной девятиэтажки:
Век прошел, как день вчерашний.
Время выгнется дугой,
Разольется в шумном беге
И очутится на берегу
Сонной Шельды Питер Брейгель,
Дальнозоркий и седой.

Эй вы, нищие, калеки
И другие человеки!
Пусть следы на первом снеге
Заплетаются, как речь
Распоследнего пьянчуги.
Встанем кругом, сцепим руки,
Не до драки нынче, други:
На холсты б мазками лечь.

Эй, уродцы, голодранцы,
И голландцы, и фламандцы!
Тут такое дело, братцы:
Вечность требует страстей.
Суетливо, кучно, плотно —
Попадайте на полотна.
Мальчик, женщина и плотник
Тоже будут на холсте.

Воры, бюргеры и дуры,
Псы, коровы, овцы, куры,
Попадайте на гравюры,
Вы, людской, звериный род!
Вам на этой карусели
Что страданье, что веселье.
Что в России, что в Брюсселе —
Снег лежит один и тот.

Ад в разрезе пишет Босх.
Брейгель кисть берет, как посох.
Вот колеса у повозок,
Как разрезанный лимон.
И деревья тянут к свету

Капилляры тонких веток
И дороги всего света
Убегают в Вавилон...

День морозен или жарок,
И в тени кирпичных арок
Каждый и смешон, и жалок,
Каждый прав и всех правей.
Видно, жизнь не бережёт их:
Руки — жёлты, лица — жёлты.
Головой качает Джотто
В флорентийской синеве.

Здесь крестьяне ли, волхвы ли,
Побросав дары и вилы,
Навсегда теперь застыли.
Наклонившись над холстом,
При свече, в бессмертном бденье
Брейгель бредит: берег белый,
И Икар, и каравеллы...
И карман — опять пустой.

Нырнуть в прокиший город — и с концами.
Коты орут дурными голосами.
Пусть ноги ямб выстукивают сами,
Пока идешь пешком.
Слетает штукатурка, лица дряхнут.
В себя случайно рухнув, охни, ахни:
Листом смородиновым память пахнет
И — молоком.

То обух-память врежет по затылку,
То выскользнет предательским обмылком...
Закупорить себя, словно бутылку,
И бросить вон!
Болтаться так, как рыбка в маринаде,
Без дна и берегов, чего-то ради,
Как поплавок — плевков на водной глади
Под дланями Его.

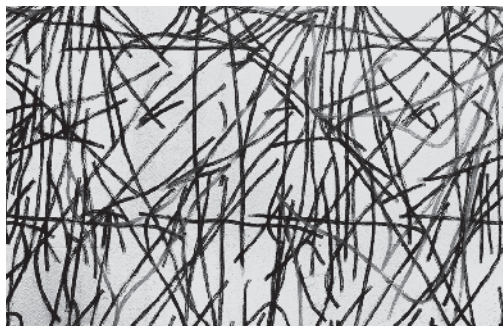
На ухо шепчет замшевое время,
Замшелое и властное над всеми:
«Покуда петушок не клюнет в темя,

Правь лёжа на боку».
Вертеть бы время на местах причинных!
Но догорит последняя лучина,
И небо вдруг покажется с овчину.
Еще строку...

И в мире разобщенном, нищем, сонном,
Сорвавшись с кровли, капля удивленно
Вдруг отразила, как глаза Мадонны,
Людей и облака.
Дышать легко! Трудись, тяни же лямку,
Как сани по сугробам тянут лайки.
Жизнь отчего-то коротка, как хайку.
Три строчки — и пока.

Владимир Бекমেетьев

РАНДАТ

Акробатическая радиофеерия

«Рандат» — это радиопозитическая феерия в II действиях [80 мин.], пьеса-путешествие: главная героиня Анна на поезде возвращается из столичного города в родной. О чем только не говорят в дороге на дальние расстояния случайные попутчики? Чего не вспомнят? Анна переживает недавнюю смерть отца, бережит родовые раны, вспоминает непростые отношения с матерью, мысленно обращается к другу и ангелу-хранителю. Размышления героини перебивают посторонние шумы и звуки, навязанные разговоры, телефонные звонки — чужая речь пронизывает все слуховое поле, из которого никуда не деться. На фоне острых расстройств на полпути Анна раздваивается как языковая личность, недуг известный как афазия — распад речи. Но при всем желании постановочности это театр частной речи, приватной, документальной (осторожно, ваша речь записывается!), сокровенной. Желание вслушаться в разрыв между речью индивидуальной и коллективной, внешней и внутренней, естественной и техногенной. Проект «Рандат» был реализован в рамках арт-резиденции в музее-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и другие» в городе Коломна Московской области в 2019 году. Представленный как аудиоинсталляция в одной из комнат музея, комнате «Пионерки», наполненной артефактами быта коммунальной эпохи СССР 20 века. Одна из главных причин появления инсталляции в форме радиопостановки в данной комнате — это необходимость захвата умолкнувших предметов — примет медиаистории: стационарного телефона, лампового телевизора, пишущей машинки. Компрессированные места ожидания смещают место вживания: вокзалы, полустанки, рынки — раскалывают хрупкий и застенчивый частный мир комнаты — внутреннюю географию стеклянного шара («застывшая картина в дымном стеклянном шаре» распадается, «стекло чуланного аквариума» лопается).

«Рандат» — это искаженный акробатический термин, означающий прыжок с поворотом на 180°. Для авторов же «рандат» — это когда динамик шипит вместо того, чтобы объявлять остановки, когда чужие секреты узнаешь, не прислушиваясь, это крепкое диалектное словцо, ловко вброшенное в диалог, это чудная речь. Тело пьесы — звук, расходящиеся потоки, колебания, искажения. Герои пьесы — оборотни: универсальны и уникальны одновременно, безлики, но характерны: вор, начальник, гость, старый художник, мать. И каждый настроен на свою волну?

Проект был исполнен группой независимых чтецов: Денис Быков, Александра Комадей, Саша Белов, Владимир Бекметьев, Олег Лишанский, Людмила Бекметьева.

Ссылка на аудиовersion: https://vk.com/wall-24164044_182

Александра Комадей, Владимир Бекметьев

Действующие Инстанции:

Диктор (захват персональных промежутков) = **радиоточка**, сбивчивый голос ≈ **Ангел анна** (девушка неопределенного возгласа) + **Ан 1** + **Ан 2**
Гость ≈ **Циркуль** (подросток 16–17 лет?) ≈ **Ангел**
Старый Художник (по существу Контролер)
Начальник
Вор
Мать Анны
Люди 1 & Люди 2
Глухонемая & Глухонемой

ПРОЛОГ. НАСТРОЙКА.

Место действия: Школа.

Цокольные аппетиты; великосветский терем в нос выюжит утратой: пионы и звёзды, пришитые к панцирю люстры лобзаньем оптической мозоли. Бродяжка с вышшем, до того под кустом, под тумачами отказали ноги на вокзальной площади. Собаки брехают [паленый душок под водородом: облака заводят интегральный статус как собак; с отравой мешкают; несут корыто] треугольником за палитрой правительственного ограждения (каков цвет — (?) — не вышлоило).

Не вышлоило ароматизированный пластик 90-х и снег в палитре школьного подворья. Снег выкрашен, снег пахнет. После собачей бойни остаются следы. «Я! Так не могу...»

Необходим щуп старого художника, учителя рисования [меняю пол с женского на мужеский, правда, и стрижка у Тамары Владимировны была короткая, пиджак скулил в катышках, много курила, с энтузиазмом — нечтимые лозунги зверинца на стенах: ул.звёринская или зверинская? — анималистическая пантомима — её жестов — говорили, талантива — но откуда, зачем в этом случае выпихнули, турнули, да — и! здесь невезуха, конечно, взрослые, предостерегают — резко выдернула одного из партийного ограждения: дерево всё в рисовке, как и пацан — смех в потолок, а надо — смех в точку, дробь; взрослые жаловались, писали заявления, а толку — человек талантливый!] — отчество усаживается в первые ряды. Владимирович.

Заики-уроки. Расходимся. Дышим. Учитель рисования (и черчения) запивает тройной одеколон ключевой водой. Пристёгнутые шеи; шея-к-шее кратнo 1/10 метра, терзаемся в щочки, сшиваемся деснами ударением чернил (зуб назук язык Б ез — наждачка) — нижняя часть полотна, щедроты разбавленной акварели, прищур — порцеватые лица

в раструб ватмановского листа. Всё же надо увидеть, и учителя: (обязательно!) оттолкнут, он, покачнувшись, упадёт — очки в дым, лопнет растянутый пластырь-крученное поколение *visiolенты* — дужка очков, завещанная голове, рассорив стеклянное скопище наблюдательных речевок, заперев достаток слов в створцы, — часть верхняя «Расходимся». «Ставим на иждивенца?». Но они ещё лежали. Прямо на снегу, свернувшись кольцом, и под ними протавили лунки 60–85 см в поперечнике. «Зубы бы вынуть и снова вставить, они все порато шевелятся». Зубы точатся, не каясь, не — в касание, и отдаляющиеся крики подталкивают красную икоту.

Мои легкоатлетические упражнения тех дней — Осенью — одиноки, чуть прищипорены — когда чёрный моток до-рожек плавится без человеческих насадок. Искл. Сезонное: «Сука, обогнал». Бью, бью стержнем от шариковой ручки, янтарной. Зарастём.

Несдержанный отрок среди детских пощадок: «Ну чо, сука, ещё! — раз! — так! — сделаешь?!» Мордой в заспанный снег на жухлом матрасе рас-травия, распираторный холост злак. Уже и же мальчик — животному. Морда (собаки-кошки-хорька: без различия сам в тую противоречий мяса) выражает широкую гамму чувств, от глубокой печали до самой божественной любви, от комического впечатления серьезности до самой крайней живости. Собаки любят детей и всё им прощают. Могут терпеть от них всё что угодно и играть с детьми целыми часами, несмотря на свой, иногда солидный, возраст. Джерри и Ла-Дикс; Вирт и Мирт — «точить ножи».

Но дети боятся собак. Собаки любят часами. А мы? Собацьи бои в шипучем оскале: выпьем пасти крепко, пойдём забивать болячку, огибать кровь атлетику малых водоёмов: в льдатых трещинах зарделась кустистая пряжа; наиболее чувствительные части тела — нос и губы — припечатались, вплелись в марганцевую шнуровку.

анна: А руку всё же взяла его, обвязала (обязаловка от психоты) шерстяной нитью, прошла красной ручным петельным швом или на машинке «зиг-заг». Наметила тонким кусочком мыла или ниткой припуск, сплунула — слышу: шелестит сонный сверчок нитей, отбрыкивая чётную-нечётную: chok-nichok. Считалочка-заговор. Чтобы зубы не болели. А снилось, что вышиваю полотенца, по — ним — просто — красные кружева. Естественно, не без изыска. Прикрыть тело в синяках, окна в студень. Но потом — бац! Весь сон заволокло, лишь когда вспороти ножом зверю брюхо, оттуда выполз он и выполз. Туман.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Рабочее место: Вокзал.

Начнём с рабочего места. Стул или кресло с твёрдым или полумягким сиденьем и прямой спинкой (важно для правильной позы и кровообращения). Желательно, чтобы свет падал на руки, слева сверху и чуть сзади. При этом следует избегать слишком яркого освещения. Ноги во время вязания должны быть расположены так, чтобы колени были слегка приподняты над сиденьем, поэтому если стул или кресло не очень низкие, подставьте под ступни ног скамеечку. Это делается для улучшения оттока крови и лимфы из нижних конечностей. В соответствии с принятыми у нас законами оптимальное положение верхних конечностей следующее: локти прижаты сбоку к туловищу (относительный упор — меньше утомление), а движутся в основном кисти рук.

Но оказавшись в повзрослевшем помещении, видим, что чёрные вокзальные стулья зачерствели неспроста, стулья в излишек белый — редкость, встречается спинка-решето, заводящее девичий палец в окружение, движение обводное, пока кровь не выступит.

анна (слизывает с деформированного ногтя кровь — м-м!): Талант, когда тревога щиплет, могильный казачок. Три щеночка вытанцовывают перфорацию. Раз-два-три (водит по кругу пальцем, смотрит в окно).

Старый художник (Е2 услышав девичью речь, вываливается из-под храпа): Если серьезно, для «таланта» (если уж так пошло!) — умения вовремя засыпать на 5 минут вперёд и просыпаться

на 5 минут назад) — нужен длительный пошив, хаотично или институционально — не важно, письма в лацканах пиджака, следы от жирных, душных объятий критиков, какое бы ни было зрение (не -10). *(Сморкается.)* О(т)печатки от жирных лацканов пиджака на неприступных, нет, на наивных письмах издателям.

анна — тонкопалый суслик — перебирает sim-карты, как затёртые чётки (вытаивая из холщовой сумочки) белые, с сорванными схемами, протыкает в слабом месте шилом. Нанизывает на (прохудившийся меланж) провод, стряхивающий изоляцию. Ухмыляется. Пальцы становятся длиннее, подпитываясь тенью, — ведь так светло — от покаянного плутовства городов. Натянутые перемычки фаланг — как тенты на родном китайско-корейском рынке в У. Застывшая картина в дымном стеклянном шаре: тент торговцев фруктами пробит булыжниками, свежие овощи залиты булыжной кашей, кашлем. Трое на дороге. Передвижной театр. Двое догоняют одного. Падают на дорогу. После падения: очнулись. Неприятель-Неприятель-Наблюдатель: заливаем, замыкаем глазок кровью же. А нечего! Закрасить дверной глазок чёрной напольной краской (технически репродуцированные времена-завитушки от чернил до маркера) — неловкий приём трусливого домовника, глаз запеленговали. Наточенная отвёртка в прихожей, на видном месте. В рюкзаке. Загляни — обнаружат. Но был понт. Пальцы в длину — забыты в сукне рыхлого сугроба — выюк, ранец открыт, рюкзак ранен (говорит анна — подхватывая консонанс).

анна: Быть человеком, животным или безлимитной картой?! *(Вспоминает.)* Но Вы оперируете устаревшим коньком таланта, вы случаем не хирург?

Старый художник *(резко опрокидывает резную фляжку):* Талант... Прекрасно, ну, а каким словом заменить?

анна: ДАР БОЖИЙ!

Старый художник: Пишите стихи...

анна: Все пишут.

Старый художник: Прочтите что-нибудь. Что-нибудь фальшивое.

анна: Это в манере художников — порождение фальшивок, прелюбодействование. Поэтому они так падки на молоденьких. Вос-про-изведение.

Старый художник *(из кармана торчит старый радиоприёмник):* Ш-ш-ш. Но всё же.

анна *(достает скомканный листок, попутно меняет слова в стихотворении):*

Уже спускался жёлтый лист,
И водостоки с ржой ломили тишину.
Как сну тугие обода. Покой бессменный
Потной мухой минировал конвой стола.
Портвейн? Сиропная огонь-вода?
Подстерегают. Гнилость в бочках:
Сорвётся сольдо яблок, ломти яда
(Уксус) скрасят почву.
Продлён? А действительно —
Продлёнка.
И волосы твои обвили сбереженья.

Старый художник *(по существу Контролёр, достает из кармана радиоприёмник, множество кнопок, шкал):* Я слышу лишь помехи, поломки. Разве не механика? Пойдите! Абонемент?! Билет?! Сейчас с билетами напряжёнка. Всё фальшивое.

анна *(плачет):* Я черна и прекрасна. Я рада Вашему признанию. Нет, но скажите: человек потерял дар речи — не из-за любви — предположим — именно дар про-бормотал и знаешь! Вы. Они стали. Вы же: тра Вы, небо и деревья, а были такие ^{низкие!!!} есть зуб мудрости, предположим, каждый зуб лишает нас ума.

Гость *(сумрачный, шипящий голос с потолка):* Сестра, сестра, ветви.

Старый художник *(откинув голову в экстазе, тяжело дышит, держит руку у носа, вот-вот пойдёт кровь, шмыгает):*

Есть, несомненно, странные слова,
Не измышленья это и не бредни.
Мне делается холодно, едва
Услышу слово я «Последний».
Последний час. Какой огромный сад!
Последний вечер. О, какое пламя!
Как тополя зловеще шелестят
Прозрачно — черными ветвями...

анна *(смотрит с ужасом на Художника):* Черви? Прозрачно — черными червями?

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Диктор: Экспресс движется тишайше, сравнимо с игольчатой личинкой в свеще. Карликовые кроны образуют нечаянно новый небосвод, без звезд (сплевывающий далече зарю), но ветряной, опасный — смерш.

анна: Коррозия червотичны милые лбы. Девочка, лежавшая на путях. Пни её, выше изгиб. Я ехала на собаках, ехала на собаках, ехала на собаках, ехала на собаках, ехала на собаках (5 раз). Скользящий армяк — промежутки.

Люди 1: Что с Вами? Мы сейчас.

Люди 2: Мы сейчас — бросков, а вы и, правда...

Люди 1: А и, правда — ничего!

Люди 2 *(неподалеку прерывисто дышит мех аккордеона или гармоники):* И люди устают! А девушка после родов, пожалуй.

анна: Нет, не я, но мать. Откройте калитку, ну пробуйте, со всей силы, а потом — по камешкам, по камешкам. Да, обойдите. А я напрямую. Колоколом смолоду лёд, дело удалое — да на работу не берут. Пособи-е-те. «Чтобы и музы не молчали».

Диктор:

П-мехи

Анна: Колна размежных волос:

- а) парная кровь
- б) алчущие паразиты
- с) отсутствие подушки

abc: комплект

анна: Кора, мыслящая в подоле. Что? Кто? О, горе, горе с липовым прикусом. Ох, отпотело.

Вор (*подсаживаясь ближе, прощупывая мех аккордеона или гармоники*): Садки на бриллиант — рука... до рога я! И прочия насилия... (*с сожалением хмыкает*) случается. Было шито-крыто. Деньги — в зонтике; рыжѐ — в кипящем кофейнике; драг.камни — в стручках красного перца, острого.

Начальник (*Опытная нога с верхней полки, суточно*): Эйль, ты. Совещаме на вхд! Пауза/ Отделение. Извиняюсь, глумѐжка во сне сильная. Отде ле...

Вор: Спите, начальник, ст. Юность не скоро.

Гость: Юность это когда, сколько? Аппарат? (*Задумавшись в дымное, высокое окно: плещется вентилятор, лопасти чёрные, в 23:00 делают десяток оборотов, перерыв, в помещение сходит шлак-пыль*). Когда снег окончательно? Ляжет. Нам бы — легче. А ребята бы лепили снежных болванов и, играя в войну, рубили их палками, как саблями.

анна: Возможно, снег окончательно ляжет на 10-ое, однако быстро растает.

Гость: Почему тогда окончательно?

анна: Мы будем-буди в поезде и разомкнемся.

Вот! Станция!

Анна (*голоса перемешиваются*):
Карусель, караул,
каравай.
Ангел подошёл
ко мне с зажженной
спичкой и сказал:
«Эмоции пре вы-
шают амбиции»,
в этом городе. Он же
сказал мне: «На стул
не садись. По мнишь

Гость (*голоса перемешиваются*):

Он сказал мне (**Ан-
гел**) «Ты это запом-
ни, степни белые. Но
поспорим, что стена-
ния не имеют цвета.
Но присаживаются

Радио (*Сбивчивый голос Диктора*):
Ст.Осень. Но вы наблюдаете ломбард
«Рысь»

Радио (*сбивчивый голос Диктора*): Стан-
ция: Похоронное агентство «Каменный
цветок».

Мы будем-буди в поезде и разомкнемся.

Робость перрона. Снег осыпал обледеневшие игрушки в титульных, пастушьих аквариумах. Звери озадаченно, ожидаемо в загоне. Зверь-воевода, уменьшен, до ноготка, нашептывает. Виды стекла: каленое, кавалерийское. Каленое, кавалерийское, каленое ка-ва-лер-р-а́.

Гость: В вагоне? Стекло желал, жевал.

анна (*возбужденно*): Их лапали, без руковищ. Да и у меня их не было. И шапки.

Гость: Как же ты?

анна: Обитала: тёплая труба у Гостиного. Боже ж ты мой, какое мне задалось житьё! На кой мне этот союз (проф., лит., сем., яз., а res > t). Ты — прохлада дома, повтори за мной, а я в союзе, да на диком острове, на песках...

Гость: Ты — прохлада дома, а я в союзе да на диком острове, на песках... С утра бутылка портвейна, тебе его хватает на весь день, выпил-закурил, приходишь на Малый, включаешь телевайзер.

Анна: Нет, этого не было, спокойствия рыхлых кресел. Но то ли бы ли ангелы? О, как измена одной буквы — ангелы на аггелы — окрашивает светозор в бурю. Сентябрь закончился, грустный Анненский. Когда?

Гость: Понедельник. (*Отворачивается от лица Анны.*) Но мне, конечно, нужна была — подстраховка, культурный слой — метр. Запонки земли: носил в кармане чёрную гирю с привинчивающейся подставкой, догадались, спиленный клотик (от нидерл. klood — шар, набалдашник), внутри — грунт. Свят, свят. Думал для удали, но треснула шина — моторная речь, остановки необходимы: смотреть, как шуршит черная болонь луж. Остановка. На карусели — заземлиться.

Радиоточка:

Солнце за гарью тумана

Жёлто, как вставший больной...

Люди 1: О, Радио: Волков-строй, значит. Они всё уже повырубали, скоро к нам двинутся.

Вор (*переключает приемник, подпевает*): «Исчезли чистые воры, игры не стало в царь-горы».

Старый художник: Гребёнка в сыскных волосах запуталась, точно? Ты видел-вели? Эти портреты. Отвоюем дочурке слезливост диктанта?

Начальник: Отделение, отделение. Бабы, да, само собой. Ох, в юность мою. Отделения (*Циркулю.*) Тебе 16, водку пил уже? Баб — угол, усёк?

Циркуль: Усёк.

Начальник: Ехал с 2-мя в плацкарте, одна и тягает меня за ногу. В отделении. Учишься на кого?

Циркуль: На сварщика.

Начальник: В карты значит — свара, знаешь игру? Усёк, значит. 18 лет в отделении. Таких как ты — всю жизнь. Понял или я убью или меня убьют. И тебя убьют.

Вор (*достает бутылку, стакан, протирает рукавом глаза, швыряет гармонику*): Ээ, волну бе-ать не надо! Я гармонист первой категории. Сингапур тарам-буры. А — этто? Вся дырявый. Возьму и пропью, пропью иль в окно, в снег. Порррвууу. У меня их 3. Они же мрут и дают. Мрут и дают. А чо бы нет? (*Опрокидывает ещё стакан.*) Тарам-буры.

Циркуль (*с верхней полки*): Дядя, пить прекращай уже.

Вор (*смеясь*): А ты что мне в морду дать хочешь?

Циркуль: Имею полное право, но по возрасту — не буду.

Вор: Возраст — чей? Салага, ты куда поехал то у тебя бабок-денег что ли, салага? Ладно, сыграю. Я вспомнил знаешь... сыграю знаешь что.

анна (*в сторону*): Не даешь мне зазвучать в том, что для меня смыслообразующе, поэтому ты не знаешь меня, а я уже составила твою карту. Ты непрерывный поток. Возможно, ты очень застрял в себе... выпусти птицу. (*В задумчивости.*) Как ты думаешь, мне — тебе можно доверять?

Гость (*пауза + пауза+1*): Видишь. Я долго думаю. Вот ты сокращаешь меня, это забавно: останутся лапки да клёпки.

анна: Забавно?

Гость: Забавно у меня имеет оттенок — забавные звери, не подозревающие об этом. Звери доверяют друг другу. А мы — забавно.

Окно поезда пробивает мощная ветвь сосны (тополя в данной местности не распространены). анна падает, ей раздирает щёку. (Щелчок грузового лифта в радиоприёмнике.) Кнопки начинают тлеть. (Скрип. Ругань обслуживающих.) Погасает свет.

Диктор: От высей к визгу — и... поезд остановился. Я. не поднялся, остался, в недвижении...

Начальник: Гражданин!

Мерцание сигареты кипенью спелось с матовым экраном-тельником вагона. Человек в форме прервался по заказу задержки, задержки в плавном ворсистом тоннельном перегоне...

Начальник (*игриво*): Граж-ж-Аннин...

И, может, назвал фамилию. А может быть, номер, и то не совсем ясно. Извлечение нумерации из кармана — решение нехитрого арифметического примера... Но скорее окрикнул в бинарной небрежности

Начальник: Эй, тело... (*Присматриваясь.*) Эй, Вы, тело... (*Что значило — тело — живое.*)

Место действия: Пустошь

В удивлении, после затяжной остановки, персонажи вышли в поле. Перед центральными вагонами, где шпалы застрашали землю, спали безработные кроты: выбросы крота на поверхность почвы уже через 20 лет невозможно отличить от окружающей почвы — сколько же лет ушло? Выщербленный из капкана стали ледник расстался с кооперативным ломом; на многих территориях поплелись следы некогда активной производственной жизни, поселились поднесенные ледником пески, суглинки, глинки, сурки. 150-летние деревья выпадали, выворачивая на дневную поверхность нижние горизонты почвы, а иногда и саму материнскую породу. Почва «смертна», но ямы зарастают для поселения (спец.) через десяток лет-лет.

Двери закрывались-открывались: тамбурный шов разошелся.

Было светло как в забытом в утренние часы на вешалке материнском воротнике. Кладец листьев, а требует в рассыпную — мужчина, начальств. Прииск в нём выдавался, но не тем трудом томим. Заглянул в сосуд-рукав: чалившихся рагу присохло, присоски.

Начальник: Того и глядишь — ходи быстрее! Любой живой участник полезен, если он в норме. Избыток если его не всё его, то части — вред. Сохрани слабых и больных, которые раньше ушли на обед, в ясли. А теперь что — целуй замок!

Гость: Я всё же не могу как крот, вот стараюсь как крот. Поэтому, когда он кричит в этой шлюхе и тля-обрывки кричат в а н не, она прижимается вислым телом к моему, лишенцу, я кричу, но не исчезаю, когтистый обнимает меня, расцарапывает, а н на прижимает меня к своему вислому телу, но целует лишь в шею — на соседней циновке спит — *крот*. Поэтому... Поэтому я прошу, допросите их, а н ну, Крота.

Начальник (*хмыкая*): Брось! (*Заговорщицки, товарищески.*) Я знаю, откуда берутся эти шипы, ты талантливый и чувствительный мальчик, ты бежишь за своим отцом, потому что он выпил, некаянный нектар, схватил за ногу, потер тебя об омертвевший кожух, чтобы ты мог выключить, вытравить истерику, и он толкает ногой твоё тело, и ты уже дышишь, лежа на мокрой траве. Тебе нравилась эта игра. Игра парящих воланчиков. Это было приятно для вас. Всегда. Эта подслащенная усмешка. Ваше тело освобождается, распаивается дымчатая кабина, вы можете изгибаться как ручеек, как сила, пританцовывать, пожирая скорбящие части организма.

Вышли глухонемые, пьяные, разливая мимику. Их разговорило, других раз-заразило. Звон монисто на тамбурном полу, с выпевом, счётом. 4, 5, 6 — Румяна; 3 — Перламутровые тени светлого оттенка. Остальное — 1 и 2.

Глухонемая: Это перм лам утро, Сережа.

Глухонемой: Я повзвоню, обязательно. Дам отвратную свящ.

Глухонемая: Чушь в свищ кабеля. Будем звонница.

анна: Заморозки опечали у меня — У — люди! — попрошайничаешь отваги, ладонь в ладонь приискиваешь, греешься — потом хоть катись под стол. Ты сознательно, медлил?

Гость: Но приключился! Лишь столб, же синица кричала (в одутловатой лампе), свалившись со старой крюкастой рябиной. Маме говорю: рябину мне тяжело, руки мерзнут. Складка на деревянной реке, прореха — не подумайте ничего — губы, сальные ножны,

умели пить да не могли умелованы, уми? В каморке преставленный шарж (да, *двоих* видно) в ревизорском к-а-абине.

Ямы, колодцы: скорее всего, они, населены живностью, уважением к старикам: увидели скелеты морских ежей (как занесло), зерцали-бряцали в клетистых сущностях путевые медальоны. Глухонемые трезвели и в ужасе трещали руками как маслобойки. Остановка продолжалась: длинной нотой отбойщика, поверка колёс. Рельсы будило: впереди болото, туман, ветровалы и западины. Дыбом.

Один из колодцев, что уподоблен природной форме – шушуканье влажное ухо/эхо приложились к контурному камню (неосмыслен ещё орнамент; просто ли отпечатки плетёнки на глине, организующей поверхность, к-рую захватил человек: точки... прямые, ломаные молчащие и д.р.), камню ули-Точному, ул.тучевается день и призрак конторки – что свидетельствует о перемене

позы (укрытие от зноя),
усталости – сравнимо:

Старый Художник: Мне бы встать! И тянуться под кожу на тент. Ох, пролежни воспоминаний. Побирuşка – к калитке и серно прокапывает ухо тук-тук ступки руки дверь ваша в глине или хлебной мякине. Ладно уж, заходи, только через заднюю калитку и об/под мойся. Она: «Умом смекнула, рыжая сама, запыхалась веснушки протирать». Веснушки-то продирают. Но уронила в бок колодец, уронила ведро ослабшей ручонкой, ау душечка и завалило её, вода зарыла нас на пледáх, не сосчитать в ней, а много? *(Вздыхает, выдерживает вековую паузу.)* А время прошло: загнездили нас, замазали прелые ветки кашей щёбня – то бишь холмец лишь один остался, курганец. Гребенка в сыскных волосах запуталась, точно? Ты видел-вели? Эти портреты. Отвоюем дочурке слезливость диктанта?

Начальник (он же Красноармеец): Ты вижу прыток на язык, бузотёр. Бб-бах. Докладную составить, как же? (В сторону) Девонька мне, когда увольнительную дадут – обязательно к Вам (достает из-за уха папиросу). Ну-уж, давайте на дорожку. Кру-угом. (Действия с флягой.)

Диктор:

П-мехи

~~~~~  
 ~~~~~  
 ~~~~~

Едва появившись на свет, приемыш (рахит мстительно) начинает кусать страшными крючками законных обитателей, убивает их. Несколько дней спустя выполнившие свою роль крючки отпадают. Смертоносный приёмщик кричит. Птица быстро привыкает к трещоткам, хлопущам, пиротехническим патронам и даже взрывам ракет и гранат. Врожденность сигнала = универсальное действие.

Начальник: Все живы? Кого-то разыскивают.

анна: Художник пропал.

Начальник: Он пока без надобности, я его в чулане запер.

анна: Почему не ворá?

Начальник: Проезжий... А, проезжий. *(Голос начальника сливается с голосом диктора.)*

КАРТИНА. ОБРЫВОК 3,5

Чулан. Конструкция из конвертов, спичечных коробков, спичек и спитых чайнок — Старым Художником. Изображены окрестности города, т.к. сам город затерян в дыму. Фигуры стариков рыжеют и тянутся к макету.

- Николай Николаевич, вас к телефону. На проводе город.
- Слышу вас, Иван Дмитриевич. Как идёт приёмка?
- Всё в норме, браток.
- Я брат его — Алексея Трофимовича.
- Полно, поздравлений вам. Телеграммы со всех. Звонят, приходят.
- Я к нему по письму.
- К нему? По письму?
- По письму.
- Так, давайте потолкуем. ...Знаете. Почтальона давече застрелили...

... власти предупреждены, но начинает бушевать гражданское негодование, негодование выливается в поток писем — письма — в административные органы (от торговых инспекций до редакций газет) — негодование порождает постоянное общественное беспокойство, беспокойство, на которое государственный аппарат отвечает различными постановлениями и совещаниями

— Так, давайте потолкуем. Это, конечно, ситуация крайняя. Но повторяется из года в год. Ничего. Хронические вспышки, жизнь, рутина.

...горят письма на пустырях, горят здания, неприспособленные, обветшавшие... ветер сильный. Меняясь, злясь в фактуре, тихо лопаются стекло чуланного аквариума, но, решительно — тишина. Через 5–10 мин.— остовы, испаряющиеся, вновь пробрался юго-западный ветер, пригрелся за пазухой. Гость хватает Анну за подбородок, прижимает к груди, он выше на голову.

Анна 1: Говоришь, говоришь много, очень много и куда-то... — в никуда, лишь бы было ощущение, что кто-то тебя слушает.

Гость: Потому что я одинок.

Анна 1: Я не слушатель и служить тебе не зарекалась.

Гость: Я говорю о безыманных, беспроводных, которых стихия хранит в ящичках.

Анна 1: Это плохо, хорошо лишь в твоём случае.

Гость: Нужно нам всем избавиться от этого. Кровью, промежуточными жидкостями, дождями, что оккупировали ржавые телефонные будки (там взяли, взяли цвет, а внутри кто-то спал и дышал под пулей), со спальными лесами — другое дело: упрямый поскребыш под-

вёл к речке-гнилушке, благодарственная сырость оранжевых камней. Холодной подстилкой. Или лечить людей подобных мне. Потому что я! Остаток протагониста. Неизрасходованные излишки, труп, прах, мел. Меа ллюбовь

Анна 1: Ты, по-моему, просто завис на месте.

Гость: Тебе в одно смотр — дом в неведомом городе. В не ме до вом.

Анна 1: Поездки, знакомства по всей стране — чувствуешь себя нужной.

Анна 2: Мать страшно начала соглашаться меня отправить отсюда. Я уезжаю — а отец в хосписе. Скачешь как вша от одной кривой башки к другой. Приедешь — и носом в слякоть (*ужасается возможной синонимичной связи*), быстро бежать настроение, совсем другое — настроен и езд-бежать. Но если могла бежать бы (партикулярно), прося у-бежища-у загорелых самовыв-движенок, скарб нехитр!

(Представляем: женщины опутывают Г. Гивовыми прутьями, как мальчишку.)

Слышу разговор: была же она в порядке, была нормальной — Нормально? Когда у нас так было?! Нормально.

Анна 1: А что мама?

Анна 2: Мама расстраиивается, раскраивается.

Анна поджигает от сигареты бумажные цветы, что окружают помещение, занимаются и бумажные ангелочки, сусальные звездочки, плюшевые звери. Пламя поднимается к потолку. Гость с Анной падают на пол — не от дыма, угарного газа — молдавское на липкий пол; лежать, шептать, быть персонажами.

Мама: В хоспис он не хотел. Он до последних дней — хотел быть полезным, мастерил эти шкафчики, красил, сверлил. Но всё же он плакал перед смертью, когда я читала ему псалтырь, мог [ли он, бы ли] силы? Он свою молитву придумал (*читает*).

«Господи Боже. Владыка жизни моей. Ты по благости своей сказал: не хочу смерти грешника, но чтоб он обратился и жив был. Я знаю, что это болезнь, которую я страдаю, есть наказание Твое за грехи и беззакония: знаю, что по делам моим я заслужил тяжчайшее наказание, но, Человеколюбец, поступай со мной не по злобе людей, а по беспредельному милосердию Твоему. Не пожелай смерти моей, но дай мне силы, чтобы я терпеливо сносил болезнь, как заслуженное мной испытание и по исцелению от неё обратился всем сердцем, всюю душою, всеми моими чувствами к Тебе, Господу Богу, Создателю моему, и жив был для исполнения святых Твоих заповедей спокойствия мои родных и моего благополучия. Аминь».

Не хотел, чтобы ты приезжала. Думаю, это была последняя воля, воля к... жизни. Я вот вспомнила, что советовала аборт своей матери: бабушка твоя уже была больна полиомиелитом, предсказание цыганки, ты помнишь — греть ноги в песках. Дядю она — с трудом уже.

Анна (*в страхе*): Ты скрывала это от меня?

Мама: Нет, просто забыла. Все отговаривали, подруги, родственники, кто знал, отец уже сильно пил, скорее всего, у него была любовница. (*После некоторого молчания.*) Мне было 18, когда он отравился древесным спиртом, нашли лежащим у двери. Брат с друзьями занесли его в дом,

Анна 1:   Агенс?
Ая ему говорю — ты змей

змея и сволочь!
не трогай меня!
не бей меня!

— я же отвечу

— но не отвечу

настолько
настолько
насколько любовь
беспрекословна
и апостал авел...

кро меня что? чем ты
по крыл — ты не слышал!
— ты не слышал!!!

Да? да-да-да тятя Таня

по ку паю у тебя косметику

ведь все мы сплетники и доносчики,
грязные вымазанные чугуном лицом

Анна 2:

не лги затея о виначерв доход навеян яд/од хохот малоко^{нно} чугу^{нно} злеть сигарет
полчок фольги пот сигарет, в котором отражение небрежный кож *оц* среди суковатых
шуть отцов *цо цо* (нар) эс.ТЫ: скул илип как мне рез в уши и нме *гимны ллл*(просунь)
не нажным нез ва тый не нажды наждач... што? утечка крови свергла последние
пирогы <мы русские и нерусские беззаботные и грустные гласы>

Гость:

аННа, ана bios птиц, их игра вызрела через клюв пуляЯ Годы пей-ка сов-ка да Андр'и ановна
чево же *ты* попила *ты* воды биржэвой /выходила в первую водку в город о изп ушки вылет
ающим ядром в кровельное желзво на вой *нероб нестиранных* и грязных посухом па с тушью
бушуйэ абушка *при мне* /выходила варить коз ягмо *при мне* в {казан} бросала жестош шуя ууу
шкуру шкура бура овой насос натюгмогт угрюмого {ростов}-к-а оторого я забил аромату рой:
в тавтологи *ау!*врагов арифметик слепящей мутки семит-т-т о'ечня божьей ты НЕГ ранит /
счас тлица ирга на потолке/ пле *ва Увэ* и *Еву* припух лоб *ить* губ *ить* ество [парной проём без
суток|сутка сказалась сорокой махине матемы {алмаш} крыл зон *тЩаст* ино литован сорочы
гнезда гнул в дом раз врата *жкалис-к ней!*ло -ну у- дождж равно = пропуски---знати (?) сычий
грачий ссыпанный гравий

гра вей-ка совыа ты совыа вятая жжеечка липок заплачка к тебе лобызает черешня
по ровне гортани? В.р дуг пол целуй: отгружают тепличный рассолв гардероб
под небесной {garden} Р О В сордело тшас сухое красное в лозареете
в эпифанических дубравах {алмаш} таликах эстивации да! — пат!
data: на цатое число под первый ниче во.в поздняк увé; увé; <re>
нНа в поздняк замочных сква жон смой родины сморзил
плато.Ягдный? колер/колет свитер осоки/ плакота!

плато/Ягдные чайкй морось как

полная сырость=частичная сырость 1ест1 иний X инин
если подпрыгнешь по-точка.../м не могу лица
мозут

ТУГО КИСА,,,АСИП

анна:

Но необ этом «Мои детские дни»
 (фургон-сінетá, аспидная доска - колесница)
 фургоны и спининг брусчатки на цвет
 будь Я не цвет А,
 А звука проАзрачный
 початок в задвижке
 нефрита дерев

Диктор:

Состояние кратковременного оцепенения — торпидность — вызванное тем, что родители покидают своих детей на несколько дней-лет. В состоянии оцепенения температура падает, пульс и дыхание замедляется. При появлении родителей дети возвращаются к жизни. Опасность в долговременности подобного периода, лишения энергетических запасов. При подобном положении организм при чрезмерном охлаждении от истощения ночью лишается возможности снова согреться в начале своей активной фазы. Дети перед оцепенением заметно худеют, будучи способными впасть в состояние оцепенения в систематическом отношении являются между собой близкими родственниками и обладают общими физиолого-экологическими особенностями. Состояние оцепенения при неблагоприятных условиях жизни представляет собой приспособительную физиологическую реакцию, закрепившуюся в процессе эволюции.

Анна 1 (*возбужденно, гневно*):

ты вообще понимаешь, что такое мать и ребенок? тебя мать с младенческого возраста грудью выкармливала! ты видела когда-нибудь но во рожденных детей? знаешь, каких усилий стоит воспитать из маленького орущего комка? видела ты? ... ты не видела, а я видела но во рожденного ребенка — тебе стоит посмотреть, может тогда поймешь, что для тебя значит мать а теперь ты существо, которое ... скверные слова на свою мать тебя мать под сердцем вынашивала, своим молоком кормила.

— и тут: «проблемы? какие у матери проблемы?»

— «мать все стерпит, она уже привыкла»

Анна 2 (*откуда-то издаലെка, будто аукается в лесу*):

Ду хи до рО ги Годол и Лодиа *теа* но радий А *теа* плА а Амя крап Івы по О беладонна Гладим-ся жыр в блюдецеНа — Р Яд имүся На коспоть комоса Ая патьс как углеек
 На — плитцах Зверушки сугреют Васв сумрачный гурт в стытн ОммоО розе
 Возница піену лесталх поддубал На задубевших точках інфанти подають
 цвеТыАя в трубочный пострих легхощный пост
 Мамин пенал МанТи-Я О заботы тетрадий Аот

И Юннат

Анна 1 (*пытается откликнуться*):

А-а!А-а!А-а!У-У-У

(*Через некоторое время, раздраженно*.)

Где она? Только вонь, запах — остаточно — Вы как считаете?

Начальник (*безразлично*): Она удалилась достаточно.

Гость (*кричит*): В любую сторону иди, всё равно тебя ветром... теб я б!

Анна 1 (*Бормочет*): Скосит.

Вор (*задумчиво вздыхает*): И срок скостит.

Анна 2 (*возвращаясь, со смехом*): Кости цэ кости у них цэ елье — целки, а тут под песком что? (*Будто ведёт счёт*.) Гай.ки гай..ки гай...ки, реззоны res соры. Жлавь! Езь, м'ен'а, езь! Да, езь? (*Ласково*.) Помощь-ничек.

Гость (*молчит*): Молчу.

Анна 2: Да! (*Успокаиваясь, наклоняется к мешку, лежащему на полу, у входа*.) Ккк-ка-ррр.

Анна 1: Короче? Возвращаемся?

Анна 2 (*проглатывает пыль*): Нее, кроч-орочки-оборочки. Последнему нищему на упокой. (*Падает, звеня, мелочь*.)

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ.

Место действия: Вокзал города У.

Пластмасса 80-х: шарики, домики с подкрылками кадров, купируются по совместительству циркачами (circus), кукловодами, наперсточниками.

Культурный слой центральной части города У. — темная супесь с большим содержанием кирпичной крошки и извести, под которой залегают мощные слои щелы — мощностъ слоя прокаленного песка 1,5-2,5 м.

Поэтому Циркуль твёрдо держался на ногах. Собственно — центральное место города У. — рынок. Обычная униформа жителя лет 12–18 — брюки, тёмная олимпийка (в зависимости от р-на различалась, но частный пошив ушёл в прошлое), шапка — не снимать и в помещении — на запрет. И анна же ходила исключительно в спортивном костюме, пальто мамино, кое-как, наспех, жёлтая грудка; стриглась коротко, но была всеобщей дружкой. Первый разряд по художественной гимнастике, тренированные икры, цельная грудь, девичьи цыпки. Отношения завязались: сверстники, русские, десятиборцы, люди старшего возраста. Отец у неё был ликвидатором, получил серьезное заболевание, но в основном лечился спиртным, семья получала льготы.

анна: А теперь можно? Скажу. Это разные вокзалы были, на одном много газет — я любила. Газеты, цветы, дачники и цыгане. На втором лёд и холод.

Начальник (*прерывает*): Здесь — с нашим климатом — нельзя так.

Анна: Ну, а если чуть в сторону от вокзальных уборов, сортиров (туалетных бань ~ две, пропускная способность до 50 чел. в сутки каждая). (*В раздумьях, подсчитывает*.) Это какой вокзал?

<Шипение>

анна: А? Да? Значит, один был вокзал. Прибывающие, отбывающие, писание, таблицы, о, вот они — рыскали. И паралич у меня был. С кровью чаща под поездом — погадать. А проехать можно бесплатно, не боясь, штраф выходит дешевле билета. Так ездил дядя, рано утром приезжал на смерть. Пули боялся. Однажды на вокзале цыгане поймали маму, после бабушкиного инсульта (четыре месяца прошло), бабушкин сожитель уморозился, обвинили сына её, дядя мой (*сплевывает*). Картонный, кукольный пожар — шевелю рукой, шевелю, меня не взяли, и бол-

тается вырезка-пенопласт. Т.е. деньги просила, ягоды продавала. Зимой? Деньги ей, маме, вернули, это были последние, она плакала всю дорогу. Бабушка тогда грохнулась на пол и пролежала 5 часов. Телефон был рядом. А сына её обвинили в убийстве. Она только оправилась от похорон. Нет, успокоилась, конечно. Потом. Кто он?! Он его пасынок?! Она его жена, моего дяди, его по длинному имени не зову, он обижается (Марина — приятней, Ксения, ну, спилась, её решили, нет, лишили родительских прав). Она не права, Ксения не мать. У меня есть мать, у неё есть мать, но тот, что замерз под Рождество — кто? Подселенец (я называла его Старик). Упал в снег, повредил спину, вокруг никого. Лестницы и черепицы отряхнулись от снега. Дул ветер и сводило челюсти. Условно сочинение.

анна: Ты сегодня как? (2р) анна: Ну я же... анна: Ну я же... анна: Отцу доплачивают. анна: Ну я же... и волосы спец. Остригла. <i>ты голову на мое плечо на мою руку</i> <i>нас рабочие руки в твоих глазах я</i> <i>«ты здесь?»</i>	Гость: Сойдемся, Нарцея: номиналистическая лаборатория штопает локти предметов, растопыренных в секторе зрителя: сестра-лампочка, лацка, брат-фитилёк. Инициатор лихорадки сенной лучи на парфюмной печи обживает, томное обжигает когти инкассаторов. Гость: проживаема ива ожога – склонила ты голову на мое плечо на мою руку флаги в глазах когда нас рабочие руки взяли стальными запели в стать в твоих глазах я увидел флаги	Начальник: А заражение? Начальник: А заражение? Начальник:... за Тебя бились!!!

Гость: Надо подняться, на верное... к-к-к олокольне... ведь меня убить могут!

анна: Дети, нам туда, виды-эти-виды видывали,

Гость: А, нет, здесь нормальный... вид. Вид на тюрьму.

анна: Он смотрит на тюрьму. На тюрьму и кладбище. Дети, на тюрьму и кладбище
Дети, помните то кладбище. Я просто...

Гость: Нет, сейчас нормально тут...

анна: Это тоже трущобы, оч-ч-чень красивые трущобы. А что такое трущобы?

Гость: Буквы. Уходи *буквы* ты *бук-вы*.

анна: Ты сейчас это говоришь? Ты говоришь, чтобы я ушла?

Гость: Ты вчера ушла, Ты говоришь, Ты буквы.

А-Я — радио угнетенное средство связи. История вычеркивает радио.

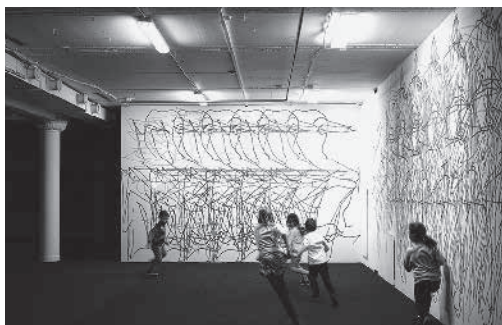
анна: Кто исчерпывает радио?

Гость (*вздыхает*): История... Происходит внутренняя война, радио покидает нас...

Питер Джицци

Речь — молчи!

В издательстве «Полифем» выходит первая в России книга стихотворений американского поэта Питера Джицци «Небесное погребение» (редактор Кирилл Азёрный). Переводы выполнены Галиной Ермошиной, Александром Улановым и Кириллом Азёрным. Для поэтики Питера Джицци важно внимание к музыкальной и звуковой стороне мира и языка. А также характерны попытки, по словам критика Тима Петерсона, «переизобрести лирику» с учетом опыта шизофренической раздвоенности субъекта в современном мире. С любезного разрешения екатеринбургского издательства публикуем стихотворения из книги «Искусственное сердце» (1998).

ВЛАДЕНИЯ КНИГИ УЧЕТА

Утреннее серебро объявляет небо.
Речь согнула дерево в новую позу.

Моя улыбка начинает от твоей отличаться.

— начинает — и ты желаешь прежней привязанности
Откуда берётся серебро?

Кто забывает что мы мечтаем — кто забывает мы мечтаем

Тьма близко! Эта потеря была тьмой; там темнее!

Страница, которой мы стали

***

Ты читаешь страницу
— ты читаешь эту страницу

Когда-то давно было оно
и это оно испарилось в воздухе
говорили это оно было по всему небу
потом оно вернулось и умерло

Ты понимаешь что я видел
Ты понимаешь все

— а теперь закрой дверь

Оно знает где быть
Вот, можешь ты объяснить?

Лампочка заменила серебро

***

Страница серебристая — почти как серебро
— сообщив ребенку —

Когда идет в город
— уже изменилось

Когда становится городом
— меняет свою форму

В заключение сказано у него нет своего пути
Не было ни разу в его жизни —

однажды и навсегда

Берут жену...

Конец, окончание

***

Дети бежали от дерева
Серебро лилось с неба

— в саду птицы купались —
купаясь в саду птицы поют

Было головокружение в воздухе и розовое в ветре

Однажды они пришли вместе и говорили невесте

Думали что роща зачарована
В заключение сказано это пусто

В заключение пришли тоже и говорили жениху

Думают что мир был широк
В заключение сказано он узок

***

Синтаксис согнул ребенка
— играя на странице

Речь — молчи!

Видеть как ты сейчас отражаешься в грязном окне.
Ночь напоминает отпечатки пальцев —

в отличие от лица
— на его орбите

Кончики волос скользят как листья пальм
— «прямо как листья пальм» — ты восклицаешь

— покажи мне листья пальм пожалуйста

***

Становясь деревом
— дети...

Становясь страницей
— птицы в унисон

Отсюда до нервной системы — Тело пело
Подвешенное над страницей

Над общей массой деревьев
Ивы согнулись утешить ребенка

Отсюда до...

— прекрасная вещь —

Становясь деревом

***

Давай вернемся к речи —

Серебряное утро — согнись прервать
— синтаксис

Там на сцене
Дети несут серебряные листья

— несут птиц на своих головах

Ты связываешь меня своими песнями
Сказки говорят —

где страница — страница
и дерево — дерево

Я когда-то был книгой
Сейчас я книга

Все завершения говорят
Все сны говорят

Все дети говорят

***

Когда-то давно было оно
и это оно испарилось в воздухе
говорили это оно было по всему небу
потом оно вернулось и умерло

Так было сказано —

моя улыбка становится страницей
— становится приключением

Она пела —

моя улыбка — то что говорят дети

перевод Александра Уланова

Сергей Сигерсон

Всёки, ничевоки, ничевсёки,

или От эротического кабаре до сказочного Капризки

Культурологический детектив о тайных силах, незаметно для массовой культуры и «высокого искусства» двигающих цивилизацию своей подпольной армией (или партизанскими отрядами) в сторону левой эстетики. Важную роль играют связанные с тремя северными столицами (Пермь — Екатеринбург — Барнаул) отдельные авторы и целые группы (Вл. Воробьёв, В. Каменский, М. Лёвшин, Е. Николаева, П. Печёнкин, А. Ранов, Вл. Филов, Л. Футлик, В. Шершеневич, В. Шмайсер, проч.). Даются примеры мутации персонажей до неузнаваемости посредством массовой информации, недостоверных справочников, эстетских антологий. Вплоть до слияния трёх реальных людей в одном. Обозначаются лёгкие способы создания совершенно неправдоподобной мифологии, благодаря Интернету получающей дальнейшее развитие.

Основной задачей является начертить портреты нескольких (в основном не связанных друг с другом) групп, в начале XX века называющихся ничевоками. На разный срок и по разным причинам. А также краткий показ, что это за люди, чем (и в какой компании) занимаются тогда и вообще. Отсюда и хронологические скачки туда-сюда (для большей наглядности каждой линии сюжета). Отсюда в тексте появляются иногда весьма одиозные фигуры их соавторов по пост-ничевочеству, пунктирно намечаются связи с другими важными деятелями — М. Булгаков, А. Гайдар, Д. Фурманов, т.п. Так сказать, за что боролись...

Автор

В 1913 году вся Россия потешается над новыми странными молодыми людьми — футуристами. Так скопом называют всех тогдашних сторонников современного искусства, невзирая на стиль, иногда диаметрально противоположный. Чуткий режиссер В. Касьянов с операторами А. Винклером и Н. Топорковым ставит «Драму в кабаре футуристов №13» — первый в России и один из первых в мире игровых левых фильмов. Инициаторами выступает группа молодёжи после краха трёх своих кабаре-проектов: «Кабак тринадцати» (знаковое число!), «Розовый фонарь», «Театр Футу». М. Ларионов объявляет о создании «чисто футуристического кабаре... лучистов, викторианцев, кубистов, крайне-правых футуристов, эго-поэтов и всёчества». С теми же операторами в том же году они уже успевают запустить короткий рекламный фильм «Наши футуристы» про свои прогулки с раскрашенными лицами и картины в мастерской.

Газета «Утро России» спешит оповестить: «К 9 часам утра во двор дома прибыли господа Ларионов, Шершеневич, Третьяков, Лавренёв и Потоловский. Все были раскрашены. Дворничка изображала внешний фасад футуристического кабаре... Для усиления пятёрки «всамделишных» футу фирма командировала статистов, среди которых были несколько раскрашенных учеников школы живописи и ваяния. Футуристы подъезжали на автомобилях, на лихачах и на ваньках, некоторые подходили пешком». Пародия на декадентские мелодрамы да детективы про роковую любовь с убийством, эксцентричная молодёжь веселится в своем ночном клубе, пляшет, декламирует, пока героиню не закалывают ножом, после чего отвозят на авто в лес с презрительной запиской. Участвуют также К. Большаков, Д. Бурлюк, Н. Гончарова, В. Максимова, В. Маяковский, В. Оболенский, М. Ртищева, М. Фаббри, Н. Эльснер. Весь цвет формирующегося имажинизма — на экране. Лишь Г. Якулов не упоминается. Возможно, участвует анонимно. Зрители недоумевают — как надо воспринимать зрелище. Списывают на авангардистские эпатажные кривляния, глупый полудомашний фарс, неудачную попытку снять настоящий боевик. Мало кто подозревает великий потенциал Дада, возникающего в этом кругу стараниями И. Зданевича с М. Ларионовым под именем всёков (неприживающийся вариант — даисты, говорящие всему ДА!) ещё до западных аналогов: дадаистов.

Кроме этих трёх имён (всёки, даисты, футуристы), в данном кругу опробуются и другие термины самоидентификации: будущники, викторианцы, импрессионисты, интуиты, кубисты, лучисты, орфисты, презентисты, примитивисты, романтики, симультанисты, урбанисты, эгофутуристы, а самое главное — вызревает теория образа, в 1915 году получающая имя «имажинизм». Круг объединяется в течение года издательством «Мезонин поэзии» (несколько вечеров-конcertов, три альманаха, три авторские книжки выходят, столько же анонсируется). Не все объявляемые соратниками успевают засветиться в составе мезонинцев, но в общем список внушителен. В. Шершеневич с Л. Заком — главные писатели-практики и теоретики. А также Г. Арельский, С. Бекетова, А. Белый, Н. Бенедиктова, Н. Бернер, А. Блок, К. Большаков, В. Брюсов, Д. Бурлюк, В. Гнедов, Н. Гончарова, Р. Ивнев, П. Кокорин, Б. Лавренёв, М. Ларионов, Е. Львова, Н. Львова, В. Максимович, В. Маяковский, М. Моравская, В. Оболенский, Огороков, П. Погодин, Потоловский (Потолоцкий), А. Решетов (Н.Барютин), М. Ртищева, М. Сandomирский, И. Северянин, Серафимовская, Н. Серпинская, А. Сидоров, Ф. Сологуб, Спорова, Г. Тастевен, И. Терентьев, С. Третьяков, Н. Трусевич, Д. Усов (Вагус), М. Фаббри, Б. Фриденсон, Вл. Ходасевич, К. Чайкин, П. Широков, Ю. Эгерт (Эгикс), О. Эго, Н. Эльснер, Г. Якулов, др.

Непринятый поэт-анархист Т. Чурилин вербует москвичей в свою альтернативную группу «Подвал поэзии». Тогда же в 1913 году мезонинцы Ф. Сологуб и И. Северянин с В. Мейерхольдом пытаются организовать в пику «Бродячей собаке» питерское литературно-художественное кабаре «Удивлённый змей» со своими пьесами. Обложка последнего мезонинского альманаха становится заставкой афиш московского Союза Поэтов 1920-х, акцентируя его преемственность под руководством всё того же В. Шершеневича. Хотя отношения сложные. Мезонинец Н. Бернер в послании мезонинцу В. Брюсову в 1922 году: «Переживём как-нибудь и балаган недоучек, переживём палачей кисти, пера и резца. Скифские годы пройдут, имажинистские годы».

Буйство всёков 1913 года тут же порождает пародийных «Ничевоков», фельетон Н. Тэффи. Ничевоки, персонажи этого абсурдистского текста, неожиданно оживают в виде реальной имажинистской группы 1918 года с тремя центрами (Москва, Ростов-на-Дону, Тифлис), бурно декларирующей себя в качестве русской секции западного Дада, которому шлются спецпослания-манифесты, объявляют о подготовке своей отдельной книжки «Очерки о Дада». «Вам. Три ничевока» так они сами называют свой первый сборник в рецензиях. Под декларируемым влиянием имажинистов ничевоки творят акции-декреты-стихи, организуют отделение СОПО в Ростове-на-Дону, открывают кабаре, ставят спектакли, печатают книжки, активизиру-

ются настолько, что поэт И. Березарк вспоминает: «Ничевоки в Ростове так примелькались, что широкая публика всех местных поэтов называла ничевоками», как бы синонимом «красных дьяволят» (с той же смысловой нагрузкой да эмоциональной оценочностью) в битвах за новое искусство. Не случайно на московской эстраде ничевоки порой выступают в красных «слонявчиках» (детских фартучках) с надписью «ничего».

Чекисты, перепутав ничевоков да начэваков (НАЧальников ЭВАКуационных пунктов), арестовывают неодобительно отзывающихся о заборном ничевоческом декрете ростовчан. Из трёх человек состоят три руководящих органа ничевоков, все эти пародийные Президиум, Ревтрин (РЕВолюционный ТРИБунал Ничевоков), Творчничбюро (ТВОРЧеское НИЧевоческое БЮРО), предлагающие В. Маяковскому во время его «Чистки поэтов» самому идти чистить сапоги желающим к «Пампушке на Твербул» (ПАМятнику ПУШКину на ТВЕРском БУЛЬваре). Весной 1921 большинство ничевоков перебирается в Москву, примыкает к Ассоциации Вольнодумцев, перечисляется В. Шершеневичем в составе московского отделения Ордена Имажинистов 1922 года, ссорится с правым крылом Ордена (в т.ч. на личной почве — делят женщин), проводит надолго запоминающиеся питерским поэтическим салонам эксцентричные гастролы. Тогда же коллега И. Грузинов сомневается, «стоит ли долго разговаривать, стоит ли откладывать дело в «собачий ящик»: всё ничевочество исчерпывается одной фразой имажиниста, того самого имажиниста, которого ничевоки называют в своём манифесте «великим поэтом, гигантом и титаном; вот эта фраза: «мчу в никуда свой шарлатанский шарабан». Имеется в виду, разумеется, атаман Вадим.

Объявляются свои ничевоки в Воронежском СОПО, остаются активисты на Дону. Шумит на эстрадах РОСТАН (РОссийское СТАновиче Ничевоков), созвучно с популярным парижским романтиком-драматургом, автором программной для фантазёров пьесы про барона С. де Бержерака, предтечу К.Ф.И. Мюнхаузена. В РОСТАН вовлекаются поэты совсем мелких групп: московско-омские беспредметники (Б. Земенков, Н. Хабиас, А. Чичерин), московско-тифлиские бродяги «Хобо» (М. Агабабов, Е. Николаева), московско-томские фуисты (А. Кручёных, Н. Лепок, Б. Несмелов, А. Ракитников, Н. Тихомиров, Б. Перелешин), московско-рязанские эклектики (Я. Апушкин, Н. Бенар, Г. Владычина, Вяч. Ковалевский, Н. Серпинская, др.). К 1923 году группа вдруг распадается: погибает под «сумасшедшим трамваем» в родном Петрограде С. Садиков (рассматривается как прототип первопричинной трамвайной сцены булгаковского «Мастера и Маргариты»), чекисты отправляют в екатеринбургско-пермскую глушь за левэсеровские связи самого опытного А. Ранова (на эстраде футурист с 1916), за ним добровольно едет жена парижанка-эсерка Е. Николаева. В театре Пермского Санпросвета А. Ранов драматург и режиссёр (напр. лубочная комедия «Бабка лечит — народ калечит» 1927 и т.п.), затем инженер, врач-эпидемиолог. Н. Бенар печатает иллюстрированный остовами А. Гончаровым с Ю. Пименовым «краснопинкертоновский» роман с продолжением «Чёрный паук» в журнале «Самолёт» в 1925 году (через три года друзья в Четвертой студии МХАТ будут оформлять спектакль «Смерть мистера Марапита» 1927 по пьесе К. Давидовского. Б. Перелешин выпускает подобный роман «Заговор Мурман-Памир» в журнале «Борьба миров» в 1924 году. Атаман ничевоков Рюрик Рок уезжает в Берлин по линии ТИМ, печатает напоследок книжку сотрудничающего с ТИМ дадаиста И. Голла «Чаплиниада. Кино-поэма» со своим предисловием и переводом. Собственную национальность И. Голл определяет тройко: «По судьбе — еврей, по случайности — француз, по бумажке с печатью — немец», пишет в трех жанрах (драма, проза, стихи) на трех языках (английский, немецкий, французский), активничает в составе трех крупных интернациональных левых движений (дада, сюрреализм, экспрессионизм) и многих некрупных (активизм, зенитизм, реизм, т.п.), часто претендует на лидерство (вплоть до мордобоя с другими атаманами).

Самые смешные мутации проистекают с Олегом Эрбергом из РОСТАН. В книжках конца XX века его смешивают с другим левым писателем да восточным шпионом одесситом Оскаром Эрдбергом (из группы «Удар»). В одном из сборников СОПО О. Эрберга помещают в разделе акмеистов, что даёт повод язвительным опровержениям героя. Начинает выступать он

в составе двух непересекающихся троиц ростовских футуро-поэтов 1917 года. Эксцентрический 1924 встречается питерским студентом в обэриутских кругах, но уходит из поэзии. Работает в восточных консульствах (Афганистан, Иран), переводит на таджикский язык гоголевские гротески, на русский — восточные сказки (по примеру Б. Брамбеуса), переходит на очерковую прозу с приключенческим уклоном. Ростовские краеведы нынче пишут о поэтах-ничевоках братьях Константине и Олеге Эрбергах. В антологии 2007 «Поэзия Серебряного века» солидной серии «Библиотека Всемирной Литературы» в разделе ничевоков вообще появляется некий мутант с тремя именами, коллажируемый из двух поэтов (К. Эрберг (Сюннерберг) и О. Эрберг) и пёстрой биографией — от раннего мистического декадентства через «Скифов» к ничевокам (кстати, питерский философ К. Эрберг при том активист богемных литературных вечеров левэсеров, член их боевой дружины вместе с С. Есениным, чекистский арестант, так что биография и без того пёстрая-разностильная). Синтетический персонаж ничевок-декадент К. Эрберг (из трёх реальных фигур составленный) продолжает самостоятельно жить в интернетных публикациях разной степени научности, развиваться, обрывать достоверными подробностями. Встречается, например, в дотошно комментированном А. Яблоковым томе «Белой гвардии» М. Булгакова из серии «Литературные памятники» 2015 года.

Некоторые ничевоки прямо связаны с ростовской Театральной Мастерской: актёр и завпосчасть (ЗАВедующий ПОСТановочной ЧАСТью) А. Ранов, актёры небольших ролей братья М. Геринг и Р. Рок, художник Александр Филов (и три его брата актёры-писатели Виктор, Владимир, Николай), В. Хлебников, братья А. и Е. Шварцы. В РОСТАН также: И. Березарк, В. Жак, Мане-Кац, С. Мар, Г. Миллер, П. Митурич, М. Рабинович, Л. Сухаребский, Д. Уманский, др. Из Перми в Екатеринбург 1927 А. Гайдар перебирается по приглашению главреда «Весёлой кузницы» и «Уральского рабочего» Вл. Филова — газетного фельетониста-юмориста 20-х, поднимателя вслед за В. Шершеневичем барнаульской сцены (руководитель театра кукол с 1944), автора ростовского «Кукиша ничевока» да разбросанных по алтайским архивам очерков-повестей-стихов (в основном — ненапечатанных), трёх приключенческих романов про казаков-разбойников: «Заговор кудлатых», «Заселение Сибири беглыми», «Искатели счастья».

Недолгое время, по свидетельству участника-художника Г. Шилтяна, называют себя ничевоками в Тифлисе начала 1919 года богемцы его быстро разваливающейся, наполовину эмигрирующей группы из осколков питерских всёков, местных дадаизирующихся символистов Орден Голубых Рогов, московских футуристов: В. Боберман, братья И. и К. Зданевичи, Д. Какабадзе, В. Каменский (пермяк), Г. Робакидзе, С. Сорин, Т. Табидзе, И. Терентьев, Н. Черепнин, П. Яшвили, др. Трое из них — С. Корона, С. Судейкин, Н. Евреинов — открывают в Америке 1923 года кабаре ПОПА (ПОдвал ПАдших Ангелов), ставят номера под названием «Да-да». Н. Евреинов к тому времени успевает побыть фэксом и главным двигателем прутковского наследия на сцене, колесит до Одессы по Украине времен самой частой смены власти, ставит массовые хэппенинги из быта парижской богемы времен К. Ф. И. Мюнхаузена в питерском Летнем саду 1917 года с будущими сотоварищами фэксов Ю. Анненковым да Юзовцев Ю. Слёзкиным. Сам Г. Шилтян в троице с другими левыми художниками-эмигрантами (К. Терешкович, З. Файтелберг) проводит берлинские выставки 20-х, затем всплывает в парижской богеме.

Независимая группа ничевоков в течение трёх лет вызревает параллельно на ветвях академического изучения анархического творчества и серьезных книжек несерьезным детям. Для готовящейся антологии мирового сюрреализма к приезду парижанина Л. Арагона в Москву 1932 года готовится самиздатский альманах «Атом» с разветвленным пародийным генеалогическим древом атомизма, по сути — очередной вариант всёчества Дада. Три раздела — поэзия, проза, теория. Объединивший троицу близких зауми поэтов (А. Введенский, А. Кручёных, Д. Хармс) с заочной троицей «лингвистов-атомистов» старшего поколения (Р. Алягров, А. Лотов, Е. Поливанов) и с несколькими поэтическими масками молодых лингвистов В. Тренина и Н. Харджиева (инициатор, основной автор).

Последний — сын армянина с гречанкой, одесский журналист 20-х, в Москву приезжает с рекомендацией своего пожизненного друга Э. Багрицкого, активист подмосковной коммуны одесситов ОдеКол, с 1928 в кругу столичных лефов, до сих пор многими считается лучшим спецом по русскому авангарду, обладателем неповторимой коллекции раритетов-шедевров. Часто меняет маски: Ф. Бука, К. Вижар, Н. Никодимов, Эраст Дезидератов, Влаколай Трехар (ВЛАдимир ТРЕнин + НИКОЛАЙ ХАРджиев), третий Е. Лунёв в заумной поэзии (наследует псевдо А. Кручёных с В. Хлебниковым). Кроме эксцентрических стихов Н. Харджиева, известна обэриутская пьеса «Тётушка Даниила Первого», где абсурдно действуют реальные персонажи этого круга — А. Башилов, А. Введенский, Я. Друскин, К. Малевич, П. Филонов, Д. Хармс, В. Хлебников, сам автор как А. Христофоров. Более традиционны три напечатанные Детгизом повести в духе лефовского полудокументализма — «Огненная машина» (с В. Трениным), «Судьба художника», «Янычар», автор помогает В. Шкловскому с материалом для подобных книг.

В. Тренин из махновских мест родом, поначалу выступает как поэт-имажинист в 1922 году, учится на архитектурном отделении столичного ВХУТЕМАСа, работает в журнале «Новый ЛЕФ», пишет в т.ч. об украинских коллегах из НОГ (НОВОЙ Генерации), гибнет добровольцем на фронте 40-х.

Студент питерского ИИИ (Института Истории Искусств) из северных крестьян, младоформалист Опояза, журналист московского ЛЕФа М. Никитин выпускает под псевдонимом М. Лёвшин приключенческо-познавательную книжку для детей «Повесть о занимательных приключениях беглого монаха Яна» 1931, не выпускает «Повесть о скomorохах», собирает материалы для подобной повести да филологических трудов В. Шкловскому, пытается выпустить историю русского лубка. Затем пермяцкая ссылка 30-х, гибель на фронте 40-х, спасение архива другом Н. Харджиевым.

Выросший в местах съёмок «Дьяволят» юный участник гражданской войны Т. Гриц из той же (вышеописанной) компании младоформалистов, в духе товарищей выпускает книжки про казаков для любознательных детей «Ермак», «Заморский зуб» («Рыбий зуб»), «Меткие стрелки», в «Новом ЛЕФе» напечатанные статьи про мюнхаузеноподобный «Журнал Барона Брамбеуса» и ненапечатанные про своих друзей-обэриутов, переводит вдохновлявшую «дьяволят» индейскую классику (про Зверобоя и т.п.), печатается в детских журналах.

Вообще здесь любят работать коллективно. Бывший лектор имажинистского кафе «Стойла Пегаса», публикующийся в книжках фуистов, автор антиесенинских книг в есенинской группе СОРОС (СОВременная РОСсия) А. Кручёных вместе с Н. Харджиевым выпускают серию книжек «Неизданного Хлебникова». Т. Гриц с Н. Харджиевым — книжку «Неизданные произведения Хлебникова». В. Тренин с Н. Харджиевым — книжку о В. Маяковском да футуризме вообще. Т. Гриц, М. Никитин, В. Тренин — книжку «Словесность и коммерция» про лубок и окружение Б. Брамбеуса. Т. Гриц, В. Тренин, Н. Харджиев готовят «Историю русского футуризма» и книжку про В. Хлебникова, ездят на совещания к К. Малевичу, где фотографируются с мэтром как некая новая группа с пародийным названием. В общем её составе — 13 активистов, включая вездесущего В. Шкловского и художницу-писательницу Ф. Штеренберг. Эти осевшие в столице питерско-украинские писатели объединяются с осколками ОБЭРИУ в жизнестроенческих эксцентричных акциях с пропагандой тотального ничевочества. Путь к ничевочеству от всёчества прodelывается достаточно быстро. Условия способствуют.

Тринадцатилетний «красный дьяволёнок», одесский актёр-поэт С. Кирсанов берёт самоназвание в честь города Кирсанова. С. Кирсанов неофициальный лидер шумного Юголефа — жупел даже для «недостаточно левых» столичных лефов, принципиально преодолевающий имажинистское влияние, один из инициаторов скандально знаменитого спектакля в одесском цирке «Необычайное приключение племени ничевоков» 1925 года, где весёлые ничевоки с южного острова (подобные «красным дьяволятам») устраивают мировую революцию, увлекательно пляшут полуголые девицы, настоящий мотоцикл выносит к зрителям Красного

Дьявола (точнее, чёрно-красного по эскизам, с голубым оттенком по спектаклю). Ставится всё в пику «недостаточно революционным» спектаклям ТОМ (Творческое Объединение Март) Л. Курбаса со-товарищи. Как продолжение своего СИТ (Синтетического Театра), занимающего в КРАФ (КРАсный Факел) на протяжении трёх лет 1921-3 место уехавших на Неву организаторов ФЭКС (Фабрика ЭКСцентрики). Синтетики готовят пьесы М. Гершуненко (лидер-режиссёр), Н. Евреинова, С. Кирсанова, Ю. Олеши, В. Хлебникова, в т.ч. про бродячих революционных балаганщиков, казаков-разбойников С. Разина, возобновление премьеры ростовских ничевоков, заумь. Большой знаток-популяризатор леваков С. Хан-Магомедов в серии «Творцы авангарда» выпускает книжку про одного из трёх главных художников Юголефа «Николай Соколов» (Борисович по отчеству, в троице тёзок), на страницах которой Синтетический Театр иногда называется Стилистическим.

Историк А. Яворская суммирует немногочисленные мемуары участников «Ничевоков-25»: «Расклеили афиши. Описания их противоречивы. У Бондарина: «Расклеивались загадочные афиши, система которых была придумана Кирсановым. Сначала на первом листе афиши появилось одно только слово «Ничево». Потом слово появилось полностью «Ничевоки» с тремя восклицательными знаками. И уже после этого — более или менее толковый текст». У Данилова: «Уже были выпущены афиши с напечатанными на них восторженными отзывами живых и мёртвых великих людей от Юлия Цезаря и Наполеона до Льва Толстого и Бернарда Шоу о ещё не состоявшемся спектакле». За несколько дней до премьеры в театре был сильный пожар. Одесские острословы уверяли, что театр предпочел сгореть со стыда, увидев спектакль, и добавляли, что цирковая арена — именно в цирк перенесли премьеру — более подходящее место для такого действия. По воспоминаниям Данилова, Недоля, игравший Сатану, заменил полагавшееся черно-красное трико на голубые кальсоны и фуфайку, «на ногах у него были цветные носки с подвязками и те покрытые грязью калоши, в которых он пришёл в цирк. От моего эскиза остались только жилетка и борода. Увидя моё изумление, Недоля принял его за восторг и, желая окончательно поразить меня, сказал: «Ты посмотри, какой хвост, настоящий, бычий, я его на бойне достал»... Махнув на всё рукой, я пошёл в зал». О дальнейшем сохранились воспоминания Бондарина: «Соответственно идее спектакля на арену цирка выехал на мотоцикле и почему-то в голубых кальсонах наш идейный руководитель украинский поэт Л. Недоля... по всему барьеру венком сидели «юголефовские девочки» в трусиках, как купальщицы». И, наверное, не случайно после выхода книжки про «красных дьяволят» из семьи Недоля берёт себе эту фамилию псевдонимом один из атаманов украинского футуризма красный поэт Л. Гончаренко.

Даже питане Юголеф организует с выдумкой — открывает кафе РОЖ (Работа, Отдых, Жратва — три основных части счастья) с театрализованными хэппенингами в виде похорон друг друга, например. В стихах 1925 года С. Кирсанов, который не особо ценит писателя экс-К. Лютова (И. Бабеля), залихватски описывает беседу с Д. Фурмановым (предбюр киносекса ВАПП (ПРЕдседатель БЮРо КИНематографической СЕКции Всероссийской Ассоциации Пролетарских Писателей)) об одесском стиле да «Конармии»: «Одесса, город мам и пап, лежит, в волне замлев, — туда вступить не смеет ВАПП, там правит Юголеф!» Именно тогда екатеринбургский пионерский журнал «Красный галстук» открывает первый номер фурмановским рассказом «Вождь Красной армии Михаил Фрунзе», где даётся прототип будущих книжек для советских детей из назидательно-авантюрной серии про «легендарных героев».

Имя Перегринус Тисс (из «Повелителя блох» Э.Т.А. Гофмана) берёт в качестве псевдо при сценическом дебюте 1920 года в амплуа актёра, режиссёра и художника С. Эйзенштейн. Находясь в инженерно-строительных частях воюющей Красной Армии, организует в городке Великие Луки при театре «Коммуна» самодеятельную труппу из сослуживцев по гарнизону, питерских приезжих артистов-художников (М. Арнольди, К. Елисеев, В. Лачинов), местной интеллигенции. Для лекций в организуемой драматической студии перевозит раритеты из своей

питерской библиотеки. Ставит «Двойник» одессита А. Аверченко, сценки Н. Гоголя, «Зеркало» Ф. Случайного (сам дорабатывает текст), пр. Тогда же как драматург пишет непоставленные гофманиады: «12 часов Коломбины», «Достоверная комедия о похотливой колдунье Тортеллине, чёрном козле, праведном суде Божиим, а также о коварных чертах Оришеле и Тортишеле и прочих событиях забавных, как они случились в добром городе Мадауре в давние времена». Общее развитие этой студии-труппы в сторону дореволюционного эксцентризма в духе кабаре-студий Н. Евреинова, В. Мейерхольда, А. Таирова.

После отступления красных да отъезда С. Эйзенштейна (роспись агитвагонов в составе ПУЗАП (Политического Управления ЗАПдного фронта) с последующей демобилизацией) его дело продолжает великолукское ТОПХ (Творческое Объединение Псковских Художников), рождающееся в 1921 параллельно «дьяволятам». Группа при том же театре «Коммуна» да театре «Рекорд», где выступают труппы гастролёров с местными любителями, проводят выставки, диспуты, спектакли.

В 1925 году лидер ТОПХ режиссёр-художник Г. Новиков среди прочего ставит изданную (в счастливом для эксцентриков 1924) столичным Пролеткультом отдельной книжкой пьесу И. Кравчуновского с Б. Юрцевым «Необычайные приключения племени ничевоков: Агитбуфф-гротеск в 9 эпизодах». Тогда же в одесском цирке силами левой молодёжи проходит аншлаговая премьера этой пьесы. Через год после неожиданного исчезновения с культурного горизонта скандально известных поэтов-комедиантов РОСТАНа яркие афиши возвещают возрождение ничевоков с новыми лицами, заывают на ещё большие безумства. У одесситов становится заметнее типологическое сходство персонажей с «красными дьяволями», только теперь их не трое-четверо, а целое племя. Свершив революцию на острове, с песнями-плясками готовятся весело раздуть мировой пожар на горе всем буржуинам.

Почему-то большинство театроведов считает эту абсурдистскую буффонаду малоудачным подражанием «Багровому острову» М. Булгакова. Но в 1924 году одновременно с пролеткультовскими «Ничевоками» в берлинском альманахе у М. Булгакова выходит роман (на самом деле, скорее, тезисы) с вполне узнаваемыми личными адресатами сатиры. В басенной форме история туземного племени изображает русскую революцию, войну, восстановление. По мотивам «романа» после нескольких громких постановок «Ничевоков» Пролеткульта в 1926 году затевается пьеса, готовая в первой версии в 1927 году, ставится КАТЕТ в конце 1928, вскоре запрещается, публикуется в СССР лишь в 1968 году (разумеется). Здесь сходств уже больше, вплоть до пародирования ультрареволюционного театра, наслоение «спектакля в спектакле» да ещё с несколькими финалами (в «романе» театра нет вообще).

Так что, наоборот, пролеткультовские эксцентрики влияют на бывшего киевского доктора М. Булгакова, что с 1919 года состоит в трёх армиях. По мобилизации у гетманцев, затем — у красных, откуда бежит к белым, в Третий Терский казачий полк, с которым отступает на Кавказ. Ввиду болезни М. Булгаков не эмигрирует, с 1921 года (когда на Кавказ прибывает поезд с «дьяволями») новоявленный казак уже газетчик-журналист Москвы, где сближается с Юзом в редакции «Гудка». Мотивы «Багрового острова» с ещё тремя булгаковскими творениями («Иван Васильевич» (задействуется и Л. Гайдаем), «Мольер», «Театральный роман») объединяет белорусско-питерский «Красный остров» 1921 года — один из трёх фильмов режиссёра-сценариста А. Фенько, актёрствуют «гайдайки» да другие неплохие эксцентрики: Т. Г. Васильева, Ю. Медведев, С. Фарада, пр.

В статье «Двенадцать стульев» из «Зойкиной квартиры» А. Левин проводит подробный сравнительный анализ романов о О. Бендере со скандальным гротеском М. Булгакова для ТИВ 1925 года в постановке Ал. Попова (соратник П. Бляхина по костромским хэппенингам). О. Бендер по версии современного исследователя — просто клон булгаковского обаятельного мошенника А. Аметистова: только что из тюрьмы, до того расстреливается в Баку (родина

«Дьяволят»), но чудесно воскресает, мечтает о прогулках на французском Лазурном берегу в белых брюках. Его жалкий напарник П. Обольянинов порождает И. Воробьянинова. В подпольном притоне «Зойкиной квартире» (три акта, между двумя последними — три дня по сюжету) есть и милиционеры, и зловещие китайцы-убийцы, и опиуманы, и проститутки, и разлагающиеся советские работники (затем живые трупы — буквально, т.е. зомби). Сам притон почти во всех источниках считается списанным с мест обитания имажинистов (три версии). Либо студия Г. Якулова, либо квартира якуловской жены Н. Шифф, либо салон З. Шатовой, где во время облавы 1921 года чекисты задерживают С. Есенина, А. Мариенгофа и Г. Колобова, фото приводит в журнальной статье «Роман без вранья» + «Зойкина квартира» чекист-следователь Т. Самсонов. В «ретромюзикле» 1988 года питерский поэт В. Уфлянд акцентированно переносит действие «Зойкиной квартиры» в ту самую «нехорошую квартиру», где дьяволствует Воланд со свитой из «Мастера и Маргариты».

В 1924 Перетру (ПЕРЕдвижная ТРУппа) под предлогом первой серии революционно-го эпоса к юбилею революции 1905 из цикла «К диктатуре» ставит эксцентричный фильм с пафосными вкраплениями «Стачка». Режиссёр «Стачки» С. Эйзенштейн. Л. Троцкий специально приезжает играть себя в инсценировке митинга. Занята вся группа, кроме названных: А. П. Антонов, Д. Антонович, Ю. Глизер, М. Гоморов, И. Ключкин, В. Рахальс, Э. Тиссэ, В. Уральский, В. Хватов, М. Штраух, В. Янукова. Блистает в «Стачке» также второй автор «Ничевоков» Б. Юрцев в роли атамана шпаны, так же успешно, как в роли Рыжего из «Мудреца». В 1925 С. Эйзенштейн подписывает Б. Юрцеву свою фотографию: «Всем известному Рыжему: «Держи наш стяг эксцентрики!» Вместе они разрабатывают программу занятий мастерских Пролеткульта с привлечением по примеру ФЭКС сочувствующих эксцентризму специалистов, в т.ч. трёх участников фэкс-акций: В. Парнах, С. Эйзенштейн, С. Юткевич. Тогдашние смешные письма-пьески Б. Юрцева, где он «Рокамболя — оракомболил. Молодость Генриха IV — отчетверил. Вообще Понсона — опонсонил», снабжаются напоминками отъехавшему на Неву С. Эйзенштейну о необходимости зайти в ФЭКС за обещанным печатным материалом для публикаций да лекций. В конце 20-х один уже учится у другого в режиссёрской мастерской при ВГИКе, снимается у третьего (Ю. Тарич) в драмах про казаков-пугачёвцев да разлагающихся комсомольцев. Тема знакома изнутри, так сказать. «Среди работников искусств в большом ходу секс и порно, вещи, книги. Говорят, что у режиссера Эйзенштейна квартира полна подобных книг, картинок, «игрушек», статуэток», — из доноса 30-х в Комиссию партийного контроля.

Дебют кинорежиссёра Б. Юрцева фильмом «Оторванные рукава» 1928 года по сценарию совместно с товарищем по Перутру И. Пырьевым про пионеров да беспризорников. Тема автору близка, он сам с 13 лет в подмастерьях, курьер московских типографий, в 1919–23 руководит театральными курсами при ЦДЮП (Центральном Доме Юных Пионеров), с 1925 активно издаёт свои книжки для самостоятельных театров под вывеской ТЮП (Театр Юного Пионера): инсценировки, клоунады, политшаржи, раёк (в т.ч. про «красного Петрушку»), стихи, юморески. Типичная пьеска — «Ильичата» 1925 (печатает Пролеткульт вслед за «Ничевоками»). Подобными «красными Петрушками» с 1918 переполняются все комедийные представления для народа, от традиционных площадных балаганов до стационарных Теревсатов во главе с энтузиастами-имажинистами (Б. Глубоковский, Н. Фореггер, Г. Козинцев). Но, как верно подмечает историк Б. Голдовский: «Петрушка, сменивший дурацкий колпак на будёновку, бил своей дубинкой, колол штыком «многоголовую гидру» — Антанту, Деникина, Юденича, Колчака, «Мировой империализм» и т.д... «Кукольная комедия» становится подцензурной, лишается импровизационности. И сам её главный герой, источник конфликта, проводник главных действий Петрушка из критика власти становится ее глашатаем... из перевёрнутой народной кукольной комедии уходит важнейший ее элемент — пародия». Гонимый при царизме вечный анархист вдруг становится охранителем. Как в «Хождении по вере» театра «Революционный Петрушка»

1918 года (будущего участника фэкс-кино Д. Гутмана), где герой расспрашивает представителей трех партий (Анархист, Кадет, Эсэра) об их идеях, а после побивает своей дубинкой.

Старый (по опыту) петрушечник Б. Юрцев ставит в 30-х по своим сценариям и со своим актерством ленты, над которыми в разной степени держится стяг эксцентрики: «Изящная жизнь» (английский матрос в стране большевиков находит любовь да работу), «Любовь Алёны» («Песнь о бабе Алёне» — деревенская дама обживает в городском общежитии), «Мяч и сердце» («Даже не однофамилец» — футбольная команда «Молот» против «Наковальни», запутанная любовь между спортсменами), «Твёрдый характер» (комсомольцы против пьянства), «Чёрная кошка» («Крылья», истреб в постановке троицей МАТ — с М. Гоморовым да всё тем же И. Кравчуновским, противостояние красного лётчика с французским в гражданской войне да послевоенном спорте).

В 1932 году Б. Юрцев перебирается в Питер, где работает с остатками ЭККЮ (Эксцентрический Кино-Коллектив Юткевича). По сути, он всё время пытается создать свой Эксцентрический Кино-Коллектив Юрцева (ЭККЮ-2). Привлекает как МАТ, так и близких комедиантов других трупп (в т.ч. одесситов и питерцев, из «Дьяволят» да «дьяволятской» белорусской «Лесной были»): А.П. Антонов, Т. Барышева, И. Бобров, Г. Бобынин, М. Виктор, А. Виноградов, Э. Геллер, К. Градополов, А. Громов, К. Гурняк, О. Жизнева, А. Жуков (позднее озвучивается Г. Вициным), В. Ковригин, С. Левитина, П. Леонтьев, В. Макаров, Е. Мельникова, П. Оленев, А. Панкрышев, С. Поляков, Р. Пужная, В. Рахальс, П. Репнин, П. Рожицкий, П. Савин, А. Сафронов (Легран), Г. Сергеева, П. Соболевский, И. Твердохлеб, Б. Тенин, А. Тутышкин, А. Филимонов, Н. Хрящиков, В. Чуваев, М. Штраух, К. Юдин (у него ассистентом да сорежиссёром), др.

В 1935–41 Б. Юрцев ссыльный на Колыме без суда по обвинению «в связи с антисоветски настроенными людьми». После возврата — единственная короткометражка о находчивом солдате «Стебельков в небесах» с М. Бернесом, снимается на Ашхабадской студии для Боевого киносборника 1941, но не выходит на экран. Сценарий «Мельница» («Месть») 1942 остаётся от другой военной новеллы, снимать не дают. Б. Юрцев занимается инсценировками для детского театра, вышивками-рописями по ткани, готовит мемуары.

После нескольких скандальных воплощений пьесы И. Кравчуновского — Б. Юрцева ничевоки снова появляются в Пролеткульте 1926 года. Московское отделение выпускает книжку «Хэп, хэп, мистер!» двух русскоязычных варшавско-ростовских немцев (по рождению), агентов советского авангарда на Западе (по факту). На обложке имена М. Геринга и Р. Рока. Первого иногда объявляют очередной маской второго. Атаман ничевоков (живёт тогда в Берлине) пишет очерки современного американского искусства по письмам своего родного брата (младше на три года) из Чикаго, где тот в качестве режиссёра ничевочествует в разных левых театральных студиях. Начинают оба в Ростовской Театральной мастерской, затем в Москве связываются с ТИМ. Марион Геринг с 1921 учится в ГВЫТМ (Государственные Высшие Театральные Мастерские) да ГЭКТЕМАС (Государственные Экспериментальные Театральные Мастерские), привлекается к мейерхольдовским спектаклям. В 1923 (на третий год) берёт трёхмесячный отпуск, едет для «ознакомления с американским театром» (американская «Википедия» делает открытие, что в США он попадает в 1924 году, в составе советской делегации по торговле сибирским мехом), вскоре просит продлить отпуск, успешно ставил спектакли с труппами Нью-Йорка и Чикаго (Гудман-театр, «Комедианты Каретного сарая», Литературно-драматическое общества при Еврейском народном институте (три известных)), выступает с лекциями, переписывается с мэтрами. Например, В. Мейерхольду от 3 мая 1925 жалуется на оклеветавших его коллег-мейерхольдовцев, признавая, что его «работа» осталась «не санкционированной» мастером. Но и позже пытающийся пробиться в Америке Б. Глаголин встречается с ничевоческим противодействием, жалуется В. Мейерхольду: «некто М. Геринг объявил себя в Нью-Йорке представителем Вашего театра и на основании того, что он самолично «ставил с Мейерхольдом большинство пьес, что планы постановок Мейерхольда

принадлежат ему», этот Геринг выступил в прессе с протестом против... моей лекции «О постановках Мейерхольда». В своем протесте этот сукин сын, очевидно, чернит и меня... Просьба: напишите этому представителю, чтобы он не завирался и пощадил нас с высоты своего величия». Семья из трёх человек (двое детей с женой — актрисой Д. Либэйр) не задерживают Мариона от отъезда в Голливуд, где как режиссёр он дебютирует фильмом «Я взял эту женщину» (показательное название!), с 1931–37, по некоторым справочникам, снимает 16 лент (типа «Дьявол и темнота»), в его фильмах начинают три звезды: К. Грант (любимый актёр А. Хичкока), Г. Купер (в будущем трижды оscarоносец), С. Сидни (русская по отцу, заметная в экспрессионистских лентах от Ф. Ланга до Т. Бартона). Затем три десятилетия до 1963 вне Голливуда М. Геринг пытается повторить успехи тридцатых как режиссёр и продюсер, работает на Кубе, в Европе на коралловых рифах Бермуд (боевики, видовые из будней подводного царства, мелодрамы, эротика), умирает в Нью-Йорке 1977.

Р. Рок тоже эмигрирует в Америку, но в Берне 1932 ещё выпускает книгу о немецком средневековом театре. Артист, самая полная биография которого по-фантомасовски называется «Человек, которого никто не видел», как Эд Геринг играет в детективном фильме экс-питерца Л. Могилевского (Могуй) «Акция в Аравии» 1944 (в титрах не обозначен) «о борьбе с нацистами за контроль над симпатиями арабов». В исследовании «Модернизм в Голливуде» печатается про сотрудничество ничевоков на собственных проектах с международной кино-элитой, до того привлекающей бродячую труппу С. Эйзенштейна (из того же Московского Пролеткульта): «маленькие радикальные театры стали появляться в Лос-Анджелесе во второй половине 1930-х. Среди них был Современный Театр, созданный в 1934 выходцами из Европы и Нью-Йорка. Цель театра — показать рядовым зрителям, как прогрессивная мысль выражается в драматических формах. После закрытия театра Эдвард Геринг, брат Мариона Геринга, открыл недолго просуществовавший Модерн-театр. В этом ему помогали Фриц Ланг, Фрэнсис Ледерер, Франк Капра и Залка Фиртель». В Калифорнии 1953 суд разбирает уголовное дело о мошенниках, где пострадавший «Эдвард Геринг, истец, театральный режиссер с большим опытом театрального менеджмента и преподавания драматического мастерства, арендовал студию в городе Лос-Анджелес». Мюнхенский профессор И. Кукуй делится своими разысканиями: «В 1925 Рюрик Рок эмигрировал в Берлин, где проживал до начала 1930-х... Марион привлекал брата к съёмкам, когда тот еще жил в Европе, и Рок ездил к нему в Америку... Во время проживания в Германии Р. Рок занимался театром и пытался войти в антропософские круги... Под именем Эдуард Эмиль Геринг-Рок он в 1934 переезжает в США и в 1935 подаёт прошение о натурализации, которое в 1939 было удовлетворено... Судя по всему, театральная карьера Рока не заладилась: на протяжении второй половины 1940-х газета... публикует объявления о маленьких театральных постановках в масонском храме Лос-Анджелеса. А от объявления в газете на кастинг («Эдвард Геринг, режиссер из Голливуда, режиссер 21 постановки, а сейчас руководитель программы Американское Классическое радио»), который проводил Рок в 1951 году для еженедельной радиопрограммы, веет уже не мистификацией ничевоков, а скорее рассказами О.Генри — грустной историей о несбывшихся мечтах и нежелании в этом признаться. Тем не менее Рок, по всей видимости, материально не бедствует: в 1962 году он может позволить себе поездку на лечение в Швейцарию, где он умирает 21 ноября 1962 года в возрасте 63 лет от болезни сердца».

В 1924 году из ЛЦК «за ничевочество» специальным декретом исключают тифлисского А. Чачикова с украинским А. Чичериным (ведёт курсы эксцентрического слова в ЛАТЭКС), тогда же выходит книжка комедиантов Перутру «Необычайные приключения племени ничевоков», последующими спектаклями по ней вдыхающая в угасшее движение новые силы — ненадолго. Позднее начинающим обэриутам приходится доказывать на театрализованных вечерах, что они не просто питерский филиал уже существующей группы, а развитие идеи: «Мы не ничевоки!». Зрители столичных поэзовечеров да слюнобрызгающие эмигранты относят

к ничевокам и некоторых близких по духу: В. Гнедов, И. Грузинов, С. Огурцов, Ф. Платов, проч. Молодёжные журналы часто исповедуют ничевочество вне связи с движением — от гимназического царскосельского «Ничего» 1916 года во главе с поэтом-художником А.Москвиным (будущий главный оператор питерской ФЭКС) до студенческого пермского «Ничто» 1990-х во главе с музыкантом-поэтом-художником из арт-коммуны ОДЕКАЛ (Ощип ДЕКадентских Альбатросов) В. Шмайсером.

В 60-х старательно забытое советской литературой буйное племя воскресает в Перми как пародирующая хиппи коммуна в сказочной повести Вл.Воробьёва «Капризка — вождь ничевоков». Подобно «дьяволятам» троица отважных (мальчиш Павлик с подружкой Наташей плюс сбежавший из книжки Кот в сапогах при шпаге (заменяющий китайчонка, негр-тёнка или цыганёнка)) воюет со зловредным волосатым карликом Капризкой (карикатура на Н. Махно в советской интерпретации) и его бандой, смахивающей на Гуляй-поле анархистов-бездельников. По примеру батьки (в принятом здесь тогда варианте изображения) коварный урод Капризка время от времени притворяется своим, втирается в доверие обещаниями свободы-равенства-братства, поднимает бунт против власти старших, подло обманывает пошедших за ним, пытается партизански захватить город, т.п. Совместная инсценировка «Капризка» писателя Вл. Воробьева с режиссёром Л. Футликом входит в рекомендованный список ста лучших пьес для театра кукол на сезон 1963–64 гг. Культовая на Урале книжка размножается в постоянных переизданиях, кукольном мультфильме, детских спектаклях, одноимённых конфетах, продуктовых павильонах, эротических сайтах, т.п. Три продюсера (в т.ч. бывший поэт-метафорист П. Печёнкин) с режиссёром студии «Пилот» С. Мериновым запускают в 2018 году первый выпуск пластилинового сериала «Капризка» в эксцентричном «пилотском» духе, где сюжет осовременен. Существуют судные свидетельства современников о знакомстве автора сказки про племя ничевоков с обитающими в Перми ссыльными из ростовского Становища Ничевоков 20-х.

Появляется и логичное продолжение эпопеи всёков да ничевоков: ничевсёки (акробаты на грани Всего с Ничто). В посвящаемом «дьяволятам» выпуске популяризаторской телевизионной передачи «Красная плёнка» 2000-х актёр театра-кино, диктор Б. Репетур прямо заявляет: «Они не люди — сверхлюди. Наши супергерои. Первые и последние. Больше таких не было». Правда, как теперь часто бывает даже в солидных источниках, авторы называют Павла Есиковского Петром. Что напоминает про ставшего одним северным городом Петропавловском двух южных святых. Или историю, типичную для отечественной гуманитарной интеллигенции, блюдущей традиции культуры, всячески акцентирующей внимательно-чуткое отношение к древностям разного рода (чем древнее, тем лучше). Среди университетских профессионалов-филологов, предпочитающих даже свой город Пермь именовать на книжный манер Юрятиным, получает неожиданную поддержку ряд текстов маргиналов-ничевсёков из арт-коммуны ОДЕКАЛ (Отмена ДЕмонстрации КАменных Лиц), в т.ч. программный стих С. Дадаграфа: «тем кто полон благодати/ подари судьбы лубок/ бог всего что есть некстати/ вот вам вот вам русский бог/ сей прозрений исторгала/ павла вяземского речь/ арлекинское начало/ помышляя уберечь». Открывающий новую религию провидец по традиции получает новое (немирское (поповское)) имя. Князь-скептик Пётр, задушевный враг Барона Брамбеуса (язва ещё похуже) щедро награждается именем неканонического (тринадцатого) апостола Павла. Текст неоднократно с успехом зачитывается на филологических вечерах, печатается в антологиях (КПП (Классики Пермской Поэзии), СУП (Современная Уральская Поэзия), т.п.), где-то как-то обсуждается, предлагается студентам в качестве достойного образца пост-чего-то-там. И никто из ревнителей традиций не замечает, как пушкинский приятель (личность достаточно известная) наглым образом меняет не только веру, но и имя. На таком фоне какой-то красный циркач Павел-Пётр не должен удивлять. Хотя удивляться всегда интересно. Ничему и Всеми.

Борис Эренбург

Два писателя

Марк Леви

В знаменитом эссе «Вечер с господином Тэстом» Поль Валери говорил, что стремление к славе — частая ошибка творцов, ахиллесова пята гениев. Прижизненная слава ставит под сомнение творчество, потому что в ней всегда есть оглядка на толпу, оттенок керосина в парфюме. Абсолютному гению плевать на известность, идеальный господин Тэст — это демон возможностей и только. Это творец, который не творит.

Через два года после публикации этого экзерсиса, в 1898 году, в России родился мальчик, которому предстояло написать гениальный роман и стать эталоном полного безразличия к славе и судьбе книжки. От этого автора осталась запутанная биография, роман, несколько невнятных воспоминаний современников и фотография в Википедии, на которой пожилой человек хохочет, глядя в журнал «Партийная жизнь».

Вспоминая бурную историю российской литературы XX века, славные имена писателей, шумные сюжеты с публикациями текстов «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита», споры о «Тихом Доне», великолепные пассажи «Золотого телёнка», интеллектуальную «Козлиную песнь» и многие другие романы, трудно поверить, что большинство американских, итальянских, французских студентов-славистов на вопрос о лучшем русском романе века назовут «Роман с кокаином» не известного никому М. Агеева.

Впервые роман был напечатан в эмигрантской прессе в 1934 году, обсуждался виднейшими критиками зарубежья, затем был забыт, через полвека найден в букинистическом магазине в Марселе и переиздан в переводах на европейские языки. Тогда же и удостоился мировой известности. Простите, но кто такой этот Агеев и о чем книжка?

Книга написана в жанре POV, от первого лица. Ничем не примечательный герой-рассказчик на нескольких десятках страниц превращает в иллюзию мораль девятнадцатого века, спускает в унитаз ценности века грядущего и умирает от умышленного передоза. Маргинальный персонаж с мрачной суицидальной траекторией без проблеска хеппи-энда как бы задал модель поведения тысяч граждан нового мира и этим потряс европейских читателей. Двадцатый век со своими революциями и войнами выбил бюргеров из насиженных биографий, как шары из луз. Тема оказалась близкой.

За полвека с момента появления роман прошёл путь от эмигрантского литературного дебюта до мирового бестселлера, но автор так и не объявился и не проронил ни слова по этому поводу. Господин Текст гулял сам по себе.

Потом выяснилось, что создатель романа даже не шифровался, не скрывал авторство, ему просто было все равно. Как это часто бывает, филологи попробовали приписать странный текст известным фигурам, называли Набокова. Сходство было: оба ровесника играли в одной литературной песочнице, но там, где изящный стилист, любитель бабочек, выводил совочком витые узоры, творец «кокаина» сносил их большой лопатой. Автор превращал мир в ничто без тибетско-индийского трэша, без хитроумных сюжетов, без философских дискурсов и манифестов. Его стерео-письмо заключалось в сочетании чуть ли не документального биографического реализма и описаний снов, приходов и кумаров, как модно выражаться сегодня.

По слухам его звали Марком Леви. Так рассказывала одна поэтесса, побывавшая в Константинополе, откуда в парижское издательство в 1933 году по почте пришла рукопись романа. Она уверяла, что нашла автора в психушке, с дрожью в руках и галлюцинациями в голове. После бурного, но краткого романа с «Марко», как она его романтически называла, девушка вернулась в Париж. Ей не верили.

Но именно первая сторона романа, этот текст.док, точные биографические данные позволили со временем установить автора «Романа с кокаином». Не прошло и века, как исследователи догадались заглянуть в архивы московской Креймановской гимназии, описанной героем-рассказчиком, и сравнить имена. Имя Марка Леви, выпускника 1916 года под 12-м номером, сразу бросалось в глаза, рядом стояли имена его одноклассников, хорошо знакомые из текста произведения. Затем нашли дело студента в архиве МГУ с фамилией того же Леви и запросом из Ереванского института, где этот Леви спокойно работал преподавателем около 30 лет до смерти в 1973 году. Вскоре обнаружили письма автора к издателю, в которых цитировались черновики романа. Авторство ереванского профессора, бывшего школьника московской гимназии, было доказано непоколебимо. Но раскрытая тайна авторства обернулась загадкой автора.

У Марка Леви было три жизни: первая дореволюционная, до 1918 года, описанная в романе и подтверждённая документами, третья советская с 1942 по 1973 год, уютная жизнь преподавателя-филолога, знатока иностранных языков, любителя музыки и коллекционера игральных карт. Об этом времени также свидетельствовали документы и воспоминания современников.

Но была ещё и вторая жизнь между ними, между отчислением из университета в 1919-м и высылкой из Турции в СССР в 1942 году. От этого средневековья не осталось сведений, кроме рассказа романтической поэтессы, пары писем к издателю и справки от советского консула в Стамбуле. В бумаге чиновник характеризует Леви как малоизвестного ему человека и отказывает в ходатайстве о возвращении советского гражданства. Консул со слов Леви пишет, что тот является автором книжки «Роман с кокаином», в которой, впрочем, нет ничего антисоветского, а сама вещь написана ради денег на существование.

В автобиографии для ереванского института сам Леви кратко говорит о работе в ВСНХ, затем в компании «Аркос», о легальном выезде из Советской России в Германию в 1924-м, о работе в европейских компаниях, о бегстве в Турцию перед войной и работе в издательской французской фирме в Стамбуле. Известно, что в Германии Леви получил парагвайский паспорт, который потом выслал из Константинополя знакомой поэтессе в Париж. Подруга должна была его продлить, но потеряла бумагу. Ещё один немецкий писатель упоминал, что встречал Леви в богемном кафе Берлина, где тот иногда торговал меховыми шапками. Никаких иных документов об этом периоде нет.

В 1942 году в Стамбуле провалилась операция советских спецслужб с покушением на германского посла фон Папена. После этого Леви был депортирован турками в СССР и оказался в Армении. Несмотря на сомнительную заграничную эпопею, родина не задушила Леви в объятиях репрессий, не отправила в тюрьму, не бросила в лагерь. Он просто уехал в Ереван и женился на красивой армянке.

Именно поэтому, а также потому, что все перечисленные в автобиографии фирмы, как правило, прикрывали зарубежную резидентуру ГПУ, возникла версия о писателе — советском агенте.

Роман обрывается смертью рассказчика, потому что «Буркевиц отказал», одноклассник, сделавший карьеру у красных, отказался спасти бывшего друга, ныне бесполезного для дела революции наркомана.

Этим финалом Леви разделался со своей первой жизнью и, словно в компьютерной игре, получил вторую. Потому что Буркевиц не отказал, и звался он совсем не Буркевиц.

В 1919 году только один из двадцатилетних соучеников Леви был видным красным начальником. Сергей Шпигельглас, учившийся с Леви в Московском университете на юридическом, как и он, с детства знавший иностранные языки, занимал уже тогда хорошую должность в ВЧК. Именно он мог устроить Леви в поезд к красному командарму, а затем и в «Аркос», московский питомник резидентуры советской разведки.

Шпигельглас, с 1922 года сотрудник иностранного отдела ГПУ, оставил громкий след в истории 30-х годов. Его называли личным киллером Сталина. Это был профессиональный охотник за головами, специалист по убийствам перебежчиков и врагов СССР за границей. В тридцатые Европа была буквально настигнута советскими разведчиками, которые следили за армиями и правительствами, за партиями и дипломатами, за членами Коминтерна и коммунистами, и, наконец, за самими советскими разведчиками. Если европейские страны в мирное время сокращали военную разведку, а иногда и вовсе распускали штаты, то Советская Россия всегда озиралась в поисках врагов и готовилась к бою.

Ликвидация противников была поставлена на поток и называлась литерными операциями. Организатор подобных событий Шпигельглас разобрался с известными перебежчиками в Швейцарии и Испании, уничтожил украинского националиста в Роттердаме, похитил двух белых генералов в Париже, организовал убийство члена четвёртого Интернационала в Берлине. Промахнулся он только с Троцким. Врага Сталина тогда вовремя предупредил изменивший агент, и операция сорвалась.

В таких делах положено убирать улики, а самой опасной уликой является киллер. Шпигельглас был арестован тем же НКВД и расстрелян на полигоне Коммунарка в хороводе жертв большого террора.

Марк Леви вряд ли был выдающимся агентом, его след не остался на политической карте эпохи, его равно миновали награды и кара спецслужб. Скорее всего, он часто терял связь с Москвой и вынужден был жить случайными заработками. Не исключено, что роман был одной из таких попыток немножко заработать. Высланный из Турции в СССР, Леви обрел тихую жизнь вдали от Москвы в образе скромного преподавателя иностранных языков.

Ремесло писателя чем-то сродни занятию шпиона, и тот и другой должны подглядывать важное и написать роман или рапорт. Мы знаем прекрасных авторов из спецслужб: Бомарше, Дефо, Сомерсет Моэм удачно сочетали оба занятия. Однако они не смогли преодолеть ни стремления к славе, ни любви к авантюрам, ни жадности денег. Этого не случилось с Леви. Автор знаменитого романа в своей третьей жизни обрёл покой. Ему было что вспомнить, но Марк Леви больше не проронил ни строчки.

Бывшие ереванские студенты были поражены интересом московских и зарубежных исследователей к покойному преподавателю. Но рассказать могли немного. Профессор был не по-советски элегантен, ходил в сером пальто и шляпе, никого никогда не приглашал в гости. Каждый год ездил в Москву. Коллекционировал игральные карты, символ встречи интеллекта, воли и случая. Вероятно, его привлекала фигура джокера, карты, способной сыграть любую роль. «В жизни надо испытать все», — цитировали ученики его любимую фразу.

В этой максиме слышится стремление к абсолюту и, быть может, разгадка молчания писателя. Кому нужен идеальный текст: управлению разведки в Москве, богу, человечеству?

Эти адресаты автору были хорошо знакомы. Возможно, он считал, что идеальный текст никому не нужен, а другой несовершенный текст он уже написал.

Зубцов-Зазубрин

Белогвардейский подпоручик Владимир Зубцов и революционный писатель Зазубрин родились на Тамбовщине в один день, час и даже минуту 1895 года просто потому, что оба они были одним человеком.

Мы не знаем, что произошло во время детства юного революционера в Пензе или его юности в Сызрани, но будущий юнкер уже тогда обрел любовь к театру и обостренное внимание к факту смерти, точнее, к ожиданию смерти, что проявилось в его юношеской живописи на тему «казней революционеров» и ранней гимназической пьесе. После гимназии сын железнодорожного служащего Володя Зубцов оказывается активистом революционной ячейки, затем агентом охраны с кличкой Минин. В водовороте бурных лет смуты мы видим его то секретарем Комиссара госбанка Временного правительства, то юнкером Павловского училища, то мобилизованным колчаковцем в Омске вблизи диктатора, и наконец, подпоручиком 15-го стрелкового добровольческого полка в Красноярске. Он любил Достоевского, особенно роман «Бесы», а катехизис Нечаева знал наизусть. Только через кровь, через жертвы, через смерть торжествует идея, все равно чья. На фронте будущий писатель жадно наблюдает феномен насилия и смерти, он видит и запоминает то, что другие сразу стараются забыть, стереть из памяти, отбросить в глубину подсознания.

Дело Колчака проиграно, идут последние бои, офицер Зубцов агитирует взвод пермских солдат-добровольцев и с двумя пулеметами и полуротой переходит на сторону красных партизан. Среди партизан есть люди, которые помнят его революционное прошлое в Сызрани. Зубцова принимают в красные войска, он работает в газете «Красная звезда», выступает на митингах. По заданию ЧК он вновь играет роль двойного агента, переодевается белым офицером и выполняет опасное задание по выявлению вражеского подполья в Сибири. В маленьком городке Канске Зубцов заболевает сыпным тифом. Дочь хозяйки дома, где остановился красный командир, спасает больного от смерти и становится его женой. Болезнь как бы остановила стремительное движение Зубцова по жизни и сделала его писателем. Выздоровившая, Зубцов — теперь уже Зазубрин — пишет роман о зверствах колчаковцев и ответном терроре красных «Два мира». Эту вещь будут потом с интересом читать Ленин и Горький, Буревестник назовет его «первым советским романом», а ехидный писатель Пильняк проедется по этой литературе такой фразой: «Романа в сущности нет, как нет ни фабулы, ни завязки, ни персонажей, как нет ни Красной армии, ни её бойцов, ни дивизии, ни души, ни мозга... Содержанием романа является баталия. На первых пятидесяти страницах я насчитал 27 боёв и 141 смерть».

Именитый писатель Пильняк не понял, что эта «141 смерть» и является главным достоинством «Двух миров», выдержавших десяток изданий при жизни автора. Но Зазубрину мало успеха этого рваного и неровного эпоса, к тому же в боях смерть случайна, а его интересует феномен организованного насилия, смерти во имя идеи, методичной и безжалостной, похожей на скотобойню, парад обреченных под дулами палачей. И объект для такой повести есть. Зазубрин с интересом расспрашивает знакомых чекистов про их повседневную работу, возможно, сам отправляется на экскурсию в ЧК. Результатом этого в 1923 году станет то, что никогда не позволит стереть имя Зазубрина-Зубцова из русской и мировой литературы — повесть «Щепка».

В этой повести-галлюцинации, похожей на кошмарное сновидение, описаны ежедневные массовые казни и постепенный исход в сумасшествие главного чекиста-героя. С ужасом

и восторгом автор демонстрирует конвейер смерти во имя великой бесполезной идеи, индустриальную бойню, стирающую человеческие жизни и превращающую людей в груды обезличенного мяса.

Маленькая повесть вмещает в себя целиком новую темную сторону двадцатого века: печи Освенцима и Катынь, бойни Пол-Пота и бараки Гулага, застенки иранской революции и тюрьмы Острова Свободы, провал вечно черного настоящего во имя светлого будущего.

Зазубрин знает, что повесть — его высшее творение. Он читает «Щепку» всем: друзьям, редакторам литературных журналов двадцатых годов, Горькому и даже Дзержинскому. Любитель Достоевского и мастер психологических провокаций Зазубрин с интересом следит за реакцией слушателей. Ошарашенный Дзержинский говорит автору «первого советского романа», что такое можно опубликовать лет через 50. И действительно, повесть не печатает никто, в Сибири автора начинают травить. Зазубрин переезжает в Москву, под крыло к Горькому, участвует в писательских встречах, редактирует журнал с безупречным названием «Колхозник». В 1932 году на встрече писателей у Горького с руководством страны Зазубрин устраивает рискованный эксперимент — провоцирует самого Сталина. «Почему для Муссолини западная пресса нашла рефлекс величия — мощный подбородок, а советские писатели не могут найти подобный фактор для товарища Сталина?» — говорит автор «Щепки» за пиршественным столом. Маленький рябой Сталин сидит насупившись и слушает речь про величие челюсти фашистского вождя.

В 1936 году умирает Горький, а через год чекисты приходят за писателем и его женой. Зазубрину припоминают Зубцова — работу в охранке, колчаковскую службу и, конечно, зазубринскую «Щепку».

28 сентября 1937 года в подвале тюрьмы НКВД пуля чекиста пробивает затылок писателя. Зубцов-Зазубрин испытывает то, что тысячи раз испытали его герои: холод подвала, шелканье курка и механическое величие неотвратимой смерти. Мы не знаем, как воспринял Зазубрин это событие — как аттракцион, как наказание или как высшую награду. Ведь автор «Двух миров» всегда был двумя людьми: прокурором и обвиняемым, палачом и жертвой, автором и героем — вернее, они оба были одним человеком.

Виталий Аширов родился в 1982 году. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал копирайтером, редактором, дизайнером. Пишет прозу, стихи, статьи. Публиковался в журналах «Вещь», «Урал», «Нева», «Крещатик», Homo Legens, «Юность», «Здесь», «Опустошитель», «ИШЬ», «Золотое руно», интернет-ресурсах «Полутона», «Камертон», «Литература», «Топос», «Новая реальность» и «Мегалит». Статьи печатались в веб-журнале «Текстура», на веб-портале «Сигма». В 2019 году в издательстве «Кабинетный ученый» вышла дебютная книга. Живет в Перми.

Владимир Бекমেетьев родился в 1991 году в г. Кизел Пермской области. Окончил философско-социологический факультет ПГНИУ. Тексты публиковались в журналах «Вещь», «Здесь», «Контекст»; интернет-изданиях «Полутона», Stenograme, «Артикуляция», «Флаги». Лонг-лист «Премии Русского Гулливера» (2014). Лонг-лист «Премии им. Евгения Туренко» (2016). Лонг-лист литературно-критической премии «Неистовый Виссарион» (2019). Резидент музея «Арткоммуналка. Ерофеев и другие» (Коломна, 2019). Автор книги стихов «Недужный падеж» (Екб.: «Полифем», 2017). Живет в Перми.

Дебора Гринберг родилась в Перми, сейчас заканчивает Лицей №2. В 2019 году публиковалась в лицейской газете «МТТ». На постоянной основе ни в каких литературных объединениях не состоит.

Мария Гринкевич родилась в Пермском крае, с. Завод-Кын, с 2016 г. обучается в магистратуре ПГНИУ на филологическом факультете. Есть публикации в поэтических сборниках «Отечества священная палитра» (с 2014 по 2017). Состоит в творческом объединении «Лимонный морсик». Живёт в Перми.

Питер Джицци родился в 1959 году в городе Альма, Мичиган. Начиная с 1992 года издал 9 книг стихотворений, является лауреатом премии Lavan Younger Poet Award Академии Американских Поэтов (1994), а также многих стипендий (The Fund for Poetry, 1993, The Foundation for Contemporary Arts, 1999 и др.). Выступал редактором изданий o-blek: a journal of language arts (1987–1993), The Exact Change Yearbook и других.

Константин Духонин родился в 1974 году в Перми. Учился на кафедре электротехнического факультета Политехнического института. Затем на филологическом факультете ПГУ. В рамках курсовой работы на основе математических методов и лингвистического анализа разработал детектор лжи. Работал журналистом, блогером и политтехнологом. В создании текстов использует возможности многоуровневых нейронных сетей. Живет в Перми.

Татьяна Инструкция — альтер-эго поэта, художника и активиста. Дебютная подборка стихов опубликована в сетевом издании «Сигма». Живет в Санкт-Петербурге.

Андрей Коровин родился в Тульской области в 1971 году. Окончил Юридический институт МВД РФ, Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького (семинар поэзии, руководитель — Ю.П. Кузнецов). Автор одиннадцати поэтических книг. Создатель и куратор литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва). Руководитель культурного проекта «Волошинский сентябрь». Живет в Подольске.

Сергей Крюков родился в 1970 году в Перми. Окончил Академию художеств в Санкт-Петербурге. Участник выставок в Московском музее современного искусства, ГЦСИ, галерее «Борей». Автор романов «Чипмен» и «Институт виртуалогии». Публиковался в журналах «Арион» и «Вещь».

Ульяна Кучина (псевд. Яна Полевич). Родилась и живет в городе Перми, учится в гимназии №11 им. С. П. Дягилева. Является участником команды проекта «Искусство поэзии требует слов», где занимается также дизайном афиш для мероприятий. Ранее нигде не публиковалась. Обладательница специального приза жюри VI ежегодного поэтического конкурса «Поколение новой России» в номинации «Создание поэтического образа».

Алексей Лукьянов родился в 1976 году. Учился в Соликамском педагогическом институте на филологическом факультете (не окончил). После армии сменил несколько профессий — в том числе работал кузнецом. Лауреат Новой Пушкинской премии (2006), премий «Бронзовая улитка» (2009 и 2011) и «Полдень» (2009 год). Публиковался в журналах «Уральская новь», «Октябрь», «Полдень. XXI век», «Новый мир», «Вещь». Автор книг «Спаситель Петрограда» (2006), «Глубокое бурение» (2010), «Цунами» (2012), «Бандиты» (2014), «Бандиты-2» (2016). Живет в Соликамске.

Анна Панина родилась в 1973 году в Перми. Окончила филологический факультет Пермского университета. Была участницей арт-группы «Одекал». Под именем Дина Дельфинова публиковалась в альманахах «Вавилон», «Самиздат» и журнале «Урал». Живет в Перми.

Сергей Сигерсон родился в 1968 году в кубанской станице Воронежской. Детство провёл на Колымской трассе. Юность — в разъездах по стране, время от времени мечтая осесть то в Петрограде, то в Одессе. Зрелость встретил в Перми, где основал арт-группу «ОДЕКАЛ». Печатался в газетах, журналах и сетевых изданиях от «Магаданского комсомольца» до нью-йоркского «Черновика», но предпочитает самиздат. Живет в Перми.

Александр Уланов — поэт, переводчик, прозаик, критик. Окончил Куйбышевский авиационный институт. Автор нескольких книг стихов и малой прозы, около 50 статей о современной русской и зарубежной литературе (публикации в "Ex Libris НГ", «Знамени» и др.), переводов с английского (современная американская поэзия), французского (Поль Валери), немецкого («Сонеты к Орфею» Р. М. Рильке). Лауреат Премии Андрея Белого 2009 года (за литературно-критические статьи), шорт-лист 2006 (в номинации «Проза»).

Борис Эренбург родился в 1958 году в городе Бийске Алтайского края. С 1992 года занимается издательской деятельностью. Автор поэтической книги «Синдерелла» и научно-популярного издания «Звериный стиль». Издатель журнала «Вещь». Организатор поэтического фестиваля «Компрос». Живет в Перми.

Вещь: Литературный журнал. — Пермь: Издательство «Сенатор», 2020. — 128 стр.

Редактор:
Павел Чечеткин

Выпускающий редактор:
Юрий Куроптев

Дизайн обложки:
Иван Моисеенко

Верстка, дизайн:
Евгения Тесленко

Корректор:
Марина Артемова

Иллюстрации:
Илья Гришаев

Рукописи для публикации принимаются по электронному адресу:
e-mail: senator.perm@gmail.com

Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вещь» обязательна.

Тираж 200 экз.

Адрес редакции:
614000, г. Пермь, ул. Луначарского, 21
Тел. (342) 212-32-17
e-mail: senator.perm@gmail.com

18+

© «Вещь», 2020
© Авторы, 2020
© Издательство «Сенатор», 2020

Проект осуществлен при поддержке Министерства культуры Пермского края

